

КОРМАК МАККАРТИ

Современная американская классика,
не уступающая величайшим литературным
достижениям века.

San Francisco
Chronicle

ПОГРАНИЧНАЯ ТРИЛОГИЯ

Кони, кони...

За чертой

Содом
и Гоморра,

или

Города окрестности сей

Большой роман

Кормак Маккарти

**Пограничная трилогия:
Кони, кони... За чертой.
Содом и Гоморра, или
Города окрестности сей**

«Азбука-Аттикус»

1992, 994, 1998

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Маккарти К.

Пограничная трилогия: Кони, кони... За чертой. Содом и Гоморра, или Города окрестности сей / К. Маккарти — «Азбука-Аттикус», 1992, 994, 1998 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-20264-1

Кормак Маккарти – современный американский классик главного калибра, лауреат Макатуровской стипендии «За гениальность», мастер сложных переживаний и нестандартного синтаксиса, хорошо известный нашему читателю романами «Старикам тут не место» (фильм братьев Коэн по этой книге получил четыре «Оскара»), «Дорога» (получил Пулицеровскую премию и также был экранизирован) и «Кровавый меридиан» («своего рода смесь Дантова „Ада“, „Илиады“ и „Моби Дика“», по выражению Букеровского лауреата Джона Бэнвилла). Романы «Кони, кони...» (удостоенный Национальной книжной премии США и перенесенный на экран Билли Бобом Торнтоном, главные роли исполнили Мэтт Дэймон и Пенелопа Крус), «За чертой» и «Содом и Гоморра» составляют «Пограничную трилогию». Это великолепное сочетание героической саги и мелодрамы, проникнутое прямотой классического вестерна и элегичностью полузабытого мифа. Здесь юные герои – то ли желая, как все подростки, стать настоящими мужчинами, то ли снedaемые американской страстью к перемене мест, то ли повинувшись зову святого Грааля – однажды садятся на коней и, переправившись через реку, отделяющую Техас от Мексики, попадают в мифологическое пространство. Они будто оборачиваются героями древнего жестокого эпоса, где люди встречают призраков, а насилие стремительно, как молния... «Мир Кормака Маккарти – это старый мир, более просторный, чем тот, к которому мы привыкли; это мир, не терпящий спешки, мир моральных абсолютов, мир, откровенно противопоставленный современности» (New Republic).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20264-1

© Маккарти К., 1992, 994, 1998

© Азбука-Аттикус, 1992, 994, 1998

Содержание

Кони, кони...[1]	7
I	7
II	65
III	98
IV	138
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Кормак Маккарти

Пограничная трилогия

Cormac McCarthy

ALL THE PRETTY HORSES

Copyright © 1992 by Cormac McCarthy

THE CROSSING

Copyright © 1994 by Cormac McCarthy

CITIES OF THE PLAIN

Copyright © 1998 by Cormac McCarthy

All rights reserved

© С. Б. Белов (наследник), перевод, 1996

© В. Б. Бошняк, перевод, примечания, 2012, 2013

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство ИНОСТРАНКА®

Кони, кони...¹

I

Пламя свечи вместе с его отражением в высоком зеркале дважды отклонилось и выпрямилось – когда он отворил дверь, входя в холл, и когда закрыл ее за собою. Он снял шляпу и медленно двинулся вперед. Под сапогами заскрипели половицы. В темном зеркале, на фоне лилий, бледно склонившихся в хрустальной вазе с высоким узким горлом, возникла фигура в черном костюме. Сзади, по стенам холодного коридора, в скудном освещении поблескивали застекленные портреты предков, о которых он мало что знал. Он посмотрел на оплывший огарок, потрогал пальцем теплую восковую лужицу на дубовой поверхности, потом перевел взгляд на того, кто лежал в гробу. Странно съежившееся на фоне обивки лицо, пожелтевшие усы. Веки тонкие, словно бумага. Нет, никакой это не сон. Не сон это. Снаружи было холодно, темно и безветренно. Где-то в отдалении промычал теленок.

При жизни ты так никогда не причесывался, сказал он.

В доме стояла мертвая тишина, если не считать тиканья каминных часов в гостиной. Он вышел, прикрыв за собой дверь.

Холодно, темно и безветренно, и лишь над восточным краем мира проступала серая полоса. Он шел и шел, пока не оказался в прерии, потом остановился со шляпой в руках, словно проситель, представший пред ликом тьмы, правящей миром. Стоял и стоял. Потом повернулся и зашагал обратно. Издали послышался слабый гул поезда, и он снова остановился в ожидании, а когда поезд приблизился, ощутил, как под ногами подрагивает земля. Поезд мчался с востока, словно удалой предвестник светила, – летел рыча и завывая, и узкий луч прожектора вонзался во тьму, в мескитовые заросли, порождая в ночи бесконечную линию ограды вдоль рельсов, рождая и опять всасывая в себя проволоку и столбы. Поезд продолжал свой бег, оставляя за собой шум, грохот и шлейф дыма, хорошо заметный на светлеющем небе. А он стоял, держал в руках шляпу и смотрел на состав, пока тот не растворился в ночи, пока не стихли последние отголоски шума и грохота, пока не перестала подрагивать земля. Тогда он надел шляпу, повернулся и зашагал назад.

Когда он вошел в кухню, она обернулась от плиты и оглядела его с головы до ног, заметив новый костюм.

Buenos días, guar².

Он повесил шляпу на крючок у двери, где висели дождевики, подседельные одеяльца-вальтрапы и разрозненные элементы конской упряжи, подошел к плите, налил себе кофе и направился с чашкой к столу. Она же, открыв дверцу духовки, вытащила противень с только что испеченными булочками, положила одну на тарелку, подошла к столу и поставила перед ним, не забыв захватить нож для масла. Легонько коснулась пальцами его затылка, потом вернулась к плите.

Спасибо, что зажгла свечу, сказал он.

¿Cómo?³

La candela. La vela⁴.

---

¹ Перевод С. Белова под ред. В. Бошняка.

² Добрый день, красавчик (*исп.*).

³ Что? (*исп.*)

⁴ Свечу, говорю... Свечку (*исп.*).

*No fui yo*⁵, возразила она.

*¿La señora?*⁶

*Claro*⁷.

*¿Ya se levantó?*⁸

*Antes que yo*⁹.

Он допил кофе. За окном занимался рассвет. К дому шел Артуро.

Отца он увидел на похоронах. Тот стоял от всех отдельно у ограды, на другой стороне дорожки, посыпанной гравием. Один раз зачем-то сходил к своей машине, но сразу вернулся. С утра задул сильный ветер, и поднятая им пыль смешивалась с хлопьями снега. Женщины сидели, судорожно придерживая руками шляпки. Кладбищенские служители поставили навес, но от него было мало проку – ветер налетал то с одной, то с другой стороны и трещал брезентом, заглушая слова священника. Когда церемония закончилась и собравшиеся стали подниматься, ветер набросился на складные стулья, принялся гонять их по кладбищу, запуская ими в надгробья.

Под вечер он поседлал коня и двинулся на закат. Ветер дул уже не с таким остервенением, но было очень холодно, и багровый диск солнца превратился в овал, сплюснутый между грядой облаков и линией горизонта. Он ехал туда, где любил бывать, – к западной ветке старой тропы команчей, которая вела с севера, из округа Кайова, и проходила по западной оконечности их ранчо, удаляясь на юг, в прерии, между северным и средним рукавами Кончо-Ривер, причем ее очертания хоть и смутно, но до сих пор еще различались на низменной равнине. Он выбирал именно эти предзакатные часы: тени в это время делались длинными и старинная дорога возникала перед ним в зыбком свете умирающего дня, словно воспоминание о былом, когда с севера на своих раскрашенных лошадках выступали те, кто принадлежал к древнему исчезнувшему племени, – мужчины с набеленными лицами и длинными волосами, заплетенными в косицы, воины, оснащенные всем необходимым для войны, которая и была их жизнью, а с ними женщины и дети, и женщины с грудными детьми на руках, все отданные в залог ростовщику, который принимает в качестве выкупа кровь, и только кровь. Когда дул северный ветер, в его завываниях ему слышалось фыркание лошадей, глухой топот обернутых кожей копыт, постукивание копий и шорох повозок, будто по песку ползет гигантский змей; рядом мальчишки, лихо, словно наездники-циркачи, гарцуя на незаседланных конях, гнали перед собой табуны диких мустангов, за ними бежали собаки с высунутыми языками, а сзади брели полуголые невольники, сгибаясь под тяжкой поклажей, и над всем этим – походная песнь, которую пели всадники, продвигаясь вперед, и, внимая этому негромкому, но могучему хору, он думал о тех, кто странствует теперь по этой пустыне из мрака во мрак. Он думал о народе, потерянном и для истории, и для живой памяти. Он думал о еще одном исчезнувшем Граале – о призрачной общности земных человеческих существований, неистовых и мимолетных.

Он ехал на закат, навстречу красному ветру, и низкое солнце покрывало его лицо слоем меди. Потом по все той же старинной военной тропе он свернул на юг и вскоре оказался на вершине небольшого холма. Спешился, бросил поводья, отошел от коня и застыл, словно человек, в жизни которого что-то кончилось.

---

⁵ Так это не я (исп.).

⁶ А кто – хозяйка? (исп.)

⁷ Естественно (исп.).

⁸ Она что, уже встала? (исп.)

⁹ Раньше меня (исп.).

Неподалеку, в кустах, валялся конский череп. Он подошел к тому, присел, взял в руки. Дожди и ветра отмыли и отскребли череп добела. Сидя на корточках, он рассматривал в свете уходящего дня находку, которая показалась ему хрупкой, будто чаша. Разглядывал шероховатые черепные пластины, их сочленения, трогал пальцами длинные шаткие зубы, – точь-в-точь такие, какими их рисуют в комиксах. Чуть поворачивая череп, слушал, как внутри пересыпается песок.

В лошадях ему нравилось то же, что и в людях. Бурный ток крови, разжигающий неугасимый пожар. Он любил и почитал пламенные сердца и ощущал в себе загадочный и неукротимый порыв. Он твердо знал: как бы ни сложилась его жизнь, он всегда будет повиноваться этому властному неумолчному зову.

Возвращался уже затемно. Конь прибавил ходу. За спиной, на равнине, угасали блики дня, растворявшегося в холодном мраке наступающей ночи. Из темных зарослей колючего кустарника доносились последние птичьи трели. Он еще раз пересек старинную военную тропу и повернул к дому, тогда как индейцы продолжали двигаться своей дорогой в той тьме, частью которой стали. Тихо постукивали первобытные орудия войны, звучала походная песнь, и отряды тянулись и тянулись по равнинам к югу, в вожденную Мексику.

Дом построили в тысяча восемьсот семьдесят втором году, и семьдесят лет спустя его дед стал первым, кто в нем умер. Всех прочих, кому случалось лежать в гробу в этом холле, доставляли в дом по-разному – кого на створке ворот, кого завернутым в брезент, а кого-то привозили в заколоченном сосновом ящике, и у крыльца переминался с ноги на ногу возница или шофер, держа в руке квитанцию. Многие, впрочем, в этот холл так и не попадали, и об их кончине родственники узнавали из газеты, письма или телеграммы.

Поначалу ранчо занимало площадь две тысячи триста акров, составляя небольшую часть того, что в достопамятном частном договоре Мейзебаха с компанчами именовалось землями Фишера – Миллера. Первое жилище представляло собой хибару из одной комнаты, со стенами из обмазанного глиной плетня и крышей, положенной на жерди. Ее поставили в восемьсот шестьдесят шестом. В тот год через северную окраину ранчо по территории тогдашнего округа Бексар прогнали первое стадо к Форт-Самнеру и Денверу. Пять лет спустя его дед отправил по той же тропе стадо бычков в шестьсот голов и на вырученные деньги построил теперешний дом. К тому времени ранчо занимало площадь уже восемнадцать тысяч акров. В восемьдесят третьем году была установлена первая изгородь с колючей проволокой. К восемьдесят шестому исчезли бизоны. Той же зимой случился большой падеж скота. В восемьдесят девятом прекратил свое существование Форт-Кончо.

Его дед был старшим из восьми братьев. Остальные семеро поумирали, не дожив до двадцати пяти. Тонули в реках, сгорали в пожарах, погибали от пуль. Одного затоптали кони. Казалось, их пугало только одно – умереть в своей постели. Последние двое были застрелены в Пуэрто-Рико в девяносто восьмом. Весной того же года дед женился и привел на ранчо молодую супругу. Возможно, выходя из дома, порой он озирает свои владения и размышляет о неисповедимых путях Господних и непреложности первородства. Двенадцать лет спустя в эпидемию гриппа жена умерла, так и не оставив наследника. Через год он женился на ее старшей сестре, и еще через год у них родилась дочь – мать Джона-Грейди. Больше в этом доме никто не рождался. В день, когда буйный северный ветер гонял стулья по жухлой кладбищенской траве, в землю ушел последний из рода Грейди. Фамилия его внука была Коул. Джон-Грейди Коул.

Джон-Грейди встретил отца в вестибюле отеля «Святой Анджелус», и они двинулись по Чадборн-стрит. Войдя в кафе «Орел», они направились к угловой кабинке. При их появлении разговоры за столиками стихли. Многие кивали отцу, а кто-то даже окликнул его по имени.

Официантка, которая называла всех лапочками, принимая заказ, немножко пококетничала с Джоном-Грейди. Отец вытащил из кармана пачку сигарет, достал одну, закурил, а пачку положил на стол, поставив рядом зажигалку «зиппо Третий Полк». Откинувшись на спинку стула, он курил и поглядывал на сына. Потом стал рассказывать, как его дядя Эд Элисон по окончании похорон подошел к священнику, чтобы пожать тому руку. Придерживая руками шляпы, они стояли на ветру, наклонившись вперед под углом тридцать градусов, словно комики на эстраде, а ветер хлопал брезентом навеса и гонял по траве складные стулья, за которыми бегали кладбищенские служители.

Чуть не касаясь носом щеки священника, Эд Элисон проорал ему в самое ухо, что, слава богу, погребение уже состоялось, а то еще немного, и разразится настоящая буря.

Отец беззвучно рассмеялся, потом закашлялся, отпил воды и, продолжая курить, покачал головой:

Один мой приятель – он из северного Техаса – рассказывал, что у них там однажды перестало дуть так неожиданно, аж куры все разом попадали!

Официантка принесла кофе.

Пейте, лапочки, сказала она. Сейчас будет остальное.

Она уехала в Сан-Антонио.

Не говори про нее «она».

Ну, мама...

Уехала, знаю.

Сидят, пьют кофе.

Что собираешься делать?

Насчет чего?

Ну, вообще.

Ее дело. Захотела – поехала.

Сын посмотрел на отца в упор:

Зря ты куришь.

Отец поджал губы, побарабанил пальцами по столу, взглянул на сына:

Когда я попрошу твоего совета, что мне делать, тогда ты поймешь, что стал взрослым.

Ясно, сэр.

Деньги нужны?

Нет.

Отец пристально посмотрел на сына:

Ничего, пробьешься.

Официантка принесла и поставила перед ними толстые фаянсовые тарелки – бифштексы с подливкой, к ним картошка и фасоль.

Отец заткнул салфетку за воротник рубашки.

Я ж не за себя беспокоюсь, сказал сын. Это хоть я могу тебе сказать?

Отец покосился на сына и, взяв нож и вилку, стал резать бифштекс.

Это можешь, кивнул он.

Официантка принесла корзинку с булочками, поставила на стол и удалилась. Они принялись за еду. Отец ел вяло. Вскоре он оттолкнул тарелку, вытащил из пачки еще одну сигарету, постучал ею по зажигалке, закурил.

Говори что вздумается. Господи, можешь даже пилить меня, что я много курю.

Сын промолчал.

Ты же знаешь. Я не этого хотел.

Конечно знаю.

Ты хорошо смотришь за Редбо?

Вообще на нем не езжу.

Давай в субботу попробуем?

Можно.

Если у тебя есть другие дела, то не надо...

Нет у меня никаких дел...

Отец курил, сын не спускал с него глаз.

Если не хочешь, не надо, сказал отец. Я серьезно...

Хочу.

Вы можете с Артуро сами собраться? А потом в городе меня подхватите, ладно?

Хорошо.

Во сколько?

Во сколько встанешь.

Встану как скажешь.

Заедем в восемь.

В восемь так в восемь.

Сын ел, отец недовольно озирался по сторонам, потом проворчал:

Прямо не знаю, есть тут у них кто живой или нет. Кофе не допросишься!

Джон-Грейди и Ролинс расседлали и отпустили коней в темноту, а сами улеглись на вальтрапах, положив под головы седла. Вечер выдался холодный и ясный, раскаленные искры от костра долетали до самых звезд. С шоссе слышался гул грузовиков, и в небе стояло зарево от огней города, что в пятнадцати милях к северу.

Что собираешься делать? – спросил Ролинс.

Не знаю... Ничего...

На что ты рассчитываешь? Он старше тебя на два года. И у него машина.

При чем тут он?

А она что говорит?

Ничего. Что она может сказать?

Так чего же ты ждешь?

Ничего.

В субботу в город поедешь?

Нет.

Ролинс вынул из нагрудного кармана сигарету, выкатил из костра уголек, прикурил. Сидит, курит.

Я бы не стал плясать под ее дудку, сказал он.

Джон-Грейди промолчал. Ролинс стряхнул пепел о каблук:

Плюнь ты на нее. Все бабы одинаковы.

Джон-Грейди отозвался не сразу.

В том-то и дело, сказал он.

Вернувшись домой, Джон-Грейди вычистил коня, поставил в денник и пошел на кухню. Луиса уже легла, в доме стояла тишина. Он пощупал кофейник. Взял из сушилки чашку, налил себе кофе, с чашкой вышел в коридор.

В дедовом кабинете подошел к столу, включил настольную лампу, сел в старое дубовое кресло. На столе подставка с медным календариком, переворачивающимся на оси. Перевернешь – меняется число. Пока на нем значилось тринадцатое сентября. Еще на столе была пепельница, стеклянное пресс-папье, фирменная амбарная книга компании «Палмер фид энд саплай» и фотография матери Джона-Грейди на выпускном вечере. Фотография была в серебряной рамке.

В комнате стоял въевшийся запах сигарного дыма. Джон-Грейди протянул руку к лампе, выключил, остался в темноте. За окном тянулась, уходя на север, залитая звездным светом прерия. На фоне созвездий темнели крестики старых телеграфных столбов. Дед рассказывал, что в прежние времена команчи резали провода и для маскировки соединяли концы конским волосом. Джон-Грейди откинулся на спинку кресла, положил скрещенные ноги на стол. Далеко на севере, милях в сорока, полыхали зарницы. Часы в гостиной пробили одиннадцать.

По лестнице спустилась мать и появилась в дверях кабинета. Включила верхний свет и неподвижно застыла, стоит в халате, сложив руки на груди и обхватив локти пальцами. Джон-Грейди обернулся, а потом снова уставился в окно.

Что ты тут делаешь?

Сажу.

Мать стояла очень долго, потом повернулась, вышла и стала подниматься к себе наверх. Услышав, как закрылась дверь ее комнаты, Джон-Грейди встал, выключил верхний свет и снова опустился в кресло.

Изредка еще выдавались последние теплые деньки, и тогда Джон-Грейди с отцом усаживались на белые плетеные стулья в отцовском номере и распахивали окно настежь. Сквозняк задувал тюлевые занавески в комнату, а они сидят себе, пьют кофе. Иногда отец подливал себе в чашку немного виски. Прихлебывая сдобренный алкоголем кофе, он курил и смотрел на улицу, где вдоль тротуара длинной вереницей выстроились джипы геологов, ищущих нефть, придавая мирному городу сходство с зоной военных действий.

Если бы у тебя были деньги, ты бы купил ранчо?

У меня были деньги, но я его не купил.

Это после войны? Когда тебе заплатили за армию?

Нет... У меня бывали деньги и потом.

А сколько ты выигрывал? Какой твой рекорд?

Тебе незачем это знать. Азартные игры – дурная привычка.

Может, как-нибудь сыграем в шахматы?

На шахматы у меня теперь не хватает терпения.

Зато на покер у тебя терпения хватало.

Покер другое дело.

В чем же разница?

В деньгах, вот в чем.

Посидели молча.

Земля в этих краях еще в цене, снова заговорил отец. В прошлом году открыли крупную скважину. Компания «Ай-Си-Кларк».

Он отхлебнул кофе, потом взял пачку сигарет, закурил, посмотрел на сына и снова перевел взгляд на улицу. Помолчав, он сказал:

В тот раз я выиграл двадцать шесть тысяч долларов. Играл двадцать два часа кряду. На последней сдаче в банке скопилось четыре тысячи, а играли трое. Я и двое из Хьюстона. Я выиграл, имея на руках три дамы.

Он снова посмотрел на сына. Тот сидел, поднеся чашку ко рту. Рука его застыла в воздухе. Отец отвернулся и посмотрел в окно.

От всех этих тысяч у меня не осталось ни гроша, сказал он.

А мне-то, по-твоему, что делать?

Не думаю, чтобы ты что-нибудь мог сделать.

А ты не можешь с ней поговорить?

Да я вообще с ней говорить не могу.

Раньше-то мог.

Последний раз мы с ней поговорили в Сан-Диего, Калифорния, в сорок втором году. Ее винить тоже не стоит. Я стал не тот, что прежде. Как это ни печально.

Внешне, может, и не тот. А в душе такой же...

Отец закашлялся. Потом отпил из чашки.

Ага. В душе!..

Они долго сидели, не проронив ни слова.

Она играет в каком-то театре...

Это я знаю.

Сын поднял с пола шляпу и положил на колени.

Мне, пожалуй, пора...

Мне очень нравился ее старик. А тебе?

И мне нравился, ответил сын, отвернувшись к окну.

Не надо плакаться мне в жилетку...

А я и не плачусь.

Вот и не надо.

Он не сдавался, сказал Джон-Грейди, и всегда твердил, что надо держаться до конца. Говорил, что похороны стоит устраивать, если есть что хоронить, будь это хоть жетон с личным номером. Джон-Грейди помолчал. Они собираются раздать твою одежду, добавил он.

На здоровье. На мне все равно теперь все болтается. Разве что обувь...

Он-то всегда считал, что вы опять сойдетесь.

Знаю.

Джон-Грейди встал, надел шляпу:

Ладно, надо мне ехать...

А из-за нее он мог и подражаться. Даже когда старик уже был. Чуть кто-нибудь про нее что-нибудь не так скажет... Если при нем, конечно. Лез не всегда даже и по делу.

Ладно, поеду я.

Что ж...

Отец скинул ноги с подоконника на пол:

Я провожу тебя. Хочу купить газету.

Они стояли в вестибюле, где пол выложен кафелем. Отец просматривал газетные заголовки.

Как это? Неужто Ширли Темпл разводится?!

Джон-Грейди посмотрел в окно. Опускались ранние зимние сумерки.

Пойти подстричься, что ли... – сказал отец сам себе. Потом перевел взгляд на сына. Я понимаю, что у тебя на душе. Со мной такое бывало...

Сын кивнул. Отец еще раз взглянул на газету и стал ее складывать.

В Писании сказано, что кроткие унаследуют землю, и, наверное, так оно и есть. Я, конечно, не атеист, но если честно, то я сильно сомневаюсь, что унаследовать землю – такое уж великое счастье...

Он посмотрел на сына, потом вынул из кармана пиджака ключ и протянул ему:

Поднимись в номер. В шкафу найдешь кое-что для себя.

А что там?

Подарок. Хотел дождаться Рождества, но все время на него наткаться осточертело. Забирай.

Ладно.

Тебе сейчас нужно отвлечься... Спустишься, оставишь ключ у дежурного.

Ладно.

До скорого.

Пока.

Джон-Грейди поднялся в лифте, прошел по коридору к номеру, отпер дверь, вошел. Открыл стенной шкаф. На полу, рядом с двумя парами ботинок и грудой грязных рубашек, красовалось новенькое ковбойское седло «Хэмли-формфиттер». Он поднял его за рожек, закрыл дверцу шкафа, потом взгромоздил седло на кровать и застыл, не сводя с него глаз.

Черт побери! – вслух произнес он.

Джон-Грейди оставил ключ у дежурного и с седлом на плече вышел на улицу. Дойдя до Саут-Кончо-стрит, остановился, положил седло на землю у ног. Стемнело, горели уличные фонари. Первая же машина шла в его сторону. Это был старенький фордовский грузовичок «модель А». Несмотря на отсутствие гидравлики, грузовик тормознул так резко, что даже вильнул задом, водитель приопустил стекло,дохнул на Джона-Грейди перегаром:

Бросай, ковбой, свою красотку в кузов и садись.

Джон-Грейди так и сделал.

Всю следующую неделю шли дожди. Потом немного прояснилось, но ненадолго. С серого неба на застывшие равнины снова обрушились потоки воды. Залило мост у Кристовалея, и движение по шоссе оказалось прерванным на неопределенное время. В Сан-Антонио тоже залило все, что только можно было залить. Джон-Грейди надел на себя дедов дождевик, заседлал Редбо и поехал на пастбище у Алисии, где южная часть ограды оказалась под водой. Стадо сгрудилось на незатопленном островке. Коровы грустно взирали на коня и человека. Редбо, в свою очередь, недовольно поглядывал на коров.

Что поделать, дружище. Мне это все самому не нравится, сказал Джон-Грейди, коснувшись каблуками его боков.

Пока матери не было, Джон-Грейди, Луиса и Артуро ели на кухне. По вечерам, поужинав, Джон-Грейди часто выходил на шоссе, ловил попутку и, оказавшись в городе, бродил по улицам. Иногда он доходил до Борегар-стрит, останавливался напротив гостиницы и смотрел на окно четвертого этажа, где за прозрачной занавеской время от времени мелькал силуэт отца, перемещавшийся туда-сюда в освещенном прямоугольнике, словно медведь в тире, только медленнее и так, словно это причиняло ему страдания.

Вернулась мать, и Джон-Грейди снова стал есть в столовой. Мать и сын сидели на противоположных концах длинного стола, а Луиса хлопотала, подавала еду. Унося последние тарелки, она обернулась у двери:

*¿Algo más, señora?*¹⁰

*No, Luisa. Gracias*¹¹.

*Buenas noches, señora*¹².

Buenas noches.

Дверь за Луисой закрылась. Тикали часы. Джон-Грейди поднял голову:

Мам, почему бы тебе не сдать мне ферму в аренду?

Тебе? В аренду?

Да.

Кажется, я уже говорила, что не хочу это обсуждать.

Но у меня появилось новое предложение.

Сильно сомневаюсь.

Я отдам тебе все, что заработаю. А ты сможешь делать что хочешь.

---

¹⁰ Что-нибудь еще, сеньора? (исп.)

¹¹ Нет, Луиса, спасибо (исп.).

¹² Спокойной ночи, сеньора (исп.).

Ты соображаешь, что несешь? Тут ничего не заработаешь. Эта ферма уже двадцать лет приносит одни убытки. После войны на ней не работал ни один белый. И вообще, тебе только шестнадцать. Ты не сможешь управлять фермой.

Смогу.

Чушь. Лучше учись.

Мать положила салфетку на стол и, отодвинув стул, встала и вышла из комнаты. Джон-Грейди оттолкнул чашку и выпрямился в кресле. На противоположной стене, над буфетом, висела картина с изображением лошадей. Там их было с полдюжины. Они перепрыгивали через ограду корраля с развевающимися гривами, бешено выпучив глаза. У них были длинные андалусские носы, а в очертаниях голов угадывалась кровь берберов. У передних лошадей были видны крупы, мощные и тяжелые. Возможно, это напоминала о себе линия Стилдаста. Но в остальном животные на картине не имели ничего общего с теми, кого он, Джон-Грейди, видел в жизни. Как-то раз он спросил деда, что это за лошади. Тот поднял голову от тарелки, посмотрел на картину так, словно видел ее впервые, и буркнул, что это все фантазии, после чего снова принялся за еду.

Джон-Грейди поднялся по лестнице на бельэтаж, отыскал дверь матового стекла, на которой дугой было начертано «Франклин», снял шляпу, взялся за ручку и вошел. За столом сидела секретарша.

Я к мистеру Франклину.

Вам назначено?

Нет, мэм, но он меня знает.

Как вас зовут?

Джон-Грейди Коул.

Минуточку.

Она вышла в соседнюю комнату, потом вернулась и кивнула.

Джон-Грейди встал и подошел к двери.

Входи, сынок, сказал адвокат Франклин, и он вошел. Садись.

Он сел.

Когда Джон-Грейди рассказал все, что хотел, адвокат откинулся в кресле и уставился в окно. Покачал головой. Перевел взгляд на Джона-Грейди и выложил руки перед собой.

Во-первых, начал он, я не имею права давать тебе советы. Это называется злоупотребление положением. Но я могу сказать тебе, что ферма – ее собственность и она вправе поступать с ней так, как сочтет нужным.

А я, значит, никто?

Ты несовершеннолетний.

А как насчет отца?

Сложный вопрос.

Франклин снова откинулся на спинку кресла.

Они ведь официально не разведены...

Разведены, друг мой, разведены.

Джон-Грейди вскинул голову.

Это уже подтвержденный факт и потому не является секретом. Развод оформлен документально.

Когда?

Все бумаги подписаны три недели назад.

Джон-Грейди опустил голову. Адвокат наблюдал за ним.

Все было решено окончательно еще до того, как умер старик.

Джон-Грейди кивнул:

Ясно.

Это грустно, сынок, но что делать... Уже ничего нельзя изменить.

А вы не могли бы поговорить с ней?

Уже говорил.

И что она сказала?

Какая разница? Главное, она не собирается менять решение.

Джон-Грейди кивнул. Он сидел, уставясь на свою шляпу.

Сынок, далеко не все свято верят в то, что жизнь на скотоводческом ранчо в Западном Техасе уступает разве что вознесению в райские кущи. Твоя мать не хочет жить на ферме, вот и все. Если бы это занятие приносило деньги, тогда, конечно, другой разговор. Но денег это не приносит.

Ранчо могло бы давать доход...

То ли да, то ли нет. Оставим этот спорный вопрос. Дело в том, что она еще молодая женщина и ей хотелось бы вести не столь замкнутый образ жизни, как прежде.

Ей тридцать шесть.

Адвокат откинулся на спинку вращающегося кресла. Слегка поворачиваясь в нем туда-сюда, провел указательным пальцем по нижней губе.

Он сам виноват. Безропотно подписал все бумаги, что сунули ему под нос. Даже не почесался, чтобы как-то защитить свои интересы. Господи, я говорил ему, чтобы он нанял адвоката. Черт, я просто умолял его!

Знаю.

Уэйн говорит, он перестал ходить к врачу.

Да... Спасибо, что уделили мне время, мистер Франклин, добавил он, помолчав.

Извини, что не могу сообщить тебе ничего более обнадеживающего. Но ты имеешь право обратиться к кому-нибудь еще...

Да ну, зачем...

Кстати, почему ты сегодня не в школе?

Я туда больше не хожу.

Понятно...

Джон-Грейди встал, надел шляпу:

Большое вам спасибо.

Не за что, отозвался Франклин, тоже вставая. Есть в нашей жизни вещи, против которых мы бессильны. Это, похоже, тот самый случай.

Похоже, сказал Джон-Грейди.

После Рождества мать в доме почти не появлялась. Джон-Грейди проводил время на кухне с Луисой и Артуро. Луиса не могла говорить о ранчо без слез, и потому они о ранчо не говорили. Тем более никто не решался сообщить о предстоящей его продаже Луисиной матери, которая жила тут с начала века. Потом наконец Артуро пришлось рассказать ей. Старуха его выслушала, кивнула и отвернулась.

Утром, на рассвете, Джон-Грейди надел куртку и вышел на шоссе. В руке у него был кожаный саквояж, в котором лежали чистая рубашка, пара носков, а также зубная щетка, бритва и помазок. Саквояж принадлежал его деду, а подбитая пледом куртка была отцовской. Ждал он недолго. Вскоре появился грузовик, который остановился, когда он поднял руку. Он сел, поставил саквояж на пол кабины и принялся греть озябшие кисти рук между коленями. Водитель перегнулся через него, подергал дверь, потом, двинув длинным рычагом, включил первую скорость, и машина покатила дальше.

Дверца плохо закрывается. Тебе куда?

В Сан-Антонио.

Ну а я в Брейди. Так что не до конца, но подброшу.

Спасибо.

Торгуешь скотом?

Не понял.

Шофер кивнул в сторону саквояжа с ремнями и медными застежками:

Скотом, говорю, торгуешь? У них такие же.

Нет, просто другого нет.

А я подумал, не торгует ли парень скотом. И давно там стоял?

Да нет, пару минут.

Шофер показал правой рукой на приборную доску, где светился оранжевый диск:

Вон печка. Вот только греет так себе. Чувствуешь?

По-моему, греет. И неплохо.

Шофер махнул левой на серый зловещий рассвет:

Видишь?

Угу.

Ненавижу зиму. Ума не приложу, какой от зим толк. А ты не из разговорчивых, верно?

Вроде бы нет.

Полезная черта.

Через два часа показался Брейди. Проехав через весь город, шофер высадил Джона-Грейди на противоположной окраине.

Во Фредриксбурге оставайся на Восемьдесят седьмом шоссе, а то, если попадешь на Девяносто второе, тебя за милую душу увезут в Остин. Понял?

Да. Большое спасибо.

Джон-Грейди захлопнул за собой дверцу, шофер махнул ему рукой, развернул грузовик и укатил. На шоссе показался еще один грузовик. Джон-Грейди проголосовал и, когда машина остановилась, залез в кабину.

Тебе куда? – спросил водитель.

Пока ехали по округу Сан-Саба, пошел снег. Снег шел и на плато Эдвардса, сек беле-ные стены домов в Балконесе. Джон-Грейди смотрел перед собой. Вовсю трудились дворники, вокруг играла метель. Края черного асфальтового полотна подернулись белым пушком, а мост через реку Педерналес обледенел. Ее зеленые воды медленно уползали вдаль мимо темных прибрежных деревьев. На мескитах вдоль шоссе повисли белые грозди, будто это акации в цвету. Шофер сидел за рулем чуть сгорбившись, что-то тихо напевая себе под нос. В три часа они въехали в Сан-Антонио. Метель бесчинствовала с прежней силой. Джон-Грейди поблагодарил шофера, выбрался из кабины и пошел по улице. Увидев кафе, завернул в него, подошел к стойке, сел на табурет, а саквояж поставил на пол рядом. Взял с подставки меню, раскрыл его, перевел взгляд на часы на стене. Официантка поставила перед ним стакан воды.

Здесь время такое же, как и в Сан-Анджело?

Так и знала, что ты начнешь с дурацкими вопросами приставать! По тебе это сразу видно.

Так как все-таки насчет времени?

А я почему знаю? В жизни не бывала в Сан-Анджело. Есть что-нибудь будешь?

Дайте мне, пожалуйста, чизбургер и шоколадный коктейль.

Ты на родео приехал?

Нет.

Время тут такое же, сказал мужчина, одиноко сидевший у другого конца стойки.

Джон-Грейди поблагодарил его, а тот повторил еще раз, что да, мол, время тут такое же.

Официантка записала заказ Джона-Грейди в блокнотик и удалилась.

Раз приехал, значит надо, себе под нос пробормотал Джон-Грейди.

Он бродил по городу под снегопадом. Стемнело рано. Постоял на мосту Коммерс-стрит, глядя, как снег падает в темную воду и бесследно в ней растворяется. Припаркованные машины обзавелись белыми шапками. С наступлением темноты движение транспорта почти полностью прекратилось. Только изредка, на снегу почти не шурша шинами, проезжало такси или грузовик с включенными фарами, свет от которых еле-еле пробивал белую пелену. Отыскав на Мартин-стрит отделение Уай-Эм-Си-Эй, Джон-Грейди снял номер за два доллара. Поднялся на второй этаж, вошел в номер, стащил сапоги, поставил их сушиться к батарее, потом снял и развесил носки, бросил куртку на стул, а сам растянулся на кровати, накрыв лицо шляпой.

Без десяти восемь он стоял у театральной кассы в чистой рубашке и с деньгами в кулаке. За доллар двадцать пять центов приобрел билет в третьем ряду балкона. Девушка-кассишша уверила его, что оттуда все отлично видно.

Он поблагодарил ее, отдал билет капельдинеру, который проводил его до усталой ковровой лестницы и вернул билет. Джон-Грейди поднялся наверх, отыскал свое место и сел, положив шляпу на колени. Театр был заполнен наполовину. Когда огни стали гаснуть, его соседи начали вставать и перебираться в партер. Тут подняли занавес, на сцене появилась его мать и заговорила с женщиной, сидевшей в кресле.

В антракте Джон-Грейди надел шляпу и спустился в фойе. Спрятавшись в нише с позолоченными стенами, он свернул сигарету, а потом долго стоял, упершись в стену подошвой, и курил, а проходившие мимо зрители поглядывали на него с удивлением. Одну штанину он подвернул и время от времени стряхивал мягкий светлый пепел в углубление получившейся манжеты. Замечая мужчин в таких же, как у него, шляпах, Джон-Грейди молча кивал им, а они ему. Затем свет в фойе померк, и Джон-Грейди вернулся в зал.

Он сидел, поставив локти на спинку переднего кресла и подперев подбородок кулаками, и сосредоточенно следил за происходящим на сцене, в душе надеясь, что пьеса объяснит ему что-то важное об этой жизни, растолкует, что собой представляет окружающий мир, но его надежды оказались напрасными. Пьеса была начисто лишена какого-либо смысла. Когда в зале снова вспыхнул свет, публика зааплодировала. Мать вышла поклониться публике раз, другой, третий, потом все актеры выстроились на сцене и, взявшись за руки, тоже принялись кланяться. Затем занавес опустился, и зрители стали расходиться. Джон-Грейди долго сидел в пустом зале, потом надел шляпу и вышел на холодную улицу.

Утром он отправился в город позавтракать. На улице было темно и ноль градусов. В Тревис-парке лежал пушистый снежный ковер толщиной в фут. Единственное работавшее кафе оказалось мексиканским. Джон-Грейди заказал яичницу и кофе и стал просматривать газету. Он думал, что найдет там упоминание о спектакле и о матери, но и тут его надежды не сбылись. Кроме Джона-Грейди, в кафе посетителей не было. Обслуживала его юная мексиканочка. Когда она поставила перед ним тарелку, он отложил газету в сторону и отодвинул чашку.

*¿Más cafe?*¹³

*Sí por favor*¹⁴.

Она принесла кофе:

*Hace mucho frío*¹⁵.

*Bastante*¹⁶.

Джон-Грейди шел по Бродвею, сунув руки в карманы и подняв воротник от ветра. Зайдя в отель «Менгер», сел в кресло в вестибюле и, закинув ногу на ногу, развернул газету.

¹³ Еще кофе? (исп.)

¹⁴ Да, пожалуйста (исп.).

¹⁵ Как похолодало! (исп.)

¹⁶ Да уж (исп.).

Около девяти в вестибюле появилась мать под руку с каким-то мужчиной в костюме и расстегнутом пальто. Они вышли на улицу, сели в такси и уехали.

Джон-Грейди долго сидел в кресле. Потом встал, сложил газету, подошел к конторке. Портье вопросительно на него посмотрел.

А в каком номере у вас остановилась миссис Коул?

Коул?

Да.

Минуточку.

Портье стал просматривать регистрационный журнал, потом покачал головой:

Нет, такой у нас нет.

Спасибо, сказал Джон-Грейди.

Последний раз они выезжали верхом вместе в начале марта, когда резко потеплело и вдоль дорог запестрели «мексиканские шляпы». В округе Маккалох они дали лошадям передохнуть, потом двинулись дальше вверх, по среднему выгону вдоль речки Грейп-Крик. Вода в реке была чистая и казалась зеленоватой от прядей мха на каменных перекатах. Они медленно ехали по долине вверх среди зарослей мескита и нопала. Вот позади уже остался округ Тома Грина, начался округ Кока. Пересекли старую шуноверову дорогу и углубились в горы, кое-где поросшие кедрами. Под копытами лошадей похрустывала базальтовая крошка. День выдался ясный, и на синих горных хребтах в сотне миль к северу были хорошо видны шапки снега. Ехали почти не разговаривая. Отец, чуть подавшись вперед, держал поводья в одной руке всего на пару дюймов выше седельного рожка. Болезненно исхудавший, он словно терялся в собственной одежде. Он ехал и смотрел по сторонам глубоко запавшими глазами так, будто окружающий мир внезапно сделался не таким, каким был всегда, – или, хуже того, словно наконец-то предстал в своем истинном обличье. Увиделся таким, каким был искони и каким вовеки пребудет. Джон-Грейди, ехавший впереди, держался в седле так, словно в нем и родился, что, в общем-то, почти соответствовало действительности. Глядя на него, верилось: родился он в стране, где и слыхом не слыхивали о лошадях, он все равно отыскал бы их, достал хоть из-под земли. Он быстро смекнул бы, что в этом мире трагически не хватает чего-то такого, без чего и сам он, и этот мир не могут нормально существовать, пустился бы странствовать и не успокоился до тех пор, пока не нашел бы лошадь и не понял, что именно это существо, которое он видит впервые, ему необходимо.

К полудню они оказались на столовой горе, где когда-то было ранчо, а теперь среди камней виднелись столбы бывшей ограды с остатками колючей проволоки, какой нынче уже нигде и не встретишь. Проехали покосившийся амбар, потом останки старинного деревянного ветряка, покоившиеся среди валунов. Нигде не останавливаясь, они неуклонно продвигались вперед. Из низин вылетали спугнутые ими утки. К вечеру они спустились к заливным лугам-красноземам и вскоре подъехали к городку, носившему имя Роберта Ли.

Подождав, пока шоссе очистится от машин, они перевели лошадей через деревянный мост. Река была рыжей от глины. Проехали по Коммерс-стрит, свернули на Седьмую, потом оказались на Остин-стрит и, миновав банк, спешили. Привязали лошадей у кафе и вошли.

Появился хозяин, чтобы взять заказ. Он обращался к ним по именам. Отец оторвался от меню, которое изучал:

Давай заказывай. Не торчать же ему перед тобою час.

А ты что возьмешь?

Пирог и кофе.

А с чем у вас пироги? – спросил Джон-Грейди хозяина, тот обернулся к стойке и, прежде чем ответить, долго разглядывал образцы.

Закажи что-нибудь посущественнее, посоветовал отец. Ты же ничего не ел.

Они сделали заказ, потом хозяин принес им кофе и вернулся к стойке. Отец вытащил из кармана рубашки сигареты:

Ты думал насчет Редбо? Где будешь его держать?

Еще бы. Конечно думал, сказал сын.

Уоллес, может, разрешит тебе чистить денники и кормить лошадей. Договорись с ним.

Ему это не понравится.

Кому? Уоллесу?

Нет. Редбо.

Отец молча курил и смотрел на сына.

Ты еще видишься с той девицей из Барнетта?

Джон-Грейди покачал головой.

Она тебя бросила или ты ее?

Не знаю.

Значит, она тебя.

Выходит, так.

Отец кивнул и снова затянулся сигаретой. За окном проехали двое верховых. Отец и сын проводили их изучающими взглядами. И седоков, и их лошадей. Отец взял ложку и стал мешать ею в чашке, хотя мешать было нечего, потому что он пил кофе без молока и без сахара. Потом вынул дымящуюся ложку и положил на бумажную салфетку, поднял чашку, поглядел в нее и сделал глоток. Затем снова повернул голову к окну, хотя смотреть там было уже не на что при всем желании.

Мы с твоей матерью по-разному относились к жизни, начал он. Ей нравились лошади. Я думал, этого достаточно, чтобы жить на ферме. Что лишний раз показывает, какой я был дурак. Я думал, она с возрастом позабудет всякие свои капризы. Правда, может, это только мне они казались капризами... А война тут не виновата... Мы поженились за десять лет до войны. Потом она уехала. Причем надолго. Когда уехала, тебе было полгода, а вернулась, когда тебе исполнилось три. Ты, конечно, кое-что об этом слышал... Зря я в свое время не рассказал тебе все. Мы расстались. Она жила в Калифорнии. За тобой присматривала Луиса. Луиса и Абуэла.

Отец посмотрел на Джона-Грейди, потом опять устремил взор в окно.

Она хотела, чтобы я поехал к ней, сказал он.

Почему же ты не поехал?

Поехать-то я поехал. Только недолго продержался.

Джон-Грейди кивнул.

Она вернулась не из-за меня, а из-за тебя. Это я, собственно, и хотел тебе рассказать.

Понятно.

Хозяин принес обед сыну и пирог отцу. Джон-Грейди протянул руку за солонкой и перчатницей. Он ел, не поднимая головы. Хозяин подошел с кофейником, наполнил их чашки и ушел. Отец затушил сигарету, взял вилку, стал ковырять пирог.

Она проживет дольше, чем я. Хотелось бы, чтобы вы ладили.

Джон-Грейди промолчал.

Если бы не она, я бы тогда не выжил, не сидел бы сейчас с тобой... Там, в Коти, в японском лагере, я мысленно разговаривал с ней часами... Внушил себе, будто она из тех, кто может все. Рассказывал ей о других ребятах, которые, как мне казалось, не выстоят, и просил ее молиться за них. Кое-кому удалось выжить. Конечно, я тогда был сильно не в себе. Какое-то время, во всяком случае. Но если бы не она, и я бы тоже не выжил... Черта с два там выживешь. Но об этом я никому никогда не говорил. Она даже и не догадывается об этом.

Сын молча ел. За окнами темнело. Отец пил кофе. Они ждали Артуро, который должен был приехать на грузовике. Напоследок отец сказал, что эта страна никогда не будет такой, как прежде.

Люди потеряли чувство безопасности. Мы как команчи двести лет назад. Нам неизвестно, что случится завтра, кто тут будет всем заправлять. Мы даже не знаем, какого цвета кожа будет у этих ребят...

Ночь выдалась почти теплая. Он и Ролинс улеглись прямо на шоссе, чтобы погреться о еще теплый асфальт. Они смотрели, как с крутого ската небесной тверди срываются звезды. Где-то в отдалении хлопнули дверью. Кто-то что-то крикнул. Койот, жалобно завывавший в горах, вдруг умолк, но потом снова завел свою тоскливую песню.

Это не тебя зовут?

Может, и меня, отозвался Ролинс.

Они лежали на асфальте, раскинув руки и ноги, словно пленники, которых на рассвете должны судить.

Ты сказал своему старику?

Нет, пробормотал Джон-Грейди.

Скажешь?

Зачем?

А когда вам надо съезжать?

Первого июня.

Не хочешь до июня подождать?

А что толку?

Ролинс поставил каблук сапога одной ноги на носок другой:

Мой отец сбежал из дому в пятнадцать лет. Иначе я родился бы в Алабаме.

Ты вообще не родился бы.

Чегой-то вдруг?

Потому что твоя мать родом из Сан-Анджело и он никогда бы с ней не познакомился.

Так познакомился бы с кем-нибудь еще.

И она тоже.

Что ты хочешь этим сказать?

То, что ты не родился бы.

Вот заладил! Значит, я родился бы где-то в другом месте.

Но как?

Как-как... А никак!

Если бы твоя мать родила ребенка от другого мужчины, а твоему отцу родила бы сына другая женщина, кто из этих двоих был бы ты, а?

Никто.

Вот видишь!

Ролинс лежал и молча смотрел на звезды.

И все равно я где-нибудь да родился бы. Может, я выглядел бы не так, как сейчас, но если бы Богу было угодно, чтобы я появился на белый свет, значит я бы все равно родился.

А если бы ему не было угодно, то и не родился бы.

От твоих «если бы» у меня башка болит.

У меня у самого она болит.

Они полежали молча, глядя на звезды.

Ну так и что ты думаешь?

Не знаю, сказал Ролинс.

А кто тогда знает?

Если бы ты был из Алабамы, то тебе имело бы смысл отправиться в Техас, так? Но раз ты уже в Техасе... В общем, не знаю... У тебя куда больше причин валить отсюда, чем у меня.

А какие такие причины держат тебя? Думаешь, кто-нибудь помрет и оставит тебе наследство?

Ничего я не думаю!

И правильно делаешь. Потому что никто тебе наследства не оставит.

Снова хлопнула дверь. Снова в темноте раздался голос.

Я, пожалуй, пойду, сказал Ролинс.

Он встал, одной рукой отряхнул штаны, а другой надел шляпу:

Если я останусь, ты все равно тронешься?

Джон-Грейди сел, тоже надел шляпу:

Я уже тронулся.

В последний раз он увидел ее в городе. Зашел в мастерскую Каллена Коула на Норт-Чадборн-стрит, чтобы запаять трензель, потом двинулся по Туиг-стрит. И тут увидел, как она выходит из «Кактуса». Хотел было перейти на другую сторону, но она окликнула его, он остановился и стал ждать, когда она подойдет.

Ты от меня бегаешь?

Он поднял на нее взгляд:

Я не бегаю. Ни от тебя, ни за тобой.

Сердцу не прикажешь, верно?

Главное, чтобы все были довольны.

Я хочу, чтобы мы оставались друзьями.

Друзьями так друзьями. Но я тут долго не задержусь.

Куда собрался?

Пока не могу сказать.

Почему это?

Не могу, и все!

Он снова посмотрел на нее. Она не сводила с него глаз.

А что он скажет, если увидит, как мы тут с тобой стоим?

Он не ревнивый.

Это хорошо. Полезное свойство. Избавит его от множества огорчений в будущем.

На что ты намекаешь?

Ни на что. Мне пора.

Ты меня ненавидишь, да?

Нет.

Но ты не одобряешь меня, верно?

Он посмотрел на нее в упор:

Вот привязалась. Если тебя мучит совесть, то скажи прямо, что ты от меня хочешь услышать, и я произнесу все нужные слова.

Как же, произнесешь! И вообще, совесть меня совершенно не мучит. Просто я подумала, что мы могли бы остаться друзьями.

Это только слова, Мэри Кэтрин, сказал он, качая головой. И вообще, мне пора.

А что плохого в словах? Все на свете одни слова.

Нет, не все.

Ты уезжаешь из Сан-Анджело?

Ну, вроде как.

А вернешься?

Все может быть.

Я против тебя ничего не имею.

Еще бы.

Она посмотрела туда, куда смотрел он, но ничего интересного не увидела. Затем она снова повернулась к нему, и он посмотрел ей в глаза, но если в них и блеснули слезы, то, скорее всего, виной тому был сильный ветер. Она протянула руку. Сперва он не понял ее намерений, потом сообразил, в чем дело.

Я желаю тебе всего самого лучшего.

Он взял ее руку, которая показалась ему очень маленькой и страшно знакомой. До этого он никогда не здоровался и не прощался с женщиной за руку.

Береги себя, сказала она.

Ладно... Спасибо.

Он коснулся рукой шляпы, повернулся и зашагал по улице. Он не оглядывался, но видел ее отражение в витрине здания на другой стороне улицы. Она стояла и смотрела, пока он не дошел до угла, а потом исчезла навсегда.

Джон-Грейди спешился, открыл ворота, провел в них коня, закрыл, потом двинулся с Редбо вдоль забора. Ролинса видно не было. Дойдя до угла, Джон-Грейди бросил поводья. Посмотрел на дом. Редбо принялся, фыркнул, уткнулся носом ему в локоть.

Это ты, дружище? – зашептал Ролинс.

Кто ж еще-то?

Ролинс подошел к забору, ведя за повод Малыша, потом оглянулся на дом.

Ты готов?

Готов, кивнул Ролинс.

Твои ничего не заподозрили?

Нет.

Тогда в путь.

Погоди минуту. Я навалил все на седло и по-быстрому смылся. Сейчас наведу порядок.

Джон-Грейди взял поводья и сел в седло.

Кто-то зажег свет, сообщил он.

Черт!

Ты опоздаешь даже на собственные похороны.

Еще нет и четырех. Ты просто раньше времени появился.

Ладно, поехали. В конюшне кто-то есть.

Ролинс прилаживал за седлом скатку.

У нас выключатель на кухне. Старик не успел бы дойти до конюшни. Может, он туда вообще не собирается. Просто он мог спуститься на кухню, чтобы выпить молока или еще зачем-нибудь.

Вот именно. Например, чтобы зарядить дробовик, усмехнулся Джон-Грейди.

Наконец Ролинс тоже сел в седло.

Ты готов?

Давно уже, сказал Джон-Грейди.

Сначала ехали вдоль ограды, потом по пастбищам. На холодке поскрипывали седла. Пустили коней в галоп, и огни города сразу провалились в темноту за спиной. Началась холмистая прерия, и они перешли на шаг. Вокруг роились звезды. В необитаемой ночи зазвонил, а потом стих колокол, хотя никакого колокола тут быть не могло. Ехали по закруглявшейся возвышенности, по земному шару, который был черен как неизвестно что и который тащил их на себе ввысь, к звездам, так что они ехали не под ними, а среди них. Ехали весело, но и с опаской, словно воры, выброшенные на свободу в этот наэлектризованный мрак, словно юные воры, оказавшиеся в светящемся саду, не готовые ни к холоду, ни к тому, что перед ними вдруг открылось десять тысяч миров на выбор.

К полудню одолели миль сорок. Но вокруг все еще тянулись знакомые места. Ночью подъехали к ранчо Марка Фьюри, спешили у ограды. Джон-Грейди достал из седельной сумки стамеску, отогнул скобы на столбах, опустил проволоку и встал на нее обеими ногами. Ролинс провел коней, а Джон-Грейди приладил проволоку на место, убрал стамеску и сел в седло.

Как они хотят, чтобы люди тут верхом ездили? – хмыкнул Ролинс.

Вот этого они как раз и не хотят, отозвался Джон-Грейди.

На рассвете наскоро перекусили сэндвичами, которые Джон-Грейди захватил из дому. Днем напоили лошадей из большого каменного корыта, потом поехали по высохшему руслу речушки, испещренному коровьими следами, к зеленевшим вдали тополям. Под деревьями лежали коровы, которые при их приближении поднимались, смотрели на них, а потом снова теряли интерес.

Вскоре Джон-Грейди и Ролинс устроили привал. Улеглись в сухой траве под деревьями, подложив под головы куртки и прикрыв лица шляпами. Редбо и Малыш мирно пощипывали травку у высохшей реки.

Ты захватил что-нибудь огнестрельное?

Джон-Грейди кивнул.

Что именно?

Дедов старый кольт. «Писмейкер». Ну, который без самовзвода. У него курок каждый раз надо большим пальцем оттягивать.

Из него можно во что-нибудь попасть?

Это вряд ли.

Ролинс усмехнулся.

Выходит, удрали?

Выходит, так.

Думаешь, за нами устроят погоню?

Зачем?

Не знаю. Просто все получилось как-то больно уж просто.

Они лежали и слушали шум ветра и хрумканье лошадей.

Знаешь, что я тебе скажу, начал Ролинс.

Ну?

Плевал я на них.

Джон-Грейди сел, вынул из кармана кисет с табаком, начал скручивать сигарку.

Это ты о чем?

Он провел языком по самокрутке, сунул ее в рот, вынул спички, прикурил, выпустив струю дыма, загасил спичку, потом повернулся и посмотрел на Ролинса. Тот крепко спал.

Ближе к вечеру они снова пустились в путь. На закате услышали гул пронесившихся по шоссе грузовиков. Долгим прохладным вечером ехали на запад по склону холма, с которого хорошо было видно, как по одной линии перемещаются огоньки автомобилей в каком-то причудливом медленном ритме – туда... сюда, туда... сюда. Выехав на проселок, двинулись по нему к шоссе. Остановившись у ворот, стали искать ворота в ограде на противоположной стороне шоссе. Они видели фары грузовиков, пробежавших по шоссе с востока на запад и с запада на восток, но ворот не было.

Чё бум делать?

Не знаю. Надо бы сегодня перебраться на ту сторону, сказал Джон-Грейди.

Я не поведу коня по этому чертову асфальту в темноте.

Я тоже, кивнул Джон-Грейди и сплюнул.

Похолодало. Ветер гремел створками ворот, а Редбо и Малыш беспокойно переминались с ноги на ногу.

Что это там за огни?

Наверное, Эльдorado, сказал Джон-Грейди.

Далеко?

Миль десять-пятнадцать.

Чё бум делать?

Джон-Грейди промолчал.

Они расстелили одеяла в овраге, распрягли и стреножили коней, а потом легли спать и проснулись на рассвете. Когда Ролинс, сев на одеяле, стал озираться по сторонам, Джон-Грейди уже поседлал своего коня и привязывал к седлу спальные принадлежности.

Там дальше по шоссе есть кафе. Хочешь позавтракать?

Ролинс надел шляпу, потянулся за сапогами.

А то нет, дружище, ухмыльнулся он.

Ведя коней в поводу, они пробрались между завалов из коробок передач, дверей кабин и прочих автомобильных останков и стали поить коней из большой металлической ванны, куда шиномонтажники погружают камеры, чтобы найти прокол. Неподалеку мексиканец как раз менял колесо у грузовика, Джон-Грейди подошел к нему и спросил, где тут мужской сортир. Тот кивнул в сторону кафе.

Джон-Грейди вынул из седельной сумки бритвенные принадлежности, пошел в умывальню, побрился, почистил зубы, причесался. Когда вышел, увидел, что кони привязаны к дереву, а Ролинс сидит за столиком и пьет кофе. Джон-Грейди сел рядом.

Что-нибудь заказал?

Тебя ждал.

Подошел хозяин, поставил перед Джоном-Грейди чашку кофе:

Что будете есть, ребята?

Командуй, сказал Ролинс Джону-Грейди.

Тот заказал яичницу из трех яиц, фасоль, печенье из пресного теста. Ролинс попросил то же самое и еще оладьи с сиропом.

Давай, заправляйся как следует, сказал Джон-Грейди.

И ты с меня пример бери.

Они сидели, опершись о стол локтями, и смотрели на юг, туда, где за равниной виднелись горы, словно съежившиеся в собственной тени.

Нам туда, сказал Ролинс.

Джон-Грейди кивнул. Допил кофе. Хозяин принес толстые белые тарелки с едой, потом сходил за кофейником. Ролинс так наперчил яичницу, что она почернела. Потом стал намазывать маслом оладьи.

Перец каждый мужчина уважает, заметил хозяин, налил кофе и удалился.

Делай как я, сказал Ролинс. Я научу тебя правильно питаться, сынок.

Спасибо, папочка.

Запросто могу заказать все по новой. Не веришь?

Как не верить.

В магазине при кафе корм для лошадей не продавался. Они купили коробку овсянки, заплатили по счету и вышли. Джон-Грейди взрезал коробку ножом, высыпал овсянку в два колпака от колес и угостил Редбо с Малышом. Пока те ели, Ролинс и Джон-Грейди сидели на врытом в землю тесовом столе для пикников и курили. Подошел мексиканец, уставился на лошадей. Он был не старше Ролинса.

Куда собрались?

В Мексику, ответил Ролинс.

Зачем?

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди:

Как ты думаешь, ему можно доверять?

Похоже, этот не выдаст.
Убегаем от полиции, шепнул Ролинс.
Мексиканец недоверчиво посмотрел на них.
Ограбили банк, сообщил Ролинс.
Мексиканец перевел взгляд на лошадей.
Никакого банка вы не грабили, буркнул он.
Ты там места хорошо знаешь?
Мексиканец покачал головой и сплюнул:
Я в Мексике отродясь не бывал.

Когда кони поели, Джон-Грейди и Ролинс снова их поседлали, потом вывели со двора, перевели через шоссе, прошли в ворота, закрыли их за собой, сели в седла и двинулись по проселку. Через милю дорога свернула на восток, так что дальше на юг им пришлось ехать по холмистой, поросшей кедрами равнине. К полудню оказались у Девилс-Ривер, напоили лошадей и, устроившись под ивами, стали изучать карту, которую Ролинс прихватил в кафе. Он провел по ней пальцем линию к югу, к прогалу среди холмов. С американской стороны до Рио-Гранде на карте значились многочисленные дороги, реки, поселения, а дальше шло сплошное белое пятно.

По этой карте выходит, что там ничего нет, сказал Ролинс.

Похоже, что так.

Может, на ней просто не обозначено?

Может, карта плохая. У меня в седельной сумке еще одна есть.

Ролинс сходил за картой, сел на землю и снова стал водить пальцем по бумаге. Потом растерянно поднял голову.

Ну как? – спросил Джон-Грейди.

И тут ни хрена.

Оставив реку в стороне, они ехали на запад теперь по сухому руслу. Справа и слева поднимались холмы, поросшие травой. Несмотря на солнце, в воздухе веяло прохладой.

Я-то думал, в этих местах скота навалом, сказал Ролинс. А тут пусто. Хоть шаром покати...

Похоже на то.

Из-под конских копыт то и дело вспархивали голуби и куропатки. Спугивали и кроликов. Ролинс спешил, достал из седельной кобуры мелкашку калибра 6,53 мм и пошел по склону. Раздался выстрел, и Ролинс вернулся с кроликом. Он убрал карабин, вытащил нож, отошел в сторонку, присел на корточки и выпотрошил тушку. Затем поднялся, вытер лезвие о штанину, сложил нож, подошел к Малышу, привязал кролика за задние ноги к ремню скатки, сел в седло, и они двинулись дальше.

На исходе дня пересекли дорогу, что шла на север, а вечером оказались у Джонсонс-Рана. Привал устроили возле заводи, каким-то чудом уцелевшей в высохшем, устланном галькой русле реки. Напоив и стреножив лошадей, отпустили их пастись, а сами развели костер, сняли с кролика шкурку, насадили его на вертел из лозы и оставили жариться у края костра. Джон-Грейди открыл почерневшую парусиновую сумку, извлек из нее маленький эмалированный кофейник и пошел к заводи. Потом они долго сидели у костра и смотрели то на огонь, то на тонкий серп месяца над черными холмами на западе.

Ролинс скатал сигарку, закурил от уголька и улегся головой на седло.

Хочу тебе кое-что сказать, дружище...

Валяй.

Такая жизнь мне нравится. Ролинс затянулся, вынул самокрутку изо рта, легким движением указательного пальца сбил пепел. Раздолье!..

Весь следующий день они ехали по холмистой местности, поднимались на небольшие столовые горы. Там росли кедры, а по восточным склонам лепились юкки в белых цветах. Вечером они оказались на дороге, что вела в Пэндейл. Свернув на юг, дорога скоро уперлась в городок, в котором осталось не больше девяти строений, включая магазин и бензоколонку. Привязали коней у магазина, вошли внутрь. За день они покрылись слоем пыли, а Ролинс к тому же был небрит. От них крепко пахло лошадьми, потом, дымом. Когда они вошли, мужчины, сидевшие в задней части магазина, замолчали, посмотрели на них, а потом как ни в чем не бывало продолжили беседу.

Друзья остановились у мясного прилавка. К ним подошла женщина, сняла с гвоздя фартук и, дернув за шнур, включила верхний свет.

У тебя вид бандита с большой дороги, шепнул Джон-Грейди Ролинсу.

Да и ты, приятель, вряд ли похож на проповедника, отозвался тот.

Женщина тем временем завязала тесемки фартука и уставилась на них из-за эмалированной мясной витрины.

Что вам угодно, молодые люди?

Они купили копченой колбасы, сыру, буханку хлеба и банку майонеза. Потом подумали и добавили пачку крекеров и дюжину жестянок венских сосисок. Еще купили дюжину пакетиков порошка для шипучки «Кул-Эйд», большой кусок бекона, несколько банок фасоли и, наконец, пятифунтовую пачку кукурузной муки и бутылку острого соуса. Женщина завернула сыр и колбасу отдельно, потом, послушав химический карандаш, стала высчитывать итоговую сумму. Затем она уложила все покупки в большой бумажный пакет.

Откуда вы, мальчики?

Из-под Сан-Анджело.

Приехали сюда верхом на лошадях?

Да, мэм.

Ну вы даете!

Проснувшись поутру, они обнаружили, что провели ночь возле домика из саманного кирпича. Из него вышла женщина, выплеснула на землю мыльную воду из таза, постояла и снова скрылась в доме. Прежде чем улечься спать, они повесили седла просушиться на забор, а теперь, когда снимали их, из дома вышел мужчина и молча уставился на незнакомцев. Они поседлали коней, вышли с ними на дорогу и поехали на юг.

Интересно, что там дома, подал голос Ролинс.

Джон-Грейди наклонился, сплюнул:

Веселятся небось напропалую. Вдруг на их земле нашли нефть, и теперь все ринулись покупать себе новые авто!

Черт подери, отозвался Ролинс.

Едут дальше.

Тебе когда-нибудь бывало не по себе? – опять подал голос Ролинс.

Из-за чего?

Из-за чего угодно. Не случалось просто вдруг почувствовать себя не в своей тарелке?

Сколько раз! Когда, например, оказываешься там, где тебя не ждали. Где тебе быть не положено.

А если становится не по себе ни с того ни с сего? Это значит, ты оказался там, где тебе быть не положено?

Что с тобой, парень? Ты чего?

Не знаю. Ничего. Я спою.

Немного помолчав, Ролинс запел:

И пускай мои веки закроют,

Мое сердце умолкнет в груди...
И пускай под кустом пограничным зароят,
Но ты уж проститься приди!
Под кустом пограничным положат, зароят,
Но ты уж проститься приди!
Но ты уж приди, но ты уж приди,
Но ты уж проститься приди!

Радиостанцию «Дель-Рио» знаешь? – спросил он.

Конечно.

По ней как-то передавали, что ночью можно просто взять в зубы проволоку от ограды и слушать себе радио на здоровье. Никакого приемника не нужно.

Ты в это веришь?

Не знаю.

Сам-то пробовал?

Ага. Разок попытался.

Долго ехали в молчании, потом опять заговорил Ролинс:

А не знаешь, почему куст именно пограничный?

Спроси чего-нибудь полегче.

Проехали известняковый утес, с которого сбегала вода. Перебрались через высохшее русло. Выше виднелись лужи от недавних дождей. Две цапли стояли, словно прищипленные к своим длинным теням. Потом одна улетела, другая осталась. Через час спустились к Пекос-Ривер, отыскиали брод. Течение было быстрым, вода чистой и чуть солоноватой по причине известняков. Кони смотрели в прозрачную воду и осторожно ступали по плоским шатучим камням, косясь на изумрудные пряди мха, развевавшиеся на стремнине. Ролинс наклонился в седле, окунул руку в воду и, зачерпнув пригоршню, попробовал.

Не вода, а сплошной гипс, сказал он и сплюнул.

На другом берегу спешили, сделали привал под ивами. Перекусили сэндвичами с сыром и колбасой, а потом долго сидели и смотрели, как река катит свои воды.

За нами кто-то сзади увязался, заметил Джон-Грейди.

Ты видел кто?

Пока нет.

Верхом?

Верхом.

Ролинс посмотрел на дорогу за рекой.

Может, они едут сами по себе, предположил он.

Тогда они уже были бы у реки.

А вдруг они свернули?

Куда?

Ролинс затянулся, выпустил струйку дыма.

Интересно, что им от нас нужно, сказал он.

Вот уж не знаю.

Чё бум делать?

Ничё. Поедем дальше. А там видно будет.

Они поехали шагом от реки. Поднялись на плато, откуда хорошо просматривались тянущиеся к югу холмы, поросшие травой и дикими маргаритками. На западе, словно грубый хирургический шов на сером теле равнины, виднелась проволочная изгородь, из-за которой стайка антилоп настороженно следила за конниками. Джон-Грейди отъехал в сторону и оглянулся. Ролинс ждал, что он скажет.

Все еще тащится за нами? – спросил он, не выдержав.

Вроде да.

Спустились в низинку, поехали мимо заболоченных лугов. Ролинс кивнул вправо, на кедровую рожицу, и сбавил ход.

Может, устроим там засаду?

Джон-Грейди оглянулся еще раз.

Можно. Только сперва давай проедем вперед. А то, если он увидит следы, догадается, что мы его подкарауливаем в кедровнике.

Ладно.

Через полмили они съехали с дороги и лугом вернулись в кедровник, там спешились, привязали коней к деревьям и улеглись на траве.

Перекурить успеем? – спросил Ролинс.

Если есть курево, почему бы не покурить.

Они сидели, курили и следили за дорогой. Время шло, но никто не появлялся. Ролинс улегся на спину, прикрыл лицо шляпой.

Я не сплю, пояснил он. Просто отдыхаю.

Не успел Ролинс толком заснуть, как Джон-Грейди пихнул его сапогом. Ролинс сел, нахлобучил шляпу, уставился на дорогу. Даже издали было видно, что лошадь просто блеск. Обменявшись замечаниями на этот счет, стали ждать.

Когда до всадника оставалось ярдов сто, они увидели, что на нем шляпа с широкими полями и комбинезон. Он почти совсем остановил лошадь и стал всматриваться туда, где прятались Ролинс и Джон-Грейди.

Какой-то пацан, сказал Ролинс.

Зато конь отпадный.

Это точно.

Думаешь, он нас засек?

Вряд ли.

Чё бум делать?

Пропустим вперед, а потом через минуту выедем на дорогу.

Когда конь и всадник скрылись из виду, они отвязали лошадей и выехали из укрытия.

Услышав стук копыт, загадочный всадник остановил коня, оглянулся. Сдвинул шляпу на затылок и застыл в ожидании. Они подъехали к нему с двух сторон.

Фиг ли ты за нами следишь? – спросил Ролинс.

Мальчишке на вид было лет тринадцать.

Да нет, сказал он. И вовсе я ни за кем я не слежу.

Но ты же ехал за нами по пятам.

Еще чего!

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди. Тот не сводил глаз с мальчишки. Затем он бросил взгляд на далекие горы, снова на мальчишку и, наконец, на Ролинса. Тот сидел, уронив руки на рожок седла.

Значит, ты не шпионишь за нами? – спросил Ролинс.

Я еду в Лэнгтри, ответил мальчишка. Я не знаю, кто вы такие.

Ролинс покосился на Джона-Грейди. Тот свертывал самокрутку, оглядывая мальчишку, его одежду и коня.

У кого увел коня? – спросил он.

Это мой конь.

Джон-Грейди вынул из кармана спичку, чиркнул о ноготь, закурил.

А шляпа тоже твоя? – спросил он.

Мальчишка поднял взгляд на шляпу, спадающую ему на глаза, потом посмотрел на Ролинса.

Сколько тебе лет? – спросил Джон-Грейди.

Шестнадцать.

Ролинс сплюнул:

Ты мешок лживого дерьма.

С чего ты это взял?

С того, что тебе нет шестнадцати. Откуда ты такой?

Из Пэндейла.

Небось видел нас там вчера вечером?

Видел.

И что ты отмочил? Сбежал из дому?

Мальчишка поочередно смотрел то на одного, то на другого.

А если и сбежал – что тут такого?

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди:

Чё бум делать?

Не знаю.

Этого коня можно выгодно продать в Мексике.

Запросто.

Но могилу копать я не буду, хватит с меня того раза.

Ни фиги себе! Ты ж тогда сам вызвался, возмутился Джон-Грейди. Я тебе ясно сказал: оставь труп стервятникам.

Может, бросим монету, кому его пристрелить?

Почему нет? Валяй.

Выкликай, сказал Ролинс.

Орел!

Монета взлетела в воздух. Ролинс поймал ее, звучно шлепнул ладонью о запястье и выложил на всеобщее обозрение, отняв руку.

Орел, сказал он.

Давай твою винтовку.

Это нечестно, сказал Ролинс. Все тебе! Всех троих последних ты застрелил.

Ну так действуй сам, если не терпится. После сочтемся.

Тогда поддержи его коня. А то перепугается выстрела, потом ищи-свищи.

Вы просто валяете дурака, сказал мальчишка.

С чего ты взял?

Никого вы не убивали.

А почему ты так уверен, что мы, к примеру, не начнем с тебя?

Потому что вы валяете дурака. Я это сразу просек.

Еще бы ты не просек, сказал Ролинс.

Кто гонится за тобой? – спросил Джон-Грейди.

Никто.

Значит, кто-то гонится за твоим гнедым.

Мальчишка ничего не ответил.

Ты точно ехал в Лэнгтри?

Точно.

С нами ты не поедешь, отрезал Ролинс. Не хватало нам из-за тебя угодить за решетку.

Конь мой! – насупясь, проговорил мальчишка.

Послушай, приятель, сказал Ролинс. Мне плевать, чей это конь, но что он не твой, видно слепому. Поехали, обернулся он к Джону-Грейди.

Они тронулись рысью на юг, и не подумав оглянуться.

Легко отделались, вскоре заговорил Ролинс. Я-то боялся, паршивец за нами увяжется.

Мы еще встретимся с этим костлявым чертенком, сказал Джон-Грейди, сплюнул и швырнул на дорогу окурок. На этот счет можешь не сомневаться.

Днем они свернули с дороги, поехали на юг через пастбища. Возле старого ветряного насоса, мерно поскрипывавшего на ветру крыльчаткой, они напоили коней из стоявшего под его башней объемистого стального бака. Подальше к югу, в дубняке, паслось большое коровье стадо. Лэнгтри решено было объехать стороной, да и вообще, от греха подальше, переправляться через реку решили ночью. День выдался теплый, они выстирали рубашки и продолжили путь, не дожидаясь, когда те высохнут, – надели их прямо мокрыми. Окрестности просматривались неплохо, но, сколько они ни озирались, мальчишки на гнедом жеребце видно не было.

К вечеру, оказавшись восточнее Пампвилла, пересекли пути Южно-Тихоокеанской железной дороги, а еще через полмили разбили лагерь. Когда они вычистили и стреножили коней и развели костер, уже стемнело. Джон-Грейди положил седло ближе к огню, а сам отправился в прерию. Стоял там, слушал тишину. На фоне багрового неба четко выделялась водонапорная башня Пампвилла, а рядом с ней повис рогатый месяц. В сотне шагов от Джона-Грейди похрустывали травой кони, но больше ничто не нарушало синего безмолвия прерии.

К полудню они пересекли Девяностое шоссе и поехали через луга, то и дело минуя коровьи стада. Далеко на юге, словно миражи в пустыне, то появлялись, то скрывались в дымке мексиканские горы. Еще через два часа показалась и река. Сняв шляпы, Джон-Грейди и Ролинс уселись над невысоким уступом – сидят, глядят в воду. Река была мутной от глины и сердито бурлила на стремнине чуть ниже по течению. Под уступом начинались заросли ивняка и осоки, а высокий противоположный берег был испещрен сотнями ласточкиных гнезд, и птицы над рекой летали тучами. Дальше, уже до самого горизонта, тянулась пустыня. Джон-Грейди и Ролинс переглянулись и одновременно, как по команде, надели шляпы.

Они проехали вверх по течению, переправились через впадавший в реку ручей, выехали на песчаную отмель, остановили коней и стали осматриваться. Ролинс скрутил сигарку и, забросив одну ногу на луку седла, закурил.

Мы от кого-то прячемся? – спросил он.

Скажешь, нет?

На той стороне, по-моему, ни души.

То же самое, может быть, говорят те, кто сейчас смотрит оттуда.

Ролинс молча курил.

По той отмели можно перейти вброд, сказал Джон-Грейди.

Зачем тянуть? Ехать еще куда-то... Давай переправимся прямо здесь!

Джон-Грейди наклонился и сплюнул в воду.

Если тебе не терпится, то давай, сказал он. Только мы, по-моему, договорились понапрасну не рисковать.

Твоя правда, сказал Ролинс.

Они вернулись наверх, проехали дальше по ручью, потом спешились, расседлали коней, пустили их погостить в траве. Сами же уселись под ивой, открыли банку сосисок, съели крекеры и запили шипучкой, растворив порошок в воде из ручья.

Интересно, есть там у них в Мексике венские сосиски? – проговорил Ролинс.

Попозже днем Джон-Грейди прошел еще дальше по ручью и поднялся от него туда, где уже начинались прерии. Постоял, сняв шляпу, и пристально глядя на северо-восток. В море колыхавшейся травы он увидел коня и всадника. До него было около мили. Джон-Грейди стоял и смотрел.

Вернувшись в лагерь, Джон-Грейди разбудил Ролинса.

Что случилось? – проворчал тот.

Кто-то едет. Похоже, опять тот недоносок.

Ролинс надел шляпу, взобрался по склону и стал всматриваться в даль.

Видишь его? – спросил Джон-Грейди, на что Ролинс кивнул и сплюнул.

Если его самого отсюда и не разберешь, то уж насчет гнедого не ошибешься.

Он тебя видел?

Не знаю.

А едет в нашу сторону!

Значит, видел.

Надо его шугануть.

Ролинс покосился на Джона-Грейди:

Не к добру возник этот чертенок, помани мое слово. Мы еще из-за него нахлебаемся...

Мне тоже так кажется.

Не такой он простачок, каким прикидывается.

Что он делает?

Едет.

Ладно, спускайся. Может, он нас не засек.

Остановился, сообщил Ролинс.

Так, а теперь?

Теперь снова поехал.

Они решили оставаться на месте и встретить мальчишку здесь, если уж ему так приспичило догнать их. Вскоре обе лошади подняли головы и стали вслушиваться. Гнедой и его ездок уже спустились к ручью – было слышно, как хрустят песок и мелкие камушки под копытами и позвякивает железо.

Ролинс взял винтовку, и они двинулись к реке по ручью.

Мальчишка повернул своего крупного гнедого коня с берега на отмель и стал смотреть через реку. Потом развернулся, увидел их и большим пальцем сдвинул шляпу на затылок.

Я сразу понял, что вы еще на этой стороне, сообщил он. Потому как вон там, в мескитах, пасутся два оленя.

Ролинс присел на корточки, поставил перед собой винтовку и опустил подбородок на тыльную сторону запястья.

Ну что нам с тобой делать?

Мальчишка посмотрел сначала на Ролинса, потом на Джона-Грейди.

В Мексике меня никто искать не будет.

Смотря что ты натворил, заметил Ролинс.

Ничего я не натворил.

Как тебя звать-то? – спросил Джон-Грейди.

Джимми Блевинс.

Ладно заливать! Джимми Блевинс выступает по радио. С религиозной передачей.

Это другой Джимми Блевинс.

Кто за тобой гонится?

Никто.

Откуда ты знаешь?

Знаю, и все.

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди, потом на мальчишку:

Харчи у тебя есть?

Нет.

А деньги?

Тоже нет.

Значит, будешь обузой.

Мальчишка пожал плечами. Гнедой сделал шаг в воде, потом замер.

Ролинс покачал головой, сплюнул и посмотрел через реку.

Ты мне можешь объяснить одну простую вещь, приятель?

Ну?

Какой от тебя прок? Зачем ты нам нужен?

Мальчишка не ответил. Сидел в седле и смотрел на мутную воду, на длинные тени на песке в закатном освещении. Посмотрел на синие горы вдалеке, на юге, подтянул лямку комбинезона, сунул большой палец в нагрудник, повернулся и посмотрел на Ролинса и Джона-Грейди.

Затем, что я американец, наконец сказал он.

Ролинс отвернулся и покачал головой.

Под белым рогатым месяцем они переправлялись через реку верхом в чем мать родила, бледные и худые. Сапоги они сунули в джинсы вниз голенищами, запихали туда же рубашки, куртки, бритвенные принадлежности, патроны, затянули ремни, а штанины замотали вокруг шей. Оставшись в одних шляпах, они вывели коней на песок у реки, ослабили подпруги, сели в седла и взяли коней в шенкеля босыми пятками.

Примерно на середине реки кони поплыли, фыркая, вытягивая шеи, распутив по воде хвосты. Течение потихоньку их сносило. Обнаженные всадники, наклоняясь к конским загривкам, что-то втолковывали коням. Мальчишка пристроился за Ролинсом, который следовал за Джоном-Грейди. В одной руке Ролинс держал карабин, и со стороны могло показаться, что это отряд разбойников, задумавших набег, высаживается на чужом берегу.

Они выбрались из реки и направили коней через ивняк к песчаной косе. Там остановились, сняли шляпы и устремили взгляды туда, откуда приехали. Какое-то время молча смотрели в темноту. Потом вдруг, не сговариваясь, пустили коней в галоп по косе вверх по течению, развернулись и понеслись обратно. Они размахивали шляпами, хохотали и хлопали жеребцов по загривкам.

Это же черт знает что! – выкрикивал Ролинс. Эк ведь куда нас занесло!

Они осадил коней, от которых валил пар, посмотрели друг на друга при свете луны, а потом тихо спешили, отвязали штаны, оделись и повели коней через ивняк наверх. Выбравшись на равнину, сели в седла и поехали на юг по засушливой прерии Коауилы.

Заночевали на равнине в мескитовых зарослях, а утром позавтракали беконом с фасолью и хлебом, который испекли, замешав кукурузную муку на воде. Они ели и смотрели по сторонам.

Ты когда ел в последний раз? – спросил Ролинс мальчишку.

Позавчера.

Позавчера?

Угу.

А твоя фамилия, случайно, не Бливет? – спросил Ролинс, глядя на мальчишку в упор.

Моя фамилия Блевинс.

Знаешь, что такое бливет?

Ну?

Бливет – это десять фунтов говна в пятифунтовом мешке.

Блевинс перестал жевать. Он посмотрел на запад, туда, где из зарослей на равнину под лучи утреннего солнца стали выходить коровы, потом снова заработал челюстями.

А вы, между прочим, не сказали, как вас самих-то зовут, вскоре заметил он.

Потому что ты не спрашивал.

Мне воспитание не позволило.

Ролинс угрюмо посмотрел на Блевинса и отвернулся.

Я Джон-Грейди Коул, сказал Джон-Грейди. А его зовут Лейси Ролинс.

Мальчишка кивнул, продолжая жевать.

Мы из-под Сан-Анджело, сказал Джон-Грейди. Знаешь такое место?

Никогда там не бывал.

Они думали, что теперь мальчишка скажет, откуда он сам, но он сохранял молчание.

Ролинс тщательно вытер тарелку кусочком хлеба и съел его.

А ничего, если мы обменяем этого твоего коняшку на другого, не такого заметного, а то как бы нас из-за него не грохнули, сказал он.

Мальчишка посмотрел на Джона-Грейди, потом снова перевел взгляд на коров в отдалении.

Я лошадьми не меняюсь.

Значит, ты не хочешь, чтобы мы позаботились о твоём здоровье, продолжал Ролинс.

Я сам о себе позабочусь.

А-а, ну понятно. У тебя, наверное, и пушка имеется?

Мальчишка промолчал, потом буркнул:

Имеется.

Ролинс посмотрел на него, потом, снова отломив кусочек хлеба, опять стал подбирать остатки еды в тарелке.

Ну и какая же пушка, если не секрет? – спросил он.

Кольт тридцать два двадцать.

Херня, не поверил Ролинс. Это же калибр винтовки!

Мальчишка кончил есть и теперь вытирал тарелку пучком травы.

А ну покажь!

Мальчишка поставил тарелку на землю, посмотрел сперва на Ролинса, потом на Джона-Грейди, сунул руку за нагрудник комбинезона и вытащил револьвер. Он ловко перекинул его в руку и подал Ролинсу рукояткой вперед и вверх.

Ролинс посмотрел сначала на мальчишку, потом на револьвер, тоже поставил тарелку на землю и, взяв оружие, стал поворачивать, разглядывая со всех сторон. Это был старый «кольт-бисли» с гуттаперчевыми пластинками на рукоятке, которые от долгого употребления стерлись, утратив первоначальную насечку. Сам револьвер был темно-серого цвета. Ролинс повернул его, пытаясь прочитать маркировку на стволе. Что ж, там и впрямь 32–20! Он посмотрел на мальчишку, потом большим пальцем открыл дверцу Абади, поставил курок на полувзвод, повернул барабан и извлек патрон. Осмотрев патрон, вернул его на место, закрыл дверцу барабана и опустил курок.

Где ты взял эту пушку?

Где взял, там уже нет.

Стрелял из нее когда-нибудь?

Стрелял.

Ну а попасть во что-нибудь сможешь?

Мальчишка протянул руку за своим оружием. Ролинс взвесил револьвер на ладони и отдал хозяину рукояткой вперед.

Подбрось что-нибудь в воздух, а я попаду, предложил мальчишка.

Попадешь, как же!

Мальчишка только пожал плечами и убрал револьвер за нагрудник.

Ну а что подбросить-то? – спросил Ролинс.

А что хочешь.

Значит, что бы я ни подбросил, тебе все равно? Попадешь во что угодно?

Угу.

Врешь ты все!

Мальчишка встал, вытер тарелку о штанину и посмотрел на Ролинса.

Подбрось бумажник, если не боишься, сказал он. А я его прострелю.

Ролинс встал, сунул руку в карман джинсов и вытащил бумажник. Мальчишка нагнулся, поставил тарелку на землю и снова достал кольт. Джон-Грейди положил ложку в тарелку и тоже поставил ее на землю. Все трое двинулись на открытое место, словно дуэлянты.

Мальчишка повернулся спиной к солнцу, опустив руку с револьвером. Ролинс посмотрел на Джона-Грейди, ухмыльнулся, потом перевел взгляд на мальчишку, держа бумажник большим и указательным пальцем.

Ну что, готов, Энни Оукли?

Дело за тобой.

Ролинс неуловимым движением подбросил бумажник. Тот, крутясь, взмыл ввысь, сделавшись черной точкой на фоне голубого неба. Возникло тяжелое ожидание выстрела. Потом он грянул. Бумажник дернулся и, трепеща крыльями словно раненая птица, стал падать.

Снова наступила тишина. Ролинс отправился за бумажником. Было слышно, как шуршит под его ногами трава. Он нагнулся, подобрал бумажник и молча сунул в карман.

Поехали, буркнул он.

Дай хоть взглянуть сперва, сказал Джон-Грейди.

Поехали, поехали. Чем скорее уберемся от реки, тем лучше.

Они отловили и поседлали коней, мальчишка затоптал костер. Они ехали в ряд по широкой песчаной пустоши, отходившей от поросшей кустарником долины. Ехали молча и глядели по сторонам. С мескитового куста вспорхнул ястреб, пролетел над самой землей, затем сел на дерево в полумиле от всадников. Они проехали, и он вернулся на прежнее место.

Когда мы встретились с тобой около Пекоса, пушка была при тебе? – спросил Ролинс.

Мальчишка покосился на него из-под своей огромной шляпы и кивнул.

Какое-то время ехали молча. Потом Ролинс сплюнул:

Ты ведь запросто мог тогда пальнуть в меня?

Мальчишка тоже сплюнул:

Ну, я б не стал дожидаться, пока пристрелят.

Потянулись низкие холмы, поросшие нопалом и креозотами. К полудню свернули на дорогу, испещренную следами от конских копыт, двинулись по ней на юг и подъехали к поселку под названием Реформа.

Теперь они ехали гуськом по дороге с колеями от телег, которая служила тут улицей. Вдоль нее стояло с полдюжины приземистых хибар с глинобитными стенами и в сильно запущенном состоянии. Попалось им и несколько хижин из плетня, обмазанного глиной, а также корраль, в котором пять низкорослых большеголовых лошадей с интересом следили за тремя конями на дороге.

Они спешили, привязали коней к столбу у небольшой глиняной постройки, где располагался магазинчик, и вошли. У железной печки посередине на стуле с прямой спинкой сидела девушка и читала какой-то комикс при свете, пробивавшемся с улицы в дверной проем. Она посмотрела на вошедших, потом снова в комикс и опять на троих вошедших. Затем встала, бросила беглый взгляд на зеленую штору, скрывавшую дверной проем в задней части магазина, потом положила книгу на стул и прошла по глиняному полу за прилавком. На прилавке стояло три глиняных кувшина – по-местному оллас. Два из них явно пустовали, но третий был прикрыт железной крышкой с вырезом, сквозь который торчала ручка эмалированного черпака. За спиной девушки висели три или четыре широкие полки, на которых были расставлены консервные банки, коробки конфет, виднелись рулоны ткани и катушки с нитками. У дальней стены стоял большой сосновый ларь для муки. Над ним к глиняной стене был прибит календарь. Это и составляло всю обстановку магазинчика.

Ролинс снял шляпу, вытер тыльной стороной запястья лоб, потом снова надел шляпу и посмотрел на Джона-Грейди:

Как ты думаешь, у нее есть чего-нибудь выпить?

¿*Tiene algo que tomar?* – спросил девушку Джон-Грейди, переведя на испанский вопрос Ролинса.

Sí, ответила она, подошла к кувшину и сняла крышку.

Трое юных американцев молча стояли и смотрели на нее.

Что в кувшине? – спросил Ролинс.

Sidrón, сказала девушка.

¿*Habla ingles?*¹⁷ – спросил ее Джон-Грейди.

Oh no, покачала она головой.

Ну так что там у нее? – нетерпеливо спросил Джона-Грейди Ролинс.

Сидр.

Ролинс заглянул в кувшин:

Сидр так сидр. Дай-ка нам три порции.

¿*Mande?*¹⁸ – переспросила девушка.

Три, повторил Ролинс, а затем, показав растопыренные пальцы, сказал: Трес!

Он сунул руку в карман за бумажником. Девушка повернулась к полке, достала и поставила на прилавок три стакана, потом вытащила из кувшина черпак и стала разливать по стаканам прозрачную коричневатую жидкость. Ролинс выложил на прилавок доллар, у которого с двух концов было по дырочке. Они потянулись к стаканам, а Джон-Грейди кивнул на бумажку:

Попал прямо в середку. Неплохой выстрел.

На это Ролинс только хмыкнул, поднял свой стакан, и все трое выпили. Какое-то время Ролинс задумчиво молчал, потом говорит:

Не знаю, что это на самом деле, но на вкус очень даже ничего. Во всяком случае, годится для ковбоя. Почему бы нам не повторить?

Никто ничего не имел против. Они поставили стаканы на прилавок, и девушка снова их наполнила.

Сколько с нас? – осведомился Ролинс.

Девушка вопросительно посмотрела на Джона-Грейди.

Cuánto, перевел он.

¿*Para todo?*¹⁹

Si²⁰.

*Uno cincuenta*²¹.

Сколько же это выходит по-нашему? – поинтересовался Ролинс.

Примерно три цента стакан.

Ролинс толкнул долларовую бумажку по прилавку к продавщице.

Сегодня угощает папочка, сказал он.

Девушка наклонилась и стала вынимать сдачу из сигарной коробки, которую держала под прилавком. Выложив на прилавок горку мексиканских монет, подняла взгляд на клиентов. Ролинс поставил на прилавок свой пустой стакан, знаками показал, чтобы она налила всем по третьей, расплатился, забрал сдачу, после чего они взяли стаканы и вышли наружу.

---

¹⁷ Вы говорите по-английски? (исп.)

¹⁸ Что-что? (исп.)

¹⁹ За все? (исп.)

²⁰ Да (исп.).

²¹ Полтора песо (исп.).

Усевшись под навесом из веток и жердей и прихлебывая из стаканов, они с любопытством смотрели по сторонам. Вокруг ни души. Полнейшее безмолвие. Глинобитные домишки, пыльные агавы и голые холмы на горизонте... По маленькому глиняному желобу стекала струйка воды. На разбитой телегами дороге стояла коза и пялилась на коней.

Тут и электричества-то нет, сказал Ролинс, сделал еще глоток, перевел взгляд на дорогу. И машин здешние небось отродясь не видали.

Откуда тут взяться машинам? – сказал Джон-Грейди.

Ролинс кивнул, поднял стакан и посмотрел на свет.

Что это, кактусовый сок?

Может быть. Но все равно забирает, верно?

Немножко есть.

Главное, не давай больше пить малыцу.

Я пил виски, заявил Блевинс. И хоть бы хны.

Ролинс покачал головой:

Это только кому рассказать! Пьем кактусовый сок в какой-то мексиканской дыре. Как ты думаешь, что про нас говорят там, дома?

Думаю, про нас говорят так: были да сплыли, сказал Джон-Грейди.

Ролинс сидел, вытянув ноги перед собой и закинув левый сапог на правый. На колене у него лежала шляпа. Обведя взглядом незнакомый ландшафт, он согласно кивнул:

Это точно... Были да сплыли.

Они ослабили подпруги и напоили коней. Дали коням передохнуть и снова гуськом пустились в путь по убогой дороге, что вела на юг. Судя по следам и отпечаткам копыт, по ней проходили койоты, олени, коровы. Позже им снова попался какой-то поселок, но его они проехали не останавливаясь. Дорога, вся в рытвинах и ухабах, в низинах была сильно размыта. Там валялись останки коров и волов, павших в засуху, – кости в мешках из почерневшей, задубелой кожи.

Ну, как тебе эти места? – спросил Джон-Грейди.

Ролинс сплюнул, но ничего не сказал.

К вечеру они подъехали к маленькой усадьбе и остановились у забора. За домом виднелись еще кое-какие постройки, а также корраль, в котором было две лошади. Во дворе они увидели двух маленьких девочек в белых платьицах, которые посмотрели на всадников и убежали в дом, откуда появился мужчина.

*Buenas tardes*²², сказал мужчина.

Он вышел к воротам и жестами показал им, чтоб заезжали. Потом показал, где напоить лошадей.

*Pásale*²³, сказал он. *Pásale*.

Ужинали за сосновым столом при керосиновой лампе. Одна глиняная стена была увешана старыми календарями и фотографиями из журналов. На другой висело небольшое изображение Пресвятой Девы на металлической пластинке, а под ним, на маленькой полочке, стоял зеленый стаканчик со свечой. Американских гостей усадили в ряд на скамейку на одной стороне стола, а две маленькие девочки уселись напротив. Они не сводили глаз с незнакомцев. Женщина ела молча, глядя в тарелку, а ее муж шутил и усердно потчевал гостей. Ужин состоял из фасоли, тортилий и рагу из козлятины, которое хозяин накладывал черпаком из большого глиняного горшка. Кофе подавали в небольших эмалированных кружках. Хозяин пододвигал гостям миски с едой, красноречиво жестикулируя.

---

²² Добрый вечер (исп.).

²³ Заходите (исп.).

*Deben comer*²⁴, приговаривал он.

Его интересовало, что творится в Америке, граница с которой проходила по реке в тридцати милях от поселка. Мальчишкой он однажды оказался в Акунье и видел через реку Соединенные Штаты, хотя сам там никогда не бывал. Правда, туда ездили на заработки два его брата, а дядя жил в Ювэлди, штат Техас, хотя теперь, наверное, он уже помер...

Ролинс съел все, что было у него на тарелке, и поблагодарил хозяйку. Джон-Грейди перевел его слова на испанский, и женщина застенчиво покивала. Потом Ролинс стал показывать девочкам фокус – он отрывал себе большой палец, а затем снова приставлял его. Блевинс положил в тарелке ложку и вилку крест-накрест, вытер рот рукавом и блаженно откинулся назад, но у скамьи не было спинки, и какое-то время Блевинс неистово размахивал руками, чтобы удержаться, а потом полетел на пол, попутно наподдав ногами по столу снизу так, что задребезжала посуда и чуть было не перевернулась скамейка, где сидели и Ролинс с Джоном-Грейди. Девочки вскочили и захлопали в ладоши, что-то восторженно восклицая. Ролинс ухватился за стол, чтобы тоже не упасть, затем свирепо посмотрел на мальчишку на полу.

Черт меня побери... Извините, мэ.

Блевинс медленно поднимался с пола, и только хозяин предложил ему помощь.

*¿Está bien?*²⁵

С ним все отлично, дуракам все с гуся вода, проворчал Ролинс.

Женщина стала поправлять чашки и призвала девочек к порядку. Из соображений приличия она не могла позволить себе рассмеяться, но в ее глазах плясали веселые искорки, которые заметил даже Блевинс. Он кое-как перебрался через скамейку и снова уселся.

Ну, может, пора двигаться? – шепотом спросил он.

Мы еще не поели, отозвался Ролинс.

Мальчишка оглянулся и проворчал:

Я не могу больше здесь сидеть.

Он опустил голову и что-то хрипло пробормотал себе под нос.

Это еще почему? – спросил Ролинс.

Не люблю, когда надо мной смеются.

Ролинс перевел взгляд на девочек. Они снова сели за стол, и лица у них сделались серьезными.

Господи! Это же дети.

Все равно я не люблю, когда надо мной смеются.

Хозяин и хозяйка смотрели на гостей с легкой тревогой.

Если не хочешь, чтобы над тобой смеялись, не падай с лавки на задницу, заметил Ролинс.

Я дико извиняюсь, пробормотал Блевинс, снова перелез через скамейку, надел шляпу и вышел.

Хозяин встревоженно посмотрел ему вслед, наклонился к Джону-Грейди и шепотом осведомился, что случилось. Девочки замерли, уставясь в свои тарелки.

Думаешь, он уедет? – спросил Ролинс.

Сильно сомневаюсь, ответил Джон-Грейди, пожимая плечами.

Хозяева, похоже, ждали, что кто-то из них двоих встанет и выйдет за мальчишкой, но и Ролинс, и Джон-Грейди остались сидеть как сидели. Они допили кофе, и вскоре хозяйка стала убирать со стола.

Мальчишку Джон-Грейди обнаружил на улице. Тот сидел окаменев, словно погрузившись в самосозерцание.

Ты чего?

---

²⁴ Надо поесть (исп.).

²⁵ Все в порядке? (исп.)

Ничего.

Пошли в дом.

Мне и тут хорошо.

Они предложили нам переночевать.

Валяйте ночуйте.

Джон-Грейди постоял, глядя на него, потом пожал плечами.

Как хочешь. Было бы предложено.

Блевинс промолчал, и Джон-Грейди ушел в дом.

Ночевали в задней комнате, где пахло сеном или соломой. Комната была маленькая, без окон и мебели, лишь на полу лежали два соломенных матраса и покрывала. Хозяин оставил им лампу, пожелал спокойной ночи и, пригнувшись, вышел в низкую дверь. Насчет Блевинса ничего не спросил.

Джон-Грейди поставил лампу на пол, они сели на матрасы и стали снимать сапоги.

Ну, умотался! – сказал Ролинс.

Понятное дело.

Старик говорил что-нибудь насчет работы в этих краях?

Сказал, что на той стороне Сьерра-дель-Кармен есть большие ранчо. До них отсюда километров триста.

А в милях?

Сто шестьдесят – сто семьдесят.

Он, часом, за бандитов нас не принял?

Не знаю. Но если и принял, то виду не подает.

Это точно.

Расписывал те места на все лады. Говорит, там есть озера, водопады, луга с высокой травой – аж до стремян. Не знаю, что там на самом деле... Но судя по тому, что мы пока видели, это все басни.

Может, ему хочется поскорее нас спровадить?

Может быть, кивнул Джон-Грейди. Он снял шляпу, лег на матрас и накрылся серапе²⁶.

А этот хмырь что задумал? Решил ночевать под открытым небом?

Похоже.

Может, с утра пораньше он уберется.

Может быть.

Джон-Грейди прикрыл глаза.

Смотри не выжги весь керосин, сказал он. А то лампа, прежде чем погаснуть, весь дом закоптит.

Сейчас, через минутку потушу.

Джон-Грейди лежал и прислушивался. Вокруг стояла тишина.

Ты что там делаешь? – спросил он Ролинса.

Ничего.

Джон-Грейди открыл глаза и посмотрел на Ролинса. Тот разложил на одеяле бумажник и мрачно смотрел на него.

Ну что, горюешь?

Ты посмотри, во что он превратил мои водительские права!

Здесь они тебе не понадобятся.

И мой пропуск в бильярдный клуб! Тоже прострелил, собака!

Спи.

Нет, ты только полюбуйся! Этот гаденыш продырявил и Бетти Уорд. Прямо между глаз!

---

²⁶ Яркий плед (исп.).

А Бетти тут как очутилась? Вот уж не знал, что она тебе нравится.

Просто она подарила мне фотку. Когда еще в школе учились.

Утром они как следует позавтракали яичницей с фасолью и тортильями. Сидели за тем же столом, что и накануне, причем сходить посмотреть, где Блевинс, и пригласить его поесть никто даже не подумал. Хозяйка завернула им еды с собой в чистую тряпицу, они поблагодарили ее, пожали руку хозяину, а потом вышли во двор. Гнедого жеребца Блевинса в коррале не было.

Неужели нам так повезло? – воскликнул Ролинс.

Джон-Грейди с сомнением покачал головой.

Они засадили коней, потом предложили хозяину деньги за ночлег и еду, но тот нахмурился и замахал на них руками. Тогда они еще раз обменялись с ним рукопожатиями, сели в седла и двинулись по той же разбитой дороге на юг. Какое-то время за ними бежала собака, потом остановилась и долго смотрела вслед.

Утро было прохладное, в воздухе пахло дымом. Едва поднялись на первый же холм, Ролинс с отвращением сплюнул.

Погляди вон туда, буркнул он.

Впереди на обочине они увидели большого гнедого коня и Блевинса, который сидел на нем.

Они замедлили шаг.

Что, по-твоему, с ним стряслось? – спросил Ролинс.

Ничего. Просто он еще сопляк.

Черт бы его побрал!

Когда они подъехали, Блевинс заулыбался. Он жевал табак и время от времени наклонялся и плевал, вытирая рот тыльной стороной запястья.

Чего скалишься? – спросил Ролинс.

Доброе утро, произнес Блевинс.

Откуда табачок? – поинтересовался Ролинс.

Хозяин дал.

Хозяин?

Да. Хозяин того дома...

Они молча объехали его с двух сторон и двинулись дальше. Блевинс трусил сзади.

А пожрать? Пожрать у вас ничего нет? – спросил он.

Вообще-то, вот. Узелок хозяйка в дорогу дала, сообщил Ролинс.

А что в нем?

Не смотрели еще.

Может, поглядим?

Разве сейчас уже время ланча?

Джо, скажи ему, чтобы дал мне чего-нибудь поесть, – обратился мальчишка к Джон-Грейди.

Во-первых, его зовут не Джо, сказал Ролинс. Но даже если бы он звался Ивлином, все равно не стал бы устраивать для тебя персональный ланч в семь утра.

Ну и хрен с вами, нахмурился Блевинс.

Они ехали и ехали. Настал полдень, но они продолжали путь. Вокруг были совершенно безлюдные места, и ничто вокруг не радовало глаз. Они ехали, окутанные безмолвием, которое нарушалось только стуком конских копыт и периодическими плевыми Блевинса. Мальчишка по-прежнему тащился сзади и все жевал табак. Ролинс ехал, закинув ногу на луку седла и опершись о колено рукой, курил и смотрел по сторонам.

По-моему, там вон тополя.

По-моему, тоже, кивнул Джон-Грейди.

Они остановились под деревьями на краю маленькой съенаги²⁷. Лошади бродили по мокрой траве и с чмоканьем всасывали воду. Кусок муслина, в который хозяйка завязала еду, они превратили в скатерть. Выбрав себе то тако²⁸, то касадилью²⁹, то бискочо³⁰, они откидывались на локти и, поглядывая на коней, принимались молча жевать.

В хорошие старые времена команчи устроили бы тут засаду, сказал Блевинс.

Надеюсь, у них хватило бы ума взять с собой шашки или карты. А то тут с тоски можно подохнуть. За год ни одной живой души, отозвался Ролинс.

В старину тут было гораздо больше путников, возразил Блевинс.

Что ты смыслишь в старине, хрен собачий! – сказал Ролинс, грустно озирая пустынные места.

Кто-нибудь еще будет есть? – спросил Джон-Грейди.

Куда там. Я сейчас лопну, сказал Ролинс.

Джон-Грейди завязал остатки еды в узелок, потом разделся донага, прошел, раздвигая траву, мимо коней, забрался в болотистую воду и сел. Вода доходила ему до пояса. Он развел руки в стороны и лег на спину, исчезнув под водой. Кони повернули головы, пытаясь понять, куда он делся. Вскоре он снова сел, вытирая глаза и откидывая назад мокрые волосы.

На ночлег устроились в балке неподалеку от дороги. Развели костер и, сидя на песке, долго смотрели на тлеющие угли.

Блевинс, ты ковбой? – спросил Ролинс.

Ковбои мне нравятся.

Они всем нравятся.

Ну, я не великий наездник. Но в седле держусь.

Правда? – усомнился Ролинс.

Вот он тоже умеет ездить, сказал Блевинс, кивая в сторону Джона-Грейди, сидевшего по другую сторону костра.

Почему ты так решил?

Потому что умеет, и все.

А что, если я скажу тебе, что он занимается этим недавно? Что он никогда не садился на лошадь, на которой не удержалась бы девчонка?

Тогда я отвечу, что ты мне мозги полощешь.

А если я скажу, что он лучший наездник, каких я только видел?

Блевинс молча сплюнул в костер.

Не веришь?

Почему не верю?.. Просто все зависит от того, кого ты видел.

Я, например, видел Рыжего Бугера.

Точно?

Точно.

По-твоему, он обскочит Бугера?

Да запросто!

Ну, это еще бабушка надвое сказала...

Тоже мне великий знаток, усмехнулся Ролинс. Рыжий Бугер давным-давно перешел в мир иной.

Не слушай ты его, посоветовал Блевинсу Джон-Грейди.

Ролинс переложил ноги, снова скрестил их и кивнул в сторону Джона-Грейди:

---

²⁷ Болото или водоем (исп.).

²⁸ Галета (исп.).

²⁹ Пирог с сыром (исп.).

³⁰ Печенье (исп.).

На самом деле он сердится, потому как мои речи мешают ему похвастаться самому.
Ну и трепло!

Вот видишь! – обрадовался Ролинс. Задело за живое...

Блевинс наклонился к костру и сплюнул:

Разве можно говорить на полном серьезе, что кто-то ездит не просто лучше кого-то другого, а вообще лучше всех?

Конечно нельзя, кивнул Джон-Грейди. Это он так, мозги пудрит.

Классных наездников хватает, продолжал Блевинс.

Сушая правда, согласился Ролинс. Классных наездников хватает, но я удостоился чести видеть самого лучшего. И теперь он сидит напротив тебя, дружище Блевинс.

Оставь парня в покое, не приставай, сказал Джон-Грейди.

Разве я к нему пристаю? – удивился Ролинс. Ну скажи честно, дружище, неужели я тебя обидел?

Все нормально, пробормотал Блевинс.

То-то же! Так что передай этому самому Джо, что я к тебе не пристаю.

Я же сказал уже.

Оставь парня в покое, повторил Джон-Грейди.

День за днем потом они ехали по горам. Однажды остановили коней на перевале среди скал, стали смотреть, что ждет их впереди, на юге, где последние длинные тени бежали по дну долины быстрее ветра, гонимые с запада кроваво-красным солнцем, опускающимся в плотные облака. С юга долину замыкали далекие горы, они уходили ввысь к облачному небу, из синих делались голубыми, а потом и вовсе растворялись в дымке.

Ну и где, по-твоему, этот обещанный рай? – спросил Ролинс.

Джон-Грейди снял шляпу, подставил ветру разгоряченное лицо.

В этих краях никогда не знаешь, что будет дальше, сказал он. Вот приедем на место, тогда и поймем, чего к чему.

Главное, чтобы не зря стараться.

Не беспокойся, приятель, не пропадем.

Вас понял.

Они ехали по северному склону, где тень от горы давала прохладу. В каменистых лощинах росли вечнозеленые ясени, хурма, эвкалипты. С дерева перед ними вспорхнул ястреб и, описав несколько кругов в подступающих сумерках, снова сел. Тропа шла то вверх, то вниз, постоянно приходилось огибать скалы, и они посылали коней вперед по сланцевым уступам, сдавливая каблуками лошадиные бока.

Вскоре совсем стемнело, и они устроили привал в горах на каменистом выступе, присыпанном песком. Ночью их разбудили звуки, которых они раньше не слышали, – где-то на юго-западе кто-то трижды провыл, потом снова наступила тишина.

Ты слышал? – встрепнулся Ролинс.

Еще бы!

Неужто волк?

Похоже.

Джон-Грейди лежал, завернувшись в одеяло, и смотрел на узкий серпик месяца, зацепившийся за горный хребет. В сине-черном небе Плеяды устремлялись вверх, в ту самую всепоглощающую тьму, что правит миром, и тянули за собой и бриллиант Ориона, и ожерелье Кассиопеи. Плеяды двигались по фосфоресцирующему мраку, словно гигантский бредень. Джон-Грейди лежал, слушая, как сопят его спутники, и созерцая дикую природу вокруг и неведомые дали в себе самом.

Утро выдалось холодным. Когда проснулись, а было это еще до зари, оказалось, что Блевинс уже встал, развел костер и сидит, съезжившись, у огня в своей легкой одежонке. Джон-Грейди выбрался из-под одеяла, надел сапоги, куртку и отправился посмотреть на незнакомые места, очертания которых проступали из предзвездной мглы.

Они допили остатки кофе, заев тортильями, в которых темнели полосы острого соуса.

Ну, и куда теперь понесет нас судьба? – спросил Джона-Грейди Ролинс.

Не знаю. Как говорится, бог не выдаст, свинья не съест.

А твой партнер прямо спал с лица.

Да, бекона у него на костях маловато.

Да и у тебя тоже не больше.

Они смотрели, как прямо перед ними встает солнце. Кони, пасшиеся неподалеку, подняли головы и тоже уставились на светило. Ролинс, допив последние капли кофе и вытряхнув гущу, достал из кармана кисет.

Как думаешь, настанет когда-нибудь день, когда солнце не взойдет? – спросил он.

Да. День Страшного суда.

Ну и когда, по-твоему, это случится?

Когда Он сочтет это нужным.

Страшный суд, Страшный суд... – протянул Ролинс. И ты во все это правда веришь?

Не знаю... Наверное... А ты?..

Ролинс сунул в рот сигарку, закурил, отшвырнул спичку.

Не знаю... Может, верю...

Я сразу понял, что ты безбожник, подал голос Блевинс.

Ни черта ты не понял, огрызнулся Ролинс. И вообще, сиди и помалкивай в тряпочку, глядишь, никто не поймет, какой ты остопоп.

Джон-Грейди встал, взял седло, забросил на плечо вальтрап и, обернувшись к своим спутникам, коротко сказал:

Пора.

К полудню они спустились с гор и теперь ехали по широкой равнине, поросшей корзинником, пыреем и агавами. Вскоре – впервые за эти дни – они увидели верховых. Трое ехали на лошадях во главе каравана мулов. До них было около мили.

Это еще кто такие? – напрягся Ролинс.

Да не один ли хрен! – проворчал Блевинс. Главное, не останавливаться. Если мы увидели их, то они запросто могли увидеть нас.

Чушь, сказал Ролинс.

Если бы ты был на их месте и увидел, как мы вдруг остановились, то заподозрил бы неладное, сказал Блевинс.

Он прав, вмешался Джон-Грейди. Поехали-ка дальше.

Это оказались мексиканцы, направлявшиеся в горы за канделильей, из которой здесь варят растительный воск. Если появление молодых американцев на конях и удивило их, то они этого никак не показали. Мексиканцы только осведомились, не встречался ли им в горах их товарищ, который собирает канделилью вместе с женой и двумя дочерьми. Джон-Грейди ответил, что им вообще ни одной живой души не попадалось.

Мексиканцы разглядывали американцев, переводя темные глаза с одного на другого. Это были простые грубые люди, одетые в лохмотья. Их шляпы лоснились от жира, на сапогах виднелись заплатки из сыромятной кожи. Седла старые, с квадратными крыльями. Кое-где кожа протерлась до деревянной основы. Они сворачивали самокрутки из кукурузных листьев и прикуривали от зажигалок, сделанных из стреляных гильз. У одного за ремень был заткнут выдавший виды кольт с откинутой дверцей барабана, чтобы не выскользнул, от них пахло дымом,

колесной мазью и потом. На вид они были такими же чужими и дикими, как вся окружающая природа.

Один из мексиканцев спросил, не из Техаса ли они, на что Джон-Грейди утвердительно кивнул. Мексиканцы тоже понимающе покивали.

Джон-Грейди курил, посматривая на мексиканцев. Да, вид потрепанный, но наездники лихие – это сразу видно по осанке. И как ни старался Джон-Грейди угадать по их темным глазам, что у них на уме, ничего у него не вышло.

Немного поговорили о погоде и о здешних местах. По словам мексиканцев, в горах тут порой бывает очень холодно. Никто, впрочем, не предложил спешиться и продолжить дружескую беседу. Мексиканцы держались так, будто эти края таят в себе какую-то загадку, которую пришлым все равно не разгадать. Едва их караван остановился, мулы задремали.

Докурив сигарету, главный сказал: «Вуено... *Vámonos*»³¹, потом пожелал американцам удачи, коснулся длинными шпорами боков своего коня и двинулся шагом. За ним потянулись остальные. Мулы пробудились и, проходя мимо американцев, с любопытством косились на их коней и энергично махали хвостами, хотя мух тут не было и в помине.

Днем напоили коней у прозрачного ручья, напились сами и доверху наполнили фляги. Вдалеке, милях в двух, возникла стайка антилоп. Животные застыли и, подняв головы, настороженно глядели на людей.

Потом ехали по долине, поросшей высокой и густой травой. В зарослях крушины на пологих склонах этих древних гор паслись коровы, напоминавшие расцветкой то черепах, то домашних кошек. Коровы при их появлении поднимали головы и долго-долго потом смотрели вслед. На ночлег остановились в горах и решили поужинать зайцем, которого подстрелил из револьвера Блевинс. Он выпотрошил тушку и закопал в песок, а сверху развел костер, пояснив, что так всегда поступали индейцы.

Ты сам-то когда-нибудь ел зайца? – поинтересовался Ролинс.

Пока нет, качнул головой Блевинс.

Если собираешься попробовать, подложи в огонь побольше дров.

Он и так будет в порядке.

Что ты ел самое странное и необычное? – спросил его Ролинс.

Самое странное и необычное? Да пожалуй, устриц.

Горных или настоящих?

Настоящих.

А как они были приготовлены?

А никак. Просто лежали в раковинах. Поливаешь острым соусом, и порядок.

Значит, ты ел устриц?

Ел.

И какой у них вкус?

Как у устриц.

Они сидели и смотрели в огонь.

Откуда ты, Блевинс? – спросил Ролинс.

Тот посмотрел сначала на Ролинса, потом снова в огонь.

Округ Ювэлди. На Сабинал-Ривер.

А почему из дому удрал?

А ты почему удрал?

Мне, между прочим, семнадцать лет. Имею право делать что захочу.

Я тоже.

---

³¹ Ладно... Поехали (*исп.*).

Джон-Грейди сидел, скрестив перед собой ноги, и курил, опершись о седло. Посмотрел на Блевинса.

Ты ведь и раньше сбегал, верно?

Было дело.

Но в тот раз тебя, стало быть, поймали?

Поймали. Я работал в кегельбане в Ардморе, штат Оклахома. Расставлял кегли. И однажды меня цапнул бульдог. Вырвал из меня, сволочь, целый бифштекс. Ну а потом в рану попала грязь, началось воспаление. Хозяин потащил меня к доктору, а тот решил, что у меня вообще бешенство начинается. Поднялась жуткая паника, и меня отправили домой, в округ Ювэлди. От греха подальше.

А что ты забыл в Ардморе?

Говорю, работал в кегельбане. Расставлял кегли...

Но каким ветром тебя занесло туда?

Как-то раз у нас прошел слух, что в Ювэлди – не в округ, а в город Ювэлди – приезжает шоу. Я скопил денег, чтобы на него попасть, и все ждал, когда они появятся. Но они так и не приехали. Знающие люди говорили, что в Тайлере, штат Техас, их главного упрятали в кутузку. Тамошние власти объявили шоу неприличным. Гвоздем программы у них был стриптиз. Ну а потом я увидел на столбе афишу. Там говорилось, что шоу переносится в Ардмор, штат Оклахома. Вот я и двинул туда.

Ты двинул в Оклахому, чтобы поглядеть это самое шоу? – переспросил Ролинс, сильно удивленный этой историей.

Ну да. Я что, зря, что ли, деньги копил? Нет, раз решил посмотреть, так уж посмотрю, и точка!

Ну и как, посмотрел?

Ни хрена! Они и в Ардмор не приехали.

Блевинс задрал штанину и показал в свете костра пострадавшую от бульдога ногу:

Видите, как этот гад меня цапнул? Аллигатор, а не пес!

А почему ты теперь собрался в Мексику? – спросил Ролинс.

Потому же, что и вы...

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди.

Да? Ну так все-таки почему же?

Потому что вы решили, что в Мексике вас уж точно никто не догонит.

А за нами, кстати сказать, никто и не думает гнаться.

Блевинс опустил штанину и стал ковырять в костре палочкой.

Я сказал сукину сыну, что не позволю пороть меня, сообщил он.

Ты про отца?

Мой отец погиб на войне.

Значит, про отчима?

Угу.

Ну а как этот самый бульдог оказался в кегельбане?

Никак. Просто в кегельбане я работал.

Ну а что ты такое учудил, что бульдог тебя укусил?

Ничего.

Ролинс чуть подался вперед и плюнул в костер.

Ну а ты-то что делал, когда тебя укусил бульдог?

У тебя слишком много вопросов. И вообще, не плюй в костер, у меня там еда готовится.

Что? – удивился Ролинс. Что ты сказал?

Говорю, не плюй в костер, еда там готовится.

Ролинс оторопело посмотрел на Джона-Грейди. Тот рассмеялся:

Еда? Ну, приятель, боюсь, ты скоро сам поймешь, что погорячился, когда назвал это едой. Ты, главное, предупреди, что отказываешься от своей доли, буркнул Блевинс.

То, что они извлекли из песка, раскидав уголья, сильно напоминало высушенную мумию из гробницы. Блевинс положил зайца на плоский камень и стал стаскивать шкуру, а потом соскребать мясо с костей, выкладывая куски на тарелки. Затем они полили заячьи ошметки острым соусом, завернули в последние тортильи и начали жевать, то и дело переглядываясь.

А что, ничего, бормотал Ролинс.

Точно. Я, вообще, думал, выйдет так, что и в рот не возьмешь, сказал Блевинс.

Джон-Грейди перестал жевать, с интересом посмотрел на своих спутников, потом снова заработал челюстями.

Ну, вы ребята бывалые, не мне чета, сказал он.

На следующий день они продолжили свой путь на юг. Навстречу стали попадаться повозки странствующих торговцев, направлявшихся на север, к американской границе. Эти загорелые люди с обветренными лицами гнали небольшие караваны мулов по три-четыре цугом. Мулы тащили меха, козлиные шкуры, канделилю, мотки кустарно изготовленных веревок из агавы, а также канистры с местным алкогольным напитком под названием сотол. Воду мексиканцы держали в бурдюках из свиной кожи или в провощенных полотняных сумках с кранами из коровьих рогов. Некоторые путешествовали с женщинами и детьми. Завидев встречных всадников, они уступали им дорогу, порой уводя мулов в кусты, а юные американцы здоровались и желали удачи. Мексиканцы отвечали улыбками и весело кивали.

Джон-Грейди и Ролинс пытались купить воды у тех, кто попадался им навстречу, но вскоре выяснилось, что это очень непросто, – у американцев не было при себе подходящей мелочи. Ролинс пытался расплатиться монетой в пятьдесят сентаво, но оказалось, что за полные фляги с них причитается всего-навсего четыре сентаво и мексиканец не желает брать лишнее. Под вечер они купили флягу сотола и поехали дальше, то и дело прикладываясь к ней и передавая ее друг другу. В результате все трое сильно опьянели. Ролинс, сделав очередной глоток, закрутил крышку, взял флягу за ремень и повернулся, чтобы бросить ее Блевинсу, но вовремя спохватился. Конь Блевинса трусил сзади, но в седле никого не было. Ролинс тупо уставился на гнедого, затем догнал Джона-Грейди, который ехал впереди, и окликнул его. Тот остановился, повернулся и удивленно спросил:

А где он?

Черт его знает! Небось валяется где-нибудь в кустах.

Они повернули обратно. Ролинс вел под уздцы лишившегося седока гнедого. Блевинс сидел посреди дороги. На нем по-прежнему была его огромная шляпа.

Уф, я надрался как свинья, сказал он, увидя их.

Ролинс и Джон-Грейди остановились, глядя на него сверху вниз.

Ехать-то можешь, чи нет? – спросил Ролинс.

Какает медведь в лесу, приятель, чи нет? Конечно могу. Перед тем как упасть, я же ехал!

Блевинс встал, покрутил головой и, пошатываясь, стал пробираться между коней.

Так, это у нас что? Нет, это не конь, это колено Ролинса! Я, честно говоря, подумал уж, что вы меня бросили и ускакали, сообщил он.

В следующий раз так и сделаем, пообещал Ролинс.

Джон-Грейди наклонился, взял поводья и придерживал гнедого, пока Блевинс карабкается в седло.

А ну-ка, ты! Отдай поводья! – потребовал Блевинс. Я, что ли, не ковбой? Я знаменитый объездчик мустангов!

Джон-Грейди с сомнением покачал головой. Блевинс взял поводья, но тут же уронил их, а когда наклонился, чтобы подобрать, чуть снова не свалился наземь. Он кое-как удержался, затем выпрямился в седле и резко развернул коня.

У меня и справка об этом есть, сообщил он.

Затем Блевинс ударил гнедого каблуками в брюхо, отчего тот присел на задние ноги, а потом рванул вперед. Блевинс же снова грохнулся на землю. Ролинс с отвращением сплюнул:

Ну и пусть тут отдыхает!

Залезай на коня, велел мальчишке Джон-Грейди. И кончай валять дурака.

К вечеру северную часть неба затянуло грозowymi тучами. Все вокруг посерело. Они остановились на вершине холма, чтобы осмотреться. Прямо на них двигалась гроза, порыв ветра обдал прохладой разгоряченные лица. Ежась и прикрывая глаза, все трое молча переглянулись. Вдалеке вовсю сверкали молнии, словно там, за грозовой пеленой, проводились сварочные работы. Как будто кто-то ремонтировал гигантский железный каркас мироздания.

Ну сейчас и шарахнет! – проворчал Ролинс.

А как же я-то? Мне это нельзя, жалобно произнес Блевинс.

Ролинс мрачно усмехнулся и, покосившись на мальчишку, сказал:

Нет, вы только полюбуйтесь на этого героя!

Где же ты тут укроешься? – спросил Блевинса Джон-Грейди.

Не знаю... Но мне обязательно надо где-нибудь спрятаться.

Боишься растаять под дождичком? Ты, часом, не сахарный?

Я из-за молнии...

Из-за молнии?

Угу.

Господи, он даже почти протрезвел от ужаса, фыркнул Ролинс.

Боишься молнии? – переспросил мальчишку Джон-Грейди.

Она вдарит в меня, вот как бог свят!

Ролинс кивнул в сторону фляжки, привязанной к луке седла Джона-Грейди.

Больше не давай ему прикладываться. А то у него белая горячка будет.

У нас это в роду, пояснил Блевинс. Моего деда, например, убило в шахте в Западной Виргинии. Он как раз поднимался из забоя в бадье. Молнии так не терпелось его угробить, что она даже не стала ждать, когда он выберется на поверхность, а достала его прямо сквозь дырку на глубине ста восьмидесяти футов. Пришлось заливать бадью водой, чтобы она остыла и можно было вытащить его и еще двоих бедолаг. Они там поджарились как сардельки. А в девятьсот четвертом году молния убила отцовского старшего брата. Попала в буровую вышку в Батсон-Филде. Вышка была деревянной, но молния все равно в нее угодила, а ему не было и девятнадцати. А двоюродного деда с маминой стороны – нет, вы меня поняли? с маминой! – убило, когда он скакал в грозу на лошади. На ней и волоска не опалило, а с него пришлось срезать ремень, потому что на пряжке от жара замок запаялся. А моего двоюродного брата – он старше меня на четыре года – молния подстерегла, когда он шел из конюшни в дом. У него всю левую сторону парализовало, при этом пломбы в зубах расплавились так, что челюсти одна к другой приварились, у него даже рот не открывался.

Вот видишь, сказал Ролинс Джону-Грейди. Он бредит.

Они не могли понять, что стряслось с мальчишкой. Блевинс дергался, бормотал что-то несуразное и показывал на свой рот пальцем.

Здоров он заливать, заметил Ролинс.

Блевинс его не слышал. На лбу у него выступили капли пота.

Еще одному моему двоюродному брату уже по отцовской линии молния спалила волосы на голове. Мелочь прожгла ему карман, монеты провалились в дырки и подожгли траву. И в меня молния попадала, причем уже целых два раза – потому я и оглох вот на это ухо. Нет, мне как пить дать на роду написано помереть от огня. Тут главное, чтобы в грозу на тебе не было никакого металла. Поди угадай, что притянет молнию. Заклепки джинсов, гвозди в сапогах...

Ну и что же ты собираешься делать? – спросил Ролинс.

Блевинс злобно посмотрел на север.

Попробую от грозы ускакать. Иначе мне как!

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди, потом наклонился и сплюнул.

Ну вот, видишь? Никаких сомнений. Он рехнулся. Окончательно и бесповоротно.

От грозы не ускачешь, заметил Джон-Грейди. Ты б лучше успокоился.

Иначе все, кранты! – упрямо повторил Блевинс.

Не успел он договорить, как донесся первый удар грома, еще нестрашный, похожий на треск ломающейся ветки, на которую ненароком наступили. Блевинс снял шляпу, провел рукой по лицу, одной рукой схватил поводья, а затем, оглянувшись, ударил коня по крупу шляпой, и тот пустился вскачь.

Они смотрели ему вслед. Блевинс попытался на ходу надеть шляпу, но она вылетела у него из руки и покатилась по дороге. Подпрыгивая в седле, он отчаянно дергал локтями, и постепенно его комичная фигурка стала уменьшаться и таять в сумерках.

Я за него не отвечаю, сообщил Ролинс.

Он отцепил флягу от седла Джона-Грейди и двинул своего коня вперед.

По дороге он, конечно, свалится, а вот где потом искать его коня, это вопрос, проворчал он и поехал, прикладываясь к фляге и бормоча что-то себе под нос.

А я знаю, где потом искать его коня! – вдруг крикнул он, оборачиваясь к Джону-Грейди.

Джон-Грейди не отставал. Пыль из-под конских копыт уносилась вперед, подхватываемая ветром, который дул им в спины.

У черта на куличках! – продолжал кричать Ролинс. У сатаны на сковородке, вот где!

Они ехали не останавливаясь. В ветре появились первые капли дождя. Ага, вот посреди дороги валяется шляпа Блевинса. Ролинс хотел проехать по ней, но Малыш обогнул помеху. Джон-Грейди вытащил ногу из стремени, нагнулся и, не спешиваясь, подхватил шляпу. Они слышали, как за спинами шумит ливень, словно за ними гонится разъяренная толпа.

Вскоре они увидели коня Блевинса. Гнедой был привязан к одной из росших скопом ив. Под сильным дождем Ролинс развернул Малыша и вопросительно посмотрел на Джона-Грейди. Тот проехал между деревьями и спустился в арройо, выискивая отпечатки ног на суглинке. Вскоре увидел Блевинса. Мальчишка прятался в корнях мертвого тополя, там, где арройо резко поворачивало и выходило на равнину. На мальчишке не было ничего, кроме не по размеру больших грязных трусов.

Что ты тут делаешь? – спросил Джон-Грейди.

Блевинс сидел на корточках, обхватив себя за худые и бледные плечи.

Сижу. А нельзя?

Джон-Грейди бросил взгляд на равнину, туда, где последние светлые прогалы закрывались тучами, и, наклонившись, положил к ногам Блевинса его шляпу.

Где твоя одежда? – спросил он.

Снял.

Это я понял. Но где она?

Оставил вон там. На рубашке есть медные пугови.

Если польет сильный дождь, то по оврагу хлынет поток. Об этом подумал?

В тебя никогда не попадала молния. Ты просто не знаешь, что это такое. Если бы знал, запел бы по-другому.

Утонешь, дурила!

Фигня. Тонуть мне еще не приходилось.

Значит, так и будешь сидеть здесь?

Так и буду.

Джон-Грейди упер руки в бедра:

Ну как знаешь. Больше нам толковать не о чем.

С севера донесся жуткий раскат грома. Казалось, раскололась земля. Блевинс в ужасе обхватил голову руками. Джон-Грейди повернул Редбо и поехал по арройо обратно. Крупные капли бомбили влажный песок, оставляя на нем крошечные кратеры. Он оглянулся на Блевинса. Тот застыл в той же позе, как еще одна нелепая деталь и без того причудливого ландшафта.

Где он? – спросил Ролинс, когда Джон-Грейди к нему подъехал.

Сидит под деревом. Надень дождевик.

Я сразу понял, что у пацана в башке не хватает винтиков, заметил Ролинс. С первого взгляда. У него это на лице написано. Причем крупными буквами.

Дождь лил стенами. Конь Блевинса маячил сквозь пелену ливня, словно привидение. Они съехали с дороги, двинулись по оврагу в сторону деревьев и укрылись под большим, чуть нависающим камнем. Присели на корточки, не выпуская из рук поводьев. Колени у них мокли под дождем. Кони переминались с ноги на ногу, вскидывали головы. Вокруг сверкали молнии, грохотал гром, ветер бушевал в акациях, а с черного неба на равнину низвергались потоки воды. Послышался топот конских копыт, который тут же растворился в шуме дождя.

Ты понял? Ты понял, кто проскакал? – вскинулся Ролинс.

Понял.

Еще выпить хочешь?

Нет. Меня от этой бурды и так уже тошнит.

Меня тоже, признался Ролинс и сделал еще глоток.

Когда стемнело, гроза стихла и дождь почти прекратился, Джон-Грейди и Ролинс расседлали и стреножили лошадей, потом разошлись в разные стороны и, скрывшись в чапарале, принялись блевать. Стояли, широко расставив ноги и упершись ладонями в колени, и их выворачивало наизнанку. Пасшиеся неподалеку кони время от времени настороженно вскидывали головы. Такого им отродясь не приходилось слышать. В серых сумерках эти рыгания словно исходили от диких и странных существ, вдруг в этих местах расплодившихся. Казалось, решило напомнить о себе нечто безобразное и уродливое, гнездящееся в глубинах бытия. Отвратительная гримаса на лице Совершенства... Лик Горгоны, отразившийся в осенней луже.

Утром Джон-Грейди и Ролинс поймали коней, поседлали их и, привязав за седлами мокрые скатки, двинулись к дороге.

Ну, какие предложения? – спросил Ролинс.

Надо все-таки отыскать этого сопляка.

Может, плюнем?

Нет, нельзя оставлять его здесь одного, без коня...

Подумав, Ролинс кивнул:

Наверное, ты прав. Нельзя.

Джон-Грейди поехал по арройо и вскоре увидел Блевинса. Мальчишка был в том же виде, что и вчера. Джон-Грейди осадил Редбо. Блевинс шел по оврагу босиком, держа в руке один сапог. Он поднял голову, молча уставясь на Джона-Грейди.

Где твоя одежда? – спросил тот.

Водой унесло.

И конь сбежал.

Знаю. Я уже ходил на дорогу.

Чё бум делать?

Не знаю.

Зеленый змий зло подшутил над тобой, приятель.

Башка трещит, словно ее толстуха отсидела, признался Блевинс.

Джон-Грейди обвел взглядом пустыню под лучами утреннего солнца, затем посмотрел на мальчишку:

Ты Ролинса уже до ручки довел. Сам, поди, знаешь.

Не знаешь сам, когда возникнет у тебя нужда в отринутых тобою.

Ох, ни фиги себе! Где ты это слышал?

Не знаю. Вспомнилось вдруг, и все...

Джон-Грейди покачал головой, потом развязал седельную сумку, достал из нее чистую рубашку и протянул Блевинсу:

Надень, пока не обгорел. А я поеду посмотрю, нет ли где твоей одежды.

Спасибо большое, сказал Блевинс.

Джон-Грейди немного проехал по арройо, потом повернул назад. Блевинс сидел на песке в рубашке.

Много воды было в овраге?

Много.

Где ты нашел сапог?

На дереве.

Джон-Грейди проехал арройо из конца в конец, потом покатался по равнине, но второй сапог словно сквозь землю провалился. Вернувшись, Джон-Грейди застал Блевинса в прежней позе.

Сгинул твой сапог, сказал Джон-Грейди.

Ясно.

Надо ехать, сказал Джон-Грейди, подхватил Блевинса и усадил позади себя. Представляю, какой скандал закатит Ролинс, когда узреет тебя в таком виде.

Но Ролинс, увидев Блевинса, вообще лишился дара речи.

Он потерял одежду, пояснил Джон-Грейди.

Ролинс молча повернул Малыша и поехал вперед. Джон-Грейди с Блевинсом двинулись следом. Вскоре Джон-Грейди услышал, как сзади что-то шмякнулось о землю. Обернувшись, он увидел, что это сапог Блевинса. Он покосился на мальчишку, но тот молча смотрел вперед из-под своей огромной шляпы. Кони вышагивали среди теней, падавших на дорогу. От папоротников поднимался пар. Время от времени попадались заросли кактусов чолья, на иголках которых вчерашний ураган распял птиц – серые неведомые пернатые замерли навсегда, словно застигнутые в полете. Некоторые висели, безвольно уронив крылья. Кое-кто, впрочем, был еще жив. Завидев проезжающих, птицы с трудом поворачивали головы, судорожно дергались и хрипло кричали, но кони не останавливались. В солнечном освещении ландшафт сказочно преобразился: зеленым огнем полыхали акации и паломы, изумрудно светилась придорожная трава, бушевала зелень сосняков. Казалось, дождь зарядил электричеством невидимые батареи, которые заработали теперь на полную мощность.

К полудню три всадника на двух лошадях подъехали к лагерю у подножия столовой горы, что тянулась с востока на запад. Там журчал прозрачный ручей, рядом с которым мексиканцы выкопали яму для очага, обложили ее камнями и установили котел. Он представлял собой нижнюю часть оцинкованной цистерны. Чтобы доставить его сюда из города Сарагоса, сквозь дно котла проделали ось, сделанную из деревянной оглобли, в открытом конце раскрепили ось крестьиной и катили его, прицепив к лошадям, восемьдесят миль, как колесо или каток. Широкая полоса примятого чапарала, выходящая по пустыне, все еще напоминала о том, как именно сюда доставили это полезное приспособление, которое над костром пришлось устанавливать сикось-накось. На подходе к лагерю трое американцев встретили несколько осликов, навьюченных канделией, из которой в этих местах вываривают воск. Спустившись со столовой горы, хозяева оставили нагруженных поклажей животных пасти, а сами расположились подкрепиться. Сейчас под ивами сидело с десятков мексиканцев в жутких лохмотьях, отдаленно напоминающих пижамы. Они ели оловянными ложками из глиняных мисок. Увидев новоприбывших, подняли головы, но есть не перестали. Джон-Грейди поздоровался, и ему ответил

глухой хор голосов. Он слез с коня, мексиканцы посмотрели на него, потом переглянулись и снова продолжили обед.

*¿Tienen algo que comer?*³²

Двое мексиканцев ложками показали на котел над огнем. Когда с лошади сполз Блевинс, они снова переглянулись.

Ролинс и Джон-Грейди извлекли из седельных сумок свои тарелки и ложки, потом Джон-Грейди вынул из почерневшего мешочка еще одну эмалированную миску и дал Блевинсу вместе с вилкой на деревянном черенке. Они подошли к очагу и наполнили тарелки фасолью с мясом, а кроме того, с железного листа над огнем взяли по паре обгорелых тортилий. Обедать устроились под ивами чуть поодаль от мексиканцев. Блевинс сел, вытянув ноги перед собой. Ноги выглядели такими бледными, что он застеснялся, подогнул их под себя и прикрыл колени краем одолженной Джоном-Грейди рубашки. Они ели, а мексиканцы, успев уже закончить обед, курили и тихо рыгали.

Ты не спросишь у них насчет моего коня? – обратился Блевинс к Джону-Грейди.

Какое-то время тот жевал с задумчивым видом.

Если конь у них, то они сразу поняли, что он наш, сказал он.

Думаешь, они его украли?

Не видать тебе гнедого как своих ушей, злобно сказал Ролинс. Вот приедем в первый же городишко, так ты уж постарайся обменять свой кольт на какую ни то одежду и на автобусный билет домой, где там у тебя дом. Если, конечно, тут ходят автобусы. Может, этот твой приятель и готов таскать тебя по всей Мексике у себя за спиной, но лично с меня хватит.

У меня нет колта. Он был в седельной сумке, сообщил Блевинс.

Ролинс коротко выругался.

Какое-то время Блевинс ел молча. Потом поднял голову.

Что я тебе такого сделал? – спросил он.

Ровным счетом ничего. И главное, ничего не сделаешь. Я уж прослежу за этим.

Оставь его в покое. Ничего не случится, если мы попробуем помочь парню вернуть коня, сказал Джон-Грейди.

Я просто сообщаю ему факты.

Он их без тебя знает.

По тому, как он себя ведет, в это поверить трудно.

Джон-Грейди подобрал остатки соуса кусочком тортильи, доел и его, а потом, поставив тарелку на землю, начал свертывать самокрутку.

Никак не могу наесться. Что, по-твоему, они скажут, если мы возьмем себе добавки? – сказал Ролинс.

По-моему, возражать не станут, сказал Блевинс. Валяй накладывай.

Тебя не спрашивали, оборвал его Ролинс.

Джон-Грейди полез было в карман за спичками, потом передумал и, подойдя к мексиканцам, попросил огонька. Двое вытащили самодельные зажигалки, один выбил огонь. Наклонившись, Джон-Грейди прикурил, кивнул. Он поинтересовался насчет котла, спросил про канделилью, которой были навьючены мулы. Мексиканцы стали рассказывать, как из нее делают воск, а один сходил к мулам и принес маленькую серую плитку, похожую на хозяйственное мыло. Джон-Грейди поскреб ее ногтем, понюхал, посмотрел на свет.

*¿Qué vale?*³³

В ответ лишь пожали плечами.

---

³² У вас не найдется чего-нибудь поесть? (исп.)

³³ Сколько такая стоит? (исп.)

*Es mucho trabajo*³⁴, сказал Джон-Грейди.

Худой мексиканец в украшенной спереди вышивкой замызганной кожаной безрукавке, сужив глаза, пристально смотрел на Джона-Грейди. Дождавшись, когда Джон-Грейди вернул образчик, он кивнул Джону-Грейди и присвистнул.

Джон-Грейди обернулся.

*¿Es su hermano, el rubio?*³⁵

Джон-Грейди понял, что он имеет в виду Блевинса, и покачал головой.

No, сказал он.

*¿Quién es?*³⁶

Мексиканец бросил взгляд на Блевинса. Тот, стоя на краю поляны, натирал обожженные солнцем ноги салом, кусок которого выдал ему мексиканский повар.

*Un muchacho, no más*³⁷, сказал он.

*¿Algún parentesco?*³⁸

No.

*Un amigo*³⁹.

Джон-Грейди затянулся сигаркой, потом стряхнул пепел о каблук и сказал:

*Nada*⁴⁰.

Наступило молчание. Худой смотрел на Джона-Грейди, а тот, в свою очередь, на Блевинса. Затем худой спросил его, не хочет ли он продать мальчишку.

Джон-Грейди ответил не сразу, и худой, возможно, решил, что парень просто думает, сколько запросить. Все мексиканцы ждали, что он скажет. Джон-Грейди посмотрел на них и произнес одно слово:

No.

*¿Qué vale?*⁴¹ – спросил худой.

Джон-Грейди потушил сигарету о подошву и встал.

*Gracias por su hospitalidad*⁴², сказал он.

Худой предложил заплатить за мальчишку воском. Остальные повернулись, посмотрели на него, затем перевели взгляды на Джона-Грейди.

Джон-Грейди, в свою очередь, смотрел на мексиканцев. Они не выглядели разбойниками с большой дороги, но это не очень-то успокаивало. Он молча повернулся и зашагал через поляну к лошадям. Ролинс и Блевинс поднялись ему навстречу.

Что они сказали? – спросил Блевинс.

Ничего.

Ты не спросил их насчет моего коня?

Нет.

Почему?

Потому что его у них нет.

А что говорил тебе тот тип?

Ничего. Собирай тарелки и поехали.

Ролинс посмотрел на мексиканцев. Потом подобрал волочившиеся поводья и сел в седло.

---

³⁴ Работа-то большая! (исп.)

³⁵ А тот блондин – он что, твой брат? (исп.)

³⁶ А кто он? (исп.)

³⁷ Да так, просто мальчишка (исп.).

³⁸ Вы родственники? (исп.)

³⁹ Значит, приятель (исп.).

⁴⁰ Да нет (исп.).

⁴¹ Сколько хочешь? (исп.)

⁴² Спасибо за гостеприимство (исп.).

Что случилось, парень? – спросил он Джона-Грейди.

Тот тоже сел в седло, посмотрел на мексиканцев, потом на Блевинса, стоявшего с тарелками в руках.

Чего он на меня таращится? – спросил мальчишка Ролинса.

Убирай тарелки и садись.

Но их надо помыть.

Делай, что тебе говорят.

Двое или трое мексиканцев поднялись на ноги. Блевинс сунул тарелки в сумку, а Джон-Грейди помог ему вскарабкаться на Редбо.

Они выехали на дорогу и снова двинулись на юг. Ролинс оглянулся на лагерь и пустил Малыша рысью, Джон-Грейди поравнялся с ним, и они поехали рядом по узкой дороге с глубокими колеями от телег. Ехали молча. Когда отъехали от лагеря на милю, Блевинс поинтересовался, чего хотел человек в безрукавке, но Джон-Грейди не ответил. Тогда Блевинс снова задал свой вопрос, и Ролинс с интересом посмотрел на мальчишку.

Он хотел купить тебя, чучело, сказал он.

Джон-Грейди к Блевинсу не обернулся и ничего не сказал. Они долго ехали в молчании. Затем Джон-Грейди обратился к Ролинсу:

Зачем ты ему это брякнул? Кто тебя тянул за язык?

На ночлег они устроились в горах Сьерра-де-ла-Энкантада, развели костер и молча сели у огня. В отблесках пламени резко выделялись бледные и худые ноги Блевинса. К смазанной салом коже прилипли дорожная пыль и травинки. В больших и грязных трусах Блевинс сильно смахивал на мальчишку-батрака, которого хозяева держат в черном теле. Джон-Грейди вытащил из своей скатки нижнее одеяло и протянул Блевинсу. Тот завернулся в него, прилег у костра и вскоре уснул. Ролинс кисло на него покосился, качнул головой и сплюнул.

На этого паршивца смотреть тошно. Помнишь, я это тебе еще тогда говорил!

Помню.

Ролинс уставился в алое сердце костра.

А знаешь, что я тебе скажу теперь?

Ну?

Не иначе, как быть беде.

Джон-Грейди сидел, обхватив руками поднятые к подбородку колени, и курил, погрузившись в размышления.

Просто наказание какое-то, вздохнул Ролинс.

На следующий день они въехали в городок Энкантада, расположившийся в котловине в окружении невысоких гор. Первое, что бросилось им в глаза, был кольт Блевинса. Он торчал из заднего кармана брюк мексиканца, согнувшегося над открытым капотом «доджа». Первым увидел кольт Джон-Грейди и не пришел в восторг.

Моя пушка! – воскликнул Блевинс.

Джон-Грейди резко обернулся и ухватил мальчика за рубашку. Сделал он это вовремя, потому как тот уже собирался спрыгнуть с коня.

Сиди и не рыпайся, дурья башка.

Еще чего! Колт, между прочим, мой!

Серьезно? Ну и что же ты собираешься делать?

К ним подъехал Ролинс.

Не останавливаться, глядя на кольт, сказал он Джону-Грейди.

Из дверей ближайшего домика на них уже глазели дети. Блевинс то и дело озирался через плечо.

Если гневой здесь, заметил Ролинс, то не надо обращаться к Дику Трейси, чтобы понять, кто его нынешний хозяин.

Что будем делать?

Не знаю. Но для начала надо убраться с этой чертовой улицы, если уже не поздно. Да и красавца нашего хорошо бы спрятать в укромном месте, пока мы разберемся, что к чему.

Тебя это устраивает? – обратился Джон-Грейди к Блевинсу.

Мне плевать, устраивает это его или нет, сказал Ролинс. Пусть помалкивает, если хочет, чтобы мы тратили на него время.

Ролинс поехал вперед, и вскоре они свернули в глинистый овраг, исполнявший обязанности улицы.

Да хватит тебе оглядываться! – сказал Блевинсу Джон-Грейди.

Они подъехали к тополям, дали Блевинсу фляжку с водой, велели ждать их тут, а сами отправились обратно на разведку. Они ехали шагом по очередной глинистой улице с глубокими колеями от телег, как вдруг увидели в незастекленном окне заброшенной хибары конскую морду.

Не останавливаться, прошипел Ролинс.

Джон-Грейди кивнул.

Когда они вернулись к тополям, Блевинса и след простыл. Ролинс окинул взглядом пустынные и пыльные окрестности и потянулся за табаком.

Знаешь, что я тебе скажу, братан?

Ну?

За всю свою жизнь я один раз по-настоящему дал маху. Согласился на этот вот идиотизм. Раньше такого со мной не случалось. Раньше я всегда имел возможность выбирать. Ты меня понимаешь?

Вроде как понимаю... Ты что предлагаешь-то?

Ничего особенного. Только учти: у нас с тобой остался последний шанс. Сейчас или никогда. Другого такого шанса уже не будет, помани мое слово, приятель...

По-твоему, надо бросить его?

Так точно. К чертям собачьим!

А если бы на его месте оказался ты?

Но я-то на своем месте.

Но если все-таки ты попал бы в его положение, что тогда?

Ролинс сунул в рот самокрутку, переместил ее языком в угол, взял спичку и зажег ее о ноготь. Потом посмотрел на Джона-Грейди:

Я бы не бросил тебя, а ты меня. На этот счет можно не сомневаться.

Ты понимаешь, в какой он угодил переплет?

Понимаю. Но угодил-то по собственной дурости!

Ролинс курил. Джон-Грейди сидел, сложив руки перед собой на седельном рожке, и смотрел на них. Потом поднял голову.

Я не могу, сказал он.

О'кей.

В каком смысле?

В самом прямом. О'кей значит о'кей. Я знал, что ты это скажешь. Не можешь так не можешь. На нет и суда нет.

Они спешили, привязали коней, а сами улеглись на сухие листья под топодем и вскоре заснули. Когда проснулись, начинало темнеть. Мальчишка сидел на корточках чуть поодаль и смотрел на них.

Скажите спасибо, что я не жулик, произнес он, а то запросто мог бы обобрать вас до нитки и ускакать. Ищи ветра в поле...

Ролинс повернулся, посмотрел на него из-под шляпы и снова отвернулся. Джон-Грейди сел.

Ну, что-нибудь узнали? – спросил Блевинс.

Твой гнедой здесь.

Вы его видели?

Да.

А седло?

Седла, извини, не видели.

Пока не получу все обратно, дальше не поеду, отрезал Блевинс.

Нет, вы только его послушайте! Крутой парень, фыркнул Ролинс.

Что он хочет этим сказать? – спросил Блевинс Джона-Грейди.

Не бери в голову.

Если бы это его вещи пропали, небось по-другому бы запел. Не уgomонился бы, пока не вернул обратно.

Не гони волну.

Слушай, ты, жопа. Если бы не этот человек, меня бы здесь не было. Я оставил бы тебя в том овраге. Нет, виноват. Я оставил бы тебя еще там, у реки Пекос, понял?

Мы попробуем вернуть твоего коня, сказал Джон-Грейди. Если это тебя не устраивает, так и скажи.

Блевинс устался в землю.

Ему плевать, сказал Ролинс, и это ясно как божий день. Ему плевать, если нас пристрелят за конокрадство. Он этого, наверное, и добивается.

Это не конокрадство. Конь мой, сказал Блевинс.

Серьезно? Ты бы им сразу так и сказал. Тот, у кого твой конь сейчас, все поймет.

Ладно тебе, пробормотал Блевинс.

Джон-Грейди окинул его взглядом:

Мы вернем тебе коня, если ты сразу на нем отсюда уедешь.

Ладно.

Даешь слово?

Его слово большая ценность, подал голос Ролинс.

Джон-Грейди посмотрел на Ролинса. Тот лежал, накрыв лицо шляпой. Тогда он снова повернулся к Блевинсу:

Договорились?

Джон-Грейди встал, взял скатку и, подойдя к Блевинсу, протянул ему одеяло.

Ложимся спать? – спросил мальчишка.

Лично я ложусь.

Вы поели?

А то как же. Съели по хорошему бифштексу, а потом поделили и твой, сказал Ролинс.

Ну вас, буркнул Блевинс.

Когда они проснулись, луна уже зашла. Посидели в темноте, покурили. Джон-Грейди смотрел на звезды.

Который час, парень? – спросил его Ролинс.

В наших местах луна в первой четверти заходит в полночь.

Черт. Пожалуй, лягу-ка я снова в кровать, сказал Ролинс, затягиваясь самокруткой.

Валяй. Я тебя разбужу.

Годится.

Блевинс тоже лег спать. Но прежде чем заснуть, он долго сидел и смотрел на небесный свиток, развернувшийся от черной ограды гор на востоке. Городок был погружен во мрак. Стояла тишина. Ни одна собака не пожелала залаять и заявить о себе. Блевинс посмотрел на

Ролинса, завернувшегося в одеяло, вспомнил его слова и подумал, что он, конечно же, прав и возразить ему нечего. Ночь тянулась и тянулась, и ковш Большой Медведицы медленно наклонялся.

Джон-Грейди разбудил их за час до рассвета.

Они поседлали коней, и Джон-Грейди дал Блевинсу веревку.

Недоуздок вывязать можешь?

Запросто!

Только спрячь под рубашку. Чтобы никто не видел, сказал Ролинс.

А кто в это время может увидеть?

Мало ли кто! Вон там я огонек заметил.

Поехали, сказал Джон-Грейди.

В проулке, где они обнаружили коня Блевинса, никаких фонарей не было и в помине. Они ехали медленно. Какая-то собака, ночевавшая на обочине, вдруг проснулась и разразилась лаем. Ролинс сделал вид, что сейчас чем-то бросит в нее, и она убралась от греха подальше. Возле нужного дома Джон-Грейди спешился, подошел к окну, заглянул, потом вернулся.

Не видать, сказал он.

На улочке стояла мертвая тишина. Ролинс наклонился, сплюнул и выругался.

Вы уверены, что это здесь? – спросил Блевинс.

Здесь, здесь...

Мальчишка соскользнул с лошади и, осторожно переставляя босые ноги, подошел к дому, глянул в окно. Потом забрался внутрь.

Что он творит? – спросил Ролинс.

Я почему знаю?

Они замерли в ожидании. Мальчишка как сквозь землю провалился.

Кто-то идет, прошептал Ролинс.

Залаяли собаки. Джон-Грейди прыгнул в седло, развернул Редбо, тихо поехал по дороге и остановил коня в темном месте. К нему присоединился Ролинс. По всему городку началась яростная собачья переключка. В одном доме вспыхнул свет.

Ну, пошла потеха, усмехнулся Ролинс.

Джон-Грейди покосился на него. Ролинс сидел, держа в руке мелкашку стволом вверх, уперев приклад в колено. Из-за домов, перекрывая собачий лай, раздался чей-то окрик.

Ты представляешь, что эти сволочи с нами сделают, а? Ты об этом подумал? – зашептал Ролинс.

Джон-Грейди наклонился к шее Редбо и стал что-то шептать, глядя его по холке. Редбо заметно нервничал, хотя, вообще-то, был не робкого десятка. Джон-Грейди повернул голову туда, где вспыхнул свет. Из темноты донеслось конское ржание.

Чертов псих! кретин! – себе под нос бормотал Ролинс.

И тут поднялся настоящий бедлам. Ролинс развернул Малыша, который вдруг встал на дыбы, так что Ролинсу пришлось огреть его по крупу карабином, отчего тот присел на задние копыта. И тут с треском и грохотом, обвалив ветхий забор, на дорогу выскочил гнедой, на котором сидел Блевинс в своих грязных трусах. За ними неслась свора собак.

Эта кавалькада промчалась мимо Ролинса. Одной рукой Блевинс вцепился в гриву гнедого, а другой придерживал шляпу. Собачья стая запрудила дорогу. Конь Ролинса встал на дыбы, изогнулся, замотал головой, а гнедой жеребец Блевинса сделал на крошечном пятачке полный круг и остановился. Из темноты с равными промежутками донеслось три пистолетных выстрела – пах! пах! пах! Джон-Грейди ударил каблуками по бокам своего жеребца, пригнулся в седле и пустился вскачь по дороге. Ролинс за ним. Их обоих вскоре обогнал Блевинс. Его бледные колени судорожно сжимали бока гнедого, а хвост рубашки развевался на скаку. Не успели доскакать до поворота, как вслед им раздалось еще три выстрела. Приятель выскочили

на главную улицу и помчались в южном направлении. В домах стали загораться огни. Проскакав через городок отчаянным галопом, они вскоре оказались среди холмов. На востоке начало светлеть. Когда между ними и городком расстояние выросло до мили, нагнали Блевинса. Развернув гнедого поперек дороги, он смотрел на них – и следил за дорогой.

Стойте. Надо послушать, сказал он.

Они пытались успокоить разгоряченных коней.

Сукин ты сын, сказал Ролинс.

Блевинс ничего не ответил. Он слез с гнедого и лег на дорогу, приложив ухо к земле. Потом встал и начал забираться на коня.

Ребята, за нами погоня, сообщил он.

На лошадях?

Да. Имейте в виду, вам за мной не угнаться. А нужен им только я. Поэтому я поскачу по дороге. А они понесутся за тучей пыли. Мой вам совет – тихо отъехать в сторонку, а потом встретимся дальше по дороге.

Не успели они возразить или согласиться, как Блевинс повернул гнедого и взял с места в карьер.

Он прав. Давай-ка съедем с этой чертовой дороги, сказал Джон-Грейди.

Ладно.

Они продвигались через кустарник, стараясь не выезжать на возвышенности. Ехали, низко пригнувшись к шеям лошадей, чтобы не маячить на фоне неба.

Кончится тем, что лошадей покусает змея, проворчал Ролинс.

Скоро рассветет.

И тогда нас просто пристрелят.

Вскоре они услышали, как по дороге пронеслись лошади. Затем еще. Потом наступила тишина.

Надо где-нибудь спрятаться. А то скоро и впрямь рассветет, сказал Ролинс.

Угу.

А вдруг на обратном пути они заметят, где мы съехали с дороги?

Если их там проехало много, то вряд ли.

А если они сцапают паршивца, что тогда?

Джон-Грейди промолчал.

Он запросто расскажет им, куда мы с тобой подались.

Не думаю.

Расскажет как миленький. Они только пальчиком ему погрозят, и он выложит все подчистую.

Тогда лучше двигать дальше.

Не знаю, как ты, но я, похоже, скоро останусь без коня. Малышу надо дать передышку.

Тогда что ты собираешься делать?

...твою мать! У нас нет выбора. Ладно, погодим до рассвета... Может, в этих краях отыщется, чем покормить коней.

Может быть.

Они убавили шаг, подъехали к гребню холма. Серый ландшафт вокруг и внизу словно застыл. Спешились, двинулись по гребню. В чапарале начали попискивать птички.

Ты не помнишь, когда мы в последний раз ели? – вдруг спохватился Ролинс.

О еде я как-то даже и забыл.

Я и сам только сейчас вспомнил. Когда в тебя стреляют, аппетит пропадает начисто.

Погоди.

Что такое?

Погоди, говорят тебе!

Они застыли, вслушиваясь в тишину.

Ничего не слышу.

Кто-то едет верхом.

По дороге?

Точно не могу сказать.

Ты что-нибудь видишь?

Нет.

Тогда давай пошевеливаться.

Джон-Грейди сплюнул, прислушался еще раз. Потом они поехали дальше.

К полудню добрались до песчаной балки, где оставили коней, а сами поднялись на холм и, усевшись среди кустов окотильо, стали смотреть на северо-восток. На противоположном холме паслись олени, но больше никого не было.

Дорогу отсюда видишь? – спросил Ролинс Джона-Грейди.

Нет.

Они еще немного посидели в молчании, потом Ролинс прислонил мелкашку к колену и достал табак.

Пожалуй, покурю, сказал он.

На востоке обозначилась широкая светлая полоса, и вскоре из-за горизонта стал вылезать багровый край солнца.

Погляди вон туда, сказал Джон-Грейди.

Что-что?

Погляди вон туда.

Примерно в двух милях от них на вершине холма показались всадники. Один, второй, третий... Затем снова исчезли.

И куда же, по-твоему, они направляются?

Не уверен на все сто, но у меня есть одно неприятное предчувствие, приятель, сказал Джон-Грейди.

Похоже, в этой чертовой стране нам суждено сложить головы, в тон ему отозвался Ролинс, вертя в пальцах самокрутку.

Еще чего.

Думаешь, они в этой глуши смогут нас выследить?

Не знаю. Может, да, а может, нет.

Вот что я скажу тебе, приятель. Если даже они нас и выследят, им все равно придется переступить через ствол вот этой винтовки.

Джон-Грейди посмотрел на Ролинса, потом на вершину холма, где совсем недавно мелькнули всадники.

Очень не хотелось бы прорываться назад в Техас с боем, сказал он.

Где твоя пушка?

В седельной сумке.

Если я когда-нибудь еще увижу этого крысенка, я собственноручно сверну ему шею, казал Ролинс, закуривая сигарету. Чтоб мне провалиться, если я этого не сделаю.

Ладно, пора в путь-дорогу, сказал Джон-Грейди. Им еще до нас ехать и ехать. И вообще, лучше удирать, чем топтаться на месте.

Они поехали на запад. Солнце светило им в спины, и впереди мельтешили тени – лошадей и их собственные – длиннющие, словно деревья. Когда-то тут действовали вулканы, и теперь Ролинс и Джон-Грейди ехали краем холмистой долины, усыпанной обломками черной лавы. Ехали и то и дело оглядывались. Потом они еще раз увидели всадников – гораздо южнее той точки, где ожидали. Потом увидели их в третий раз.

Если бы их лошади не выбились из сил, они были бы вона где, заметил Ролинс.

Что ж, верно.

К полудню они оказались на гребне невысокого вулканического хребта. Там развернули лошадей и застыли в ожидании.

Что скажешь, приятель? – нарушил молчание Ролинс.

Ну, во-первых, они знают, что гнедой не у нас. Это сто процентов. Поэтому им незачем особенно стараться.

Наверное, ты прав.

Они долго всматривались в даль. Но никаких признаков движения так и не заметили.

Похоже, на нас плюнули, сказал Ролинс.

Мне тоже так кажется.

Тогда вперед!

Ближе к вечеру кони начали спотыкаться. Джон-Грейди и Ролинс напоили их из шляпы, опорожнив в нее одну фляжку, а другую осушили сами. Потом продолжили путь. Те трое всадников больше не появлялись. Под вечер увидели лагерь пастухов-вакерос на другой стороне глубокого арройо, дно которого было устлано округлыми белыми камнями. Пастухи, похоже, выбрали такое место для стоянки из соображений безопасности, – в случае чего здесь можно было держать оборону, как поступали их предки в далекие и воинственные времена. Пастухи внимательно следили за двумя всадниками, двигавшимися по другой стороне арройо.

Что скажешь? – подал голос Джон-Грейди.

Давай-ка двигай. Что-то мне не нравятся обитатели этих краев. Надо убираться от греха подальше.

Согласен.

Проехав еще с милю, они спустились на дно арройо в поисках воды. Воды не оказалось. Они спешили и, спотыкаясь, с конями в поводу потащились дальше в сгущавшихся сумерках. Ролинс, по-прежнему держа в руке свою мелкашку, вглядывался в путанные следы птиц и диких свиней на песке.

Когда совсем стемнело, коней привязали, а сами расположились на одеялах и сидели в темноте молча, не разжигая костра.

Надо было у тех пастухов водой разжиться, сказал Ролинс.

Утром сами найдем.

Скорее бы утро...

Джон-Грейди промолчал.

Черт. Малыш будет метаться и ржать всю ночь. Я-то его знаю...

Они небось думают, что мы спятели.

А не так, что ли?

Думаешь, его сцапали?

Не знаю.

Я буду спать.

Они лежали, завернувшись в одеяла. Невдалеке беспокойно топтались Малыш и Редбо.

Одного все-таки у него не отнять, сказал вдруг Ролинс.

Ты о ком?

О Блевинсе.

Так чего не отнять-то?

Этот соплик не смирился с тем, что у него увели коня.

Утром они оставили лошадей в арройо, а сами залезли на самый верх, чтобы в лучах восходящего солнца понять, что представляют собой окрестности. Ночью в низине было холодно, и теперь, когда взошло солнце, они повернулись к нему спинами, чтобы скорее согреться. На севере в застывшем воздухе повисла тонкая струйка дыма.

Думаешь, это те пастухи? – спросил Ролинс.

Дай-то бог.

Ты не хочешь съездить к ним и попросить воды и жрачки?

Нет.

Мне тоже что-то неохота...

Они продолжили наблюдение, потом Ролинс поднялся и, захватив мелкашку, куда-то ушел. Вскоре он вернулся и высыпал из шляпы на плоский камень плоды нопала, а потом сел и начал очищать их ножом.

Угощайся, сказал он.

Джон-Грейди подошел, присел на корточки, вынул свой нож и тоже стал счищать кожуру с плодов, которые были холодными с ночи и окрашивали пальцы в кровавый цвет. Они сидели, ели нопалы, выплевывали маленькие твердые семечки и то и дело извлекали из пальцев колючки. Ролинс обвел рукой окрестности:

Нельзя сказать, что здесь жизнь кипит, верно?

Джон-Грейди кивнул:

Самое неприятное, что мы можем натолкнуться на этих ребят и даже не поймем, что влипли. Мы даже толком не заметили, какие у них лошади.

У них та же проблема. В лицо они нас не знают, отозвался Ролинс и сплюнул.

Не бойся, увидят – сразу узнают.

Тоже верно.

Но, конечно, наши трудности – пустяк по сравнению с тем, во что вляпался Блевинс. Ему впору выкрасить лошадь в красный цвет и разъезжать на ней, дуя в трубу.

Святая правда, сказал Ролинс, вытирая лезвие ножа о штанину.

Самое удивительное – это то, что паршивец не врет. Конь действительно его.

Не знаю, не знаю. Кому-то он и до него принадлежал, скажешь нет?

Во всяком случае, не этим мексиканцам.

Конечно. Только хрен он кому что докажет.

Ролинс сунул нож в карман и стал оглядывать шляпу – не застряли ли в ней колючки, потом заговорил:

Красивая лошадь все равно что красивая женщина.хлопот больше, чем удовольствия. А нормальному мужику нужна такая, чтобы от нее толк был. Чтобы работу свою знала.

Это ты где такое почерпнул?

Не помню.

Джон-Грейди сложил нож, потом сказал:

Однако просторы тут – будь здоров!

Это точно. Места хватает.

И ведь бог знает, куда исчез пацан-то.

Исчез-то исчез. Только я щас скажу тебе то, что в свое время услышал от тебя.

Ну?

Мы об его костлявую жопу еще спотыкнемся.

Весь день они ехали на юг по широкой равнине. Только к полудню нашли наконец воду – жалкие илистые остатки на дне большого саманного корыта. Вечером, оказавшись на седловине невысокого хребта, спугнули из зарослей можжевельника почти безрогого теленка белохвостого оленя. Ролинс выхватил из седельной кобуры мелкашку, вскинул к плечу, взвел курок и выстрелил. Стеля, он отпустил поводья, и его конь встал на дыбы, потом отскочил в сторону и остановился, мелко дрожа. Ролинс спешил и пошел туда, где видел оленя. Тот лежал в луже крови. Пуля вошла в основание черепа, и глаза животного остекленели. Ролинс выбросил стреляную гильзу, вставил новый патрон, опустил большим пальцем курок и посмотрел на Джона-Грейди, который подъехал, ведя под уздцы коня Ролинса.

Выстрел что надо, сказал Джон-Грейди.

Просто повезло. Я даже толком не целился.

Все равно здорово.

Поддай-ка нож. Ну, если мы теперь не наедемся оленины, считай меня китайцем.

Они быстро освежевали тушу и повесили на можжевельновый куст, чтобы чуть охладилась, а сами пошли за дровами. Развели костер, нарубили жердей и рогатин, потом нарезали мясо полосами и развесили на жердях подкоптить. Когда костер стал догорать, Ролинс насадил куски филея на две сырые палочки и пристроил их на камнях над угольями. Друзья сидели смотрели, как жарится и коптится мясо, и вдыхали дым от жира, который с шипением капал на угли.

Джон-Грейди встал, расседлал и стреножил лошадей, отпустил пастись, а сам вернулся к костру с одеялом и седлом.

Вот, смотри, что я принес, сказал он.

Что? – удивился Ролинс.

Это соль!

Вот если бы еще и хлебушка!

И кукурузы, и картошечки, и яблочного пирога!

Ладно, завязывай.

Ну что, мясо-то готово уже?

Сядь и замри. А то, если над ним стоять, оно никогда не зажарится.

Они съели по хорошему куску филея, потом перевернули жерди с полосами оленины, свернули по самокрутке и улеглись у костра. Ролинс заговорил первым:

Однажды мексиканские пастухи, что работали у Блера, зарезали годовалую телку. Они настругали мясо так тонко, что через него все было видно. Эти простыни они развесили вокруг костра – издали казалось, что сушится белье после стирки. Особенно если смотреть в темноте. Ребята всю ночь подкладывали в костер дрова и переворачивали мясо. Странная была картинка – красные занавески, а за ними шевелятся фигуры. Проснешься ночью и смотришь на эти кровавые штормы.

Это мясо будет пахнуть кедром, сказал Джон-Грейди.

Знаю.

В горах на юге завели свою песнь койоты. Ролинс потянулся к костру, сбросил туда пепел от сигареты, снова лег на спину.

Ты когда-нибудь думал о смерти? – спросил он.

Случалось. А ты?

И мне случалось. Как ты считаешь, существует рай?

Не знаю. Может, и существует... Но разве можно верить в рай, если не веришь в ад?

По-моему, можно верить во что угодно.

Ролинс кивнул и продолжил:

Как подумаешь, что с тобой может случиться в этом мире... Голова кругом идет.

Хочешь сказать, мы зря не веруем?

Нет... Но иногда я думаю, может, все-таки верить-то лучше, чем не верить.

Ты, часом, не собираешься меня бросить?

Я же сказал, что нет.

Джон-Грейди кивнул.

Слушай, а на олени кишки не прибежит пума?

Запросто.

Ты когда-нибудь видел пуму?

Нет. А ты?

Только мертвую, которую убил Джулиус Рамсей, когда охотился с собаками на Грейп-Крике. Говорит, залез на дерево и палкой спихнул ее вниз, чтобы ее собаки задрали...

Думаешь, он говорил правду?

Похоже, да. Хотя иной раз он и заливает...

Этот может, кивнул Джон-Грейди.

Снова завyli койоты, потом перестали и, немного помолчав, взялись выть с новой силой.

Думаешь, Бог приглядывает за людьми? – спросил Ролинс.

Похоже... А ты как считаешь?

Я тоже так думаю. Судя то тому, как в этом мире заведено... Кто-то чихнет в каком-нибудь Арканзасе, и оглянуться не успеешь, как повсюду пойдет резня. И вообще приключится черт-те что. Так что Всевышнему просто приходится за нами за всеми присматривать, иначе все давно уж полетело бы в тартарары.

Джон-Грейди кивнул.

Неужели эти сволочи его сцапали?

Ты про Блевинса?

Ну.

Не знаю. Но ты ведь, вроде как, мечтал от него избавиться?

Я не хочу, чтобы с ним беда приключилась.

Я тоже.

Думаешь, его и правда зовут Джимми Блевинс?

Кто его разберет.

Ночью их разбудили койоты. Джон-Грейди и Ролинс лежали и слушали, как те собрались у оленьих потрохов и дрались с дикими воплями, словно кошки.

Нет, ты только послушай, что они устроили, сказал Ролинс.

Он встал, добыл из костра головню и, гикнув, запустил ею в койотов. Те притихли. Ролинс подбросил хвороста в костер, перевернул мясо на жердях. Когда он лег и завернулся в одеяло, койоты принялись за старое.

Ехали на запад по гористой местности. Время от времени отрезали полоски копченой оленины, отправляли в рот, начинали жевать. Вскоре их пальцы почернели и засалились, и они то и дело вытирали их о конские гривы. Передавали друг другу фляжку с водой и отпускали одобрительные замечания насчет окрестностей. На юге гремела гроза, и небо там почернело от туч, которые медленно тащились, волоча за собой темные полосы дождя. Заночевали в горах, на каменистом выступе над долиной. По всему южному горизонту полыхали молнии, высвечивая на фоне черноты контуры далеких гор. Утром спустились на равнину. В низинах стояла вода. Напоили лошадей и сами напились воды, скопившейся в каменных кулуарах. Потом снова стали подниматься в горы, чувствуя, как постепенно их обволакивает прохлада. К вечеру, оказавшись на перевале, они наконец увидели ту самую сказочную страну, о которой рассказывал тогда мексиканец. В фиолетовой дымке виднелись роскошные пастбища. В багровом зареве под облаками к северу тянулся косяк гусей или уток, словно стая рыб в огненном море. Впереди, на равнине, в золотом ореоле пыли пастухи-вакерос гнали большое стадо коров.

Ночлег устроили на южном склоне, расстелили одеяла на земле под большим нависшим выступом скалы. Ролинс достал веревку, вскочил на Малыша, и они исчезли, а вскоре вернулись с целым сухим деревом. Они развели огромный костер, чтобы как следует согреться. В безбрежной тьме, окутавшей равнину, словно отражение их собственного костра, мерцал огонек костра вакерос, до лагеря которых было миль пять. Ночью пошел дождь, и от его капель костер сердито шипел, а лошади выходили из тьмы и стояли, моргая красными глазами. Утро выдалось серым, холодным, и солнце долго не появлялось.

К полудню Джон-Грейди и Ролинс спустились с горы и оказались на равнине. Ехали по незнакомым травам через такие луга, каких им в жизни видеть не приходилось. Дорога, по которой тут гоняют стада, извивалась в траве, словно русло пересохшей реки. Вскоре впереди они увидели стадо, двигавшееся на запад, и через час нагнали его.

Вакерос поняли сразу, кто они такие, – уже по одной только манере сидеть в седле. Мексиканцы называли их кавальеро, угощали табаком и рассказывали о здешних местах. Пересекли несколько ручьев, потом речку побольше. Завидев приближающееся стадо, из тополиных рощ выбегали антилопы и белохвостые олени. А стадо все текло, текло на запад, пока под вечер не уперлось в ограду и не повернуло на юг. По ту сторону ограды шла дорога, на которой виднелись следы шин и свежие после недавних дождей отпечатки конских копыт. На дороге показалась девушка на коне, и все разом замолкли. На всаднице были английские сапожки для верховой езды, штаны в обтяжку и синяя диагоналевая жокейская курточка. В руке она держала стек, конь у нее был вороной, арабской породы. Она, похоже, недавно прокатилась по озеру или речке, потому что конь был мокрым по брюхо, да и нижние концы крыльев седла и сапоги девушки потемнели от влаги. На голове у нее красовалась черная фетровая шляпа с низкой тульей и широкими полями, а распущенные черные волосы струились по спине до талии. Проезжая мимо, она обернулась, улыбнулась и коснулась стеклом края шляпы. Вакерос тоже стали поочередно касаться руками шляп, и только последний из них сделал вид, что не заметил всадницы. Она же пустила коня быстрой иноходью и вскоре скрылась из вида.

Ролинс посмотрел на капоралья – старшего пастуха, – но тот прибавил ходу и проехал вперед. Тогда Ролинс осадил коня и, поравнявшись с Джоном-Грейди, спросил:

Видал цацу?

Джон-Грейди ничего не ответил. Он молча смотрел туда, куда проскакала девушка. Дорога уже давно опустела, но он все смотрел.

Час спустя, когда начало смеркаться, Джон-Грейди и Ролинс стали помогать вакерос загонять коров в коровник. От дома верхом подъехал *gerente*⁴³, осадил коня и, ковыряя во рту зубочисткой, принялся молча следить за работой пастухов и их добровольных помощников. Когда все коровы оказались на месте, капораль и один из пастухов подвели Джона-Грейди и Ролинса к геренте и представили их, не называя по именам. Потом все пятеро верхом отправились к дому геренте, прошли на кухню и уселись за металлический стол под голой лампочкой, на проводе свисавшей с потолка. Геренте принялся самым подробным образом расспрашивать Джона-Грейди и Ролинса, как они себе представляют работу на ранчо. Они давали ответы, а капораль подтверждал их слова. Его помощник согласно кивал и тоже поддакивал. Капораль, уже по собственному почину, засвидетельствовал наличие у молодых американцев таких навыков и способностей, которых те за собой сами не знали, но на все их попытки внести ясность тот лишь небрежно поводил рукой, давая понять, что все эти свойства у них, безусловно, имеются и нечего зря тратить время. Геренте сидел, откинувшись на спинку стула, и внимательно разглядывал Джона-Грейди и Ролинса. Они сообщили по буквам свои имена и фамилии, и геренте записал их в амбарную книгу. По окончании этой процедуры все встали из-за стола, обменялись рукопожатиями и вышли из дома. Уже совсем стемнело, взошла луна, то и дело мычали коровы, и желтые прямоугольники окон придавали этому чужому миру какую-то законченность и даже уют.

Расседлав коней, они поставили их в загоне, а потом пошли за старшим пастухом к глинобитному бараку под железной крышей. Барак был разделен на две половины. В одной стояла дюжина кроватей, металлических и деревянных, и небольшая железная печка. В другой они увидели длинный стол со скамейками и дровяную плиту. Кроме того, там имелся старый деревянный шкаф, в котором хранились стаканы, миски и прочая утварь, а также оцинкованная раковина. За столом сидели пастухи и ужинали. Джон-Грейди и Ролинс взяли миски, ложки, кружки, подошли к плите, положили себе тортилий, фасоли и густого рагу из козлятины и направились к столу. Пастухи приветливо закивали им, жестами приглашая садиться и в то же время не переставая работать ложками.

⁴³ Управляющий (исп.).

Поев, они закурили и, прихлебывая кофе, стали отвечать на посыпавшиеся со всех сторон вопросы. Пастухи расспрашивали их об Америке, о тамошних лошадях и коровах, но только не о них самих. Друзья или родственники некоторых вакерос бывали на севере, но Америка для большинства оставалась загадочной страной, известной лишь понаслышке. Кто-то принес керосиновую лампу, и очень вовремя, потому что движок вскоре выключили и лампочки, свисавшие с потолка на проводах, мигнули и погасли. Какое-то время в темноте еще светились оранжевые нити, но вскоре и они потухли.

Мексиканцы внимательно слушали Джона-Грейди, который обстоятельно отвечал на все вопросы, серьезно кивали и старались никак не показать своего отношения к только что услышанному. Настоящие мужчины, хорошо знающие свое дело, по их глубокому убеждению, никогда не должны принимать на веру то, что узнают не из первых рук.

Джон-Грейди и Ролинс отнесли свои тарелки в большой эмалированный таз, полный мыльной воды, взяли лампу и перешли во вторую комнату барака, где в дальнем углу отыскали отведенные им кровати. Поверх ржавых пружин разложили матрасы, расстелили одеяла, разделись и погасили лампу. Они очень устали, но еще долго лежали в темноте, хотя вокруг все спали. В комнате остро пахло кожей, лошадьми и мужским потом. Снаружи доносилось мычание коров из очередного стада, которое только что пригнали.

А неплохие парни здесь работают, прошептал Ролинс.

Мне тоже кажется. Нормальные ребята...

Думаешь, они решили, что мы в бегах?

А не так, что ли?

Ролинс не ответил. Помолчал, а потом говорит:

А мне даже нравится, что здесь слышно коров.

Ага, мне это тоже в кайф.

А насчет Рочи он не очень-то распространялся, скажи?

Это точно.

Думаешь, это хозяйская дочка?

Скорей всего.

Хорошие места.

Неплохие... Ну ладно, спи.

Дружище!

Чего тебе?

Значит, вот так и жили ковбои в старину?

Вот так и жили...

Ну а ты сколько бы тут хотел прожить?

Лет сто. Ладно, спи...

II

Асьенда Де Нуэстра Сеньора де ла Пурисима Консепсьон занимала площадь в одиннадцать тысяч гектаров в той части штата Коауила, что именуется Больсон-де-Куатро-Сьенас⁴⁴. Западный край этого ранчо уходил в горы Сьерра-де-Антеохос, на высоту в девять тысяч футов, но к югу и востоку тянулась равнина – орошаемые земли с множеством природных источников, небольших озер, рек и ручьев. В озерах водились породы рыб, в других краях неизвестные. Встречались тут птицы и ящерицы, тоже обитающие только в этом благодатном оазисе, со всех сторон окруженном пустыней.

Ла Пурисима оставалась одним из немногих в этой части Мексики ранчо, которые сохранили те самые шесть квадратных лье земли, разрешенные по колониционному законодательству тысяча восемьсот двадцать четвертого года, а его владелец дон Эктор Роча-и-Вильяреаль был из тех редких асьендадо, что живут на своей земле. Ему было сорок семь лет, и он стал первым представителем этой старинной испанской фамилии, кому удалось дожить до такого возраста в Новом Свете.

На своей асьенде дон Эктор держал более тысячи голов скота. У него был дом в Мехико, где жила его жена. В Мехико и обратно он летал на собственном самолете. Лошадей обожал. Этим утром он появился у дома геренте в сопровождении четверых друзей, свиты слуг и двух лошадей, навьюченных деревянными ящиками, из которых один был пуст, а в другом находились запасы провизии для пикника. Кроме того, возникла откуда ни возьмись и стая борзых какого-то необычайного серебристого окраса. Поджарые собаки безмолвно и проворно сновали между ног лошадей, словно растекшаяся по земле ртуть, и лошади не обращали на них внимания. Подъехав к дому, дон Эктор окликнул хозяина, и геренте поспешно вышел в рубашке без пиджака. Они обменялись несколькими словами, геренте покивал, асьендадо что-то сказал своим друзьям, и процессия двинулась дальше, миновала барак и выехала на дорогу. Вакерос ловили в загоне коней, чтобы приступить к своим обычным трудам. Джон-Грейди и Ролинс остановились в дверях барака, допивая кофе.

Вот и сам, сказал Ролинс.

Джон-Грейди кивнул и выплеснул остатки кофе на землю.

Куда они, интересно, собрались? – поинтересовался Ролинс.

Наверное, решили поохотиться на койотов.

Но у них нет ружей.

Зато есть веревки.

Ролинс покосился на него:

Издеваешься, да?

Ни в коем случае.

Черт, вот бы поглядеть!

Неплохо бы... Ты готов?

Два дня они трудились в коровнике: клеймили скотину, кастрировали бычков, делали прививки, спиливали рога. На третий день пастухи пригнали со столовой горы небольшой табун диких жеребят-трехлеток и отправили в загон. Вечером Ролинс и Джон-Грейди пошли посмотреть на жеребят. Те сгрудились у дальней ограды – чалые, мышастые, соловые, разных размеров и статей. Джон-Грейди открыл ворота, а когда они с Ролинсом вошли, снова затворил. Перепуганные животные стали напирать друг на друга, потом разбежались вдоль ограды.

Таких безумных я еще не видал, заметил Ролинс.

Они же не знают, кто мы такие.

---

⁴⁴ Бассейн четырех истоков (*исп.*).

Не знают, кто мы такие?

Ну да. Они вообще вряд ли видели людей не на конях, а на своих двоих.

Ролинс сплюнул:

Ну, кого бы из них ты себе выбрал?

Есть подходящие.

Например?

Взгляни на того темно-гнедого. Вон там.

Гляжу. Но ничего не вижу.

А ты погляди внимательней.

В нем нет и восьмисот фунтов.

Наберет! А посмотри на задние ноги. Нет, из него выйдет хороший ковбойский конек. И еще видишь того чалого?

Этого, что ли? Да у него же неправильный постав копыта! Бабка вона под каким углом, видишь? Как у енота!

Есть немного. Ты прав. А как тебе вон тот чалый? Третий справа. Ничего?

Который с белым?

Он самый.

Какой-то у него потешный вид.

Ничего подобного. Просто масть необычная.

Вот именно. У него белые ноги.

Все равно хороший жеребенок. Погляди на его голову. На челюсти. А хвосты у них у всех такие.

Ролинс с сомнением покачал головой:

Может быть. Раньше насчет лошадей ты был поразборчивей. Может, ты просто их давно не видел?

Может быть. Но я все равно не забыл, как они выглядят.

Жеребята снова сгрудились в дальнем углу загона. Они закатывали глаза и проводили носами по гривам друг друга.

Могу сказать про них только одно, произнес Ролинс.

Ну?

Их еще не пытался объездить ни один мексиканец...

Джон-Грейди кивнул.

Они продолжали рассматривать коней.

Сколько их тут? – спросил Джон-Грейди.

Ролинс окинул взглядом стадо:

Пятнадцать. Нет, шестнадцать.

У меня получилось шестнадцать.

Значит, шестнадцать.

Думаешь, за четыре дня мы с тобой сумеем их объездить?

Ну, это смотря как понимать слово «объездить».

Я имею в виду, чтобы получились нормальные, только что обученные лошади. Скажем, ходившие шесть раз под седлом. Рысью. И способные тихо стоять, пока их седлают.

Ролинс вытащил из кармана кисет и сдвинул на затылок шляпу.

Что ты задумал?

Объездить этих лошадок. Неужели не понятно?

Но почему за четыре дня?

А что, думаешь, не получится?

Хозяину, наверное, нужно, чтобы их объездили по-настоящему. Ведь если научить лошадь слушаться за четыре дня, то еще за четыре она разучится.

Пастухам сейчас не хватает лошадей, потому-то этих сюда и пригнали.
Согнув бумажный квадратик желобком, Ролинс стал сыпать на него табак.
Хочешь сказать, что этих предназначили для нас?
Есть такое подозрение.

Значит, нам предстоит укрощать шестнадцать перепуганных дикарей без мундштуков, с помощью одних этих мексиканских трензелей с кольцами?

Так точно.
Что предлагаешь? Вязать их, как делают в Техасе?
Вот именно.

А у них тут запасов веревки хватит?

Кто ж их знает.

И охота тебе корячиться?

Зато как сладко потом будем спать!

Ролинс вставил в рот самокрутку, полез за спичкой.

А что еще, интересно, ты узнал, а мне не говоришь? – усмехнулся он.

Армандо, то бишь геренте, говорит, у хозяина в горах лошадей видимо-невидимо.

Видимо-невидимо – это сколько?

Что-то порядка четырехсот голов.

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди, чиркнул спичкой о ноготь, прикурил, выбросил спичку.

Зачем ему столько?

Перед войной он начал всерьез заниматься коневодством.

Порода?

Медиа сангре⁴⁵.

Это еще что за зверь?

Что-то вроде наших квартерхорсов. Четвертьмильные.

Да?

Вон тот чалый, например, это ж один к одному линия Билли. Даже если тебе не нравятся его ноги.

Как думаешь, от кого он?

От кого они все? От жеребца по кличке Хосе Чикито.

От Малыша Джо?

Ну да.

Это ведь одно и то же?

Это одно и то же.

Ролинс курил и размышлял, а Джон-Грейди рассказывал:

Оба жеребца были проданы в Мексику. И тот и другой. И Билли, и Малыш Джо. А у Рочи на ихней горе гуляет табун кобыл линии Тревелер-Ронда. Той, что восходит аж к Ширану.

Ну, что еще расскажешь?

Пока все.

Тогда пошли поговорим с геренте.

Они стояли на кухне, мяли в руках шляпы, а геренте молча сидел за столом и смотрел на них.

¿Amansadores?⁴⁶ – наконец сказал он.

Sí.

---

⁴⁵ Букв.: среднепородная, то есть уравновешенная, не слишком горячая (исп.).

⁴⁶ Обездчики? (исп.)

¿Ambos?⁴⁷

Sí. Ambos.

Геренте откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами по столешнице.

Hay dieciseis caballos en el potrero, сказал Джон-Грейди. *Podemos amansarlos en cuatro días*⁴⁸.

Геренте смотрел то на Джона-Грейди, то на Ролинса и ковырял во рту зубочисткой. Потом они шли через двор к бараку, чтобы вымыться перед ужином.

Ну так и что он сказал? – спросил по дороге Ролинс.

Что мы охренели. Правда, в хорошем смысле.

Выходит, нас послали к такой-то матери?

Не думаю. Похоже, у нас есть шанс.

К объездке приступили в воскресенье на рассвете. Натянув на себя в полутьме одежду, еще влажную от стирки накануне, они направились к табуну, жуя на ходу тортильи с фасолью. О кофе сейчас не могло быть и речи. Небо еще было в звездах. С собой Джон-Грейди и Ролинс захватили сорокафутовые лассо из агавы, пару вальтрапов и уздечку типа «босал» с металлическим нахрапником, а Джон-Грейди нес к тому же два чистых наматрасника и свое седло «Хэмли» с загодя укороченными стремянами.

У ограды они остановились и посмотрели на табун. Серые силуэты то шевелились, переступали, то снова застывали в серой рассветной мгле. На земле у ворот загона лежали мотки веревок самого разного качества и происхождения – из хлопка и манильской пальмовой пеньки, из джута, кожи, конского волоса (по-местному «мекате») и агавы. Были даже мотки сноповязального шпагата ручной выделки. Кроме того, там уже лежали шестнадцать веревочных недоузdkов, которые Джон-Грейди и Ролинс вывязывали в бараке весь предыдущий вечер.

Значит, этих жеребят пригнали с горы? – спросил Ролинс.

Угу.

А что кобылы?

Их пока оставили в покое.

Все правильно. С мужиками обращаются круто, а сучкам всегда выходит поблажка.

Ролинс покачал головой и запихал в рот последний кусок тортильи, потом вытер руки о штаны, отцепил проволоку и приоткрыл ворота загона.

Джон-Грейди вошел за ним, положил седло, затем опять вышел за ограду, забрал веревки и недоуздки и, присев на корточки, принялся их разбирать.

Ролинс стоял рядом, вязал петлю аркана.

Насколько я понимаю, тебе все равно, в каком порядке будем их объезжать? – спросил он.

Это ты правильно понимаешь, приятель.

Хочешь, значит, всласть покататься на этих бандитах?

Опять угадал.

Мой папаша всегда говорил: лошадей объезжают, чтобы на них ездить. Хочешь объездить коня – седлай его, садись и езжай.

А твой папаша, стало быть, был признанный объездчик? – с ухмылкой осведомился Джон-Грейди.

Ну, сам-то он так себя не называл. Но пару раз я видел, как он забирается на мустанга, и тогда начиналась потеха.

Что ж, будет тебе и сейчас потеха. В таком же духе.

Будем объезжать их в два приема?

Это с какой стати?

---

⁴⁷ Оба? (исп.)

⁴⁸ В табуне шестнадцать жеребцов. Можем объездить их за четыре дня (исп.).

Я не видел лошади, которая усвоила бы эту науку с первого раза. И забыла бы после второго.

Красиво говоришь, дружище. Но у меня они схватят все на лету. Вот увидишь.

Послушай старого опытного лошадника, парень. Нам попался крутой табунок. С характером.

А помнишь, что говаривал Блер? Не бывает жеребят с плохим характером.

Не бывает, согласился Ролинс.

Кони снова зашевелились. Джон-Грейди бросил лассо и заарканил одного из жеребцов за передние ноги. Тот грохнулся оземь, словно куль с мукой. Прочие кони сбились в кучу, неистово озираясь по сторонам. Жеребец лихорадочно пытался подняться на ноги, но Джон-Грейди оказался тут как тут. Усевшись ему на шею, он притиснул к своей груди конскую голову. Из черных ноздрей жеребца вырывалось горячее пряное дыхание – словно вести из какого-то таинственного мира. От этих созданий пахло не лошадьми, а дикими зверями, каковыми, впрочем, они и являлись. Продолжая прижимать к себе конскую голову, Джон-Грейди бедрами ощущал, как бешено колотится кровь в артериях жеребца. Ему показалось, что от жеребца исходит ужас, и тогда он прикрыл ладонью один его глаз, потом другой, а потом стал гладить его, тихим и ровным голосом рассказывая, что он собирается делать дальше. Он говорил и гладил, говорил и гладил, изгоняя страхи.

Ролинс снял с шеи одну из веревок, сделал на конце петлю, закрепил на задней ноге жеребца повыше бабки, потом приподнял эту заднюю ногу и привязал к передней, снял лассо, отбросил в сторону, взял недоуздок, и они стали взнуздывать жеребца. Джон-Грейди засунул палец коню в рот, и Ролинс вставил трензель, а потом привязал веревку ко второй задней ноге. Обе веревки они соединили с недоуздкой.

У тебя все? – спросил он Джона-Грейди.

Да.

Джон-Грейди отпустил конскую голову, встал, отошел в сторону. Жеребец кое-как поднялся, повернулся и стремительно выбросил заднюю ногу, но веревка развернула его, и он упал. Конь поднялся, снова попытался лягнуть невидимого врага и снова упал. Когда он поднялся в третий раз, то какое-то время мотал головой и дергался, словно в танце. Потом застыл, постоял, пошел, потом опять остановился. Затем выбросил назад ногу и грянулся оземь.

Он немного полежал, словно обдумывая ситуацию, потом поднялся, постоял с минуту, трижды подпрыгнул и снова застыл, кося на людей злым глазом. Ролинс тем временем заново наладил лассо. Остальные кони с интересом следили за происходящим с дальнего конца загона.

Вот психи. Прямо как сортирные крысы. Такие же бешеные, бормотал Ролинс.

Выбери самого бешеного. А ровно через неделю в воскресенье получишь его в готовом виде, сказал Джон-Грейди.

В каком смысле?

Он будет безропотно выполнять все приказы.

Черта с два!

Когда они связали четвертого жеребца, у ограды появились вакерос, в руках кружки. Попивая кофе, они с любопытством смотрели на американцев. К полудню уже восемь жеребцов были связаны, а остальные, перепуганные, словно попавшие в неволю олени, то разбегались вдоль ограды, то снова сбивались в кучу. Они носились в облаке пыли, которое делалось все гуще и гуще. Коней охватывало ощущение страшной беды – текучая вольная целостность их табуна вдруг оказалась расчлененной на беспомощные одинокие островки. Это было жуткой напастью, от которой нет спасения. Вскоре и остальные пастухи высыпали из барака посмотреть, что происходит. К обеду все шестнадцать мустангов были связаны и стояли, уныло глядя в разные стороны, утратив былое единство. Теперь кони напоминали домашних животных,

которых шаловливые дети связали потехи ради. Они стояли в ожидании чего-то неизведанного, и в их ушах еще звучал глас нового божества – их укротителя.

За обедом в бараке пастухи держались с какой-то необычной почтительностью, хотя нельзя было сказать, является ли это признанием сегодняшних заслуг Джона-Грейди и Ролинса, или, напротив, мексиканцы сочли их психами, которых лучше понапрасну не тревожить. Никто не интересовался их мнением насчет мустангов, никто их не расспрашивал о методах выучки. Когда, пообедав, Джон-Грейди и Ролинс снова отправились в загон, у ограды уже толпилось человек двадцать мужчин, женщин и детей. Они с любопытством взирали на стреноженных животных и поджидали укротителей.

Откуда они понабежали? – удивился Ролинс.

Спроси меня о чем-нибудь попроще.

Когда приезжает бродячий цирк, об этом мигом узнает вся округа – не так, что ли, дружище?

Кивая собравшимся, они протиснулись сквозь толпу, вошли в загон и заперли за собой ворота.

Ну, ты выбрал самого бешеного? – спросил Джон-Грейди.

Первое место я присуждаю вон тому справа, у него еще башка как ведро.

Мышастому?

Вот именно... Конь-огонь!..

Не перевелись еще знатоки конины.

При чем тут конина! Я знаток бешенства.

Джон-Грейди подошел к указанному Ролинсом жеребцу и прикрепил к недоуздку веревку длиной двенадцать футов. Затем вывел его из загона в корраль, где они собирались объезжать лошадей. Ролинс решил, что жеребец заартачится, встанет на дыбы, но ошибся. Он взял мешок и веревки, подошел к ним и, пока Джон-Грейди что-то жеребцу втолковывал, стреножил ему передние ноги. Потом передал мешок Джону-Грейди и четверть часа после этого держал коня, пока Джон-Грейди водил мешковиной по его спине, брюху, морде и между ног и не переставая говорил с ним, низко наклонясь к его уху. Затем он подтащил поближе седло.

Слушай, а что лошади от того, что ты над ней кудахчешь? – осведомился Ролинс.

Не знаю. Я не лошадь.

Джон-Грейди взял вальтрап, разложил на спине мышастого, расправил, поглаживая жеребца, еще немного поговорил с ним, а потом нагнулся, поднял седло с подпругами, подвязанными вверх и надетым на рожок дальним стремянем и водрузил ему на спину. Жеребец не шелохнулся. Джон-Грейди наклонился, вддел ремень в пряжку и застегнул подпругу. Жеребец повел ушами, и Джон-Грейди снова заговорил с ним. Потом нагнулся и затянул вторую подпругу. Он говорил с конем так, словно это было смирное домашнее животное, а не смертельно опасный дикий зверь. Ролинс бросил взгляд в сторону ворот корраля. Там уже столпилось человек пятьдесят. Отцы держали на руках младенцев. Некоторые, усевшись на землю, выпивали и закусывали. Джон-Грейди снял стремя с седельного рожка, затем еще раз проверил и подтянул подпруги.

Все готово, обронил он.

Держи, сказал Ролинс.

Джон-Грейди принял у него плетенный из конского волоса чумбур, а Ролинс присел на корточки, отвязал нижние веревки от недоуздка и прикрепил их к путам передних ног. Затем они стащили недоуздок, Джон-Грейди взял уздечку-босал и осторожно надел ее на голову коню, приладил трензель и нахрапник. Затем собрал поводья, перебросил их через голову жеребца, кивнул Ролинсу, который снова присел, развязал путы, убрал нижние веревки и отошел в сторону.

Джон-Грейди вставил ногу в стремя, прижался к жеребцу, что-то сказал ему, потом одним движением взлетел в седло.

Какое-то время жеребец стоял неподвижно. Потом выбросил заднюю ногу, словно желая проверить, не изменились ли, пока он вынужденно бездействовал, свойства пространства, и опять застыл. Затем резко скакнул вбок, изогнулся и ударил воздух обеими задними ногами раз, другой и снова замер, шумно фыркая. Джон-Грейди слегка коснулся его боков каблуками, и жеребец послушно пошел вперед. Наездник пустил в ход поводья, и жеребец повернул. Ролинс с отвращением сплюнул. Джон-Грейди снова повернул жеребца и возвратил на то место, откуда начал проезд.

Тоже мне мустанг, сказал Ролинс. Нет, не то это зрелище, за которое публика платит деньги!

До темноты Джон-Грейди успел проехаться на одиннадцати из шестнадцати жеребцов, и не все оказывались столь покладистыми. За оградой уже горел костер. Там собралось около сотни зрителей, причем многие пришли из поселка Ла-Вега, расположенного в шести милях от усадьбы, а кое-кто проделал еще более долгий путь. Последнюю пятерку Джон-Грейди объезжал уже при свете этого костра. Кони вставали на дыбы, лягались, изгибались, и глаза их сверкали красным. Когда коней отвели в загон, большинство из них застыло у ограды. Другие осторожно прохаживались туда-сюда, стараясь не наступать на волочащиеся по земле чумбуры, чтобы не причинять боли и так сильно пострадавшим носам, которыми они время от времени поводили с немалым изяществом. Неистовая, необузданная орава мустангов, которая утром лихо кружила по загону, перестала существовать; теперь кони перекликались в темноте негромким ржанием, словно проверяя, не пропал ли кто-то из их компании и не приключилось ли с кем-нибудь какой беды.

Когда Джон-Грейди и Ролинс отправились в барак, костер горел все так же ярко. Кто-то принес гитару, кто-то достал губную гармошку. Пока они пробирались сквозь толпу, по меньшей мере трое незнакомых мексиканцев протягивали им бутылки с мескалем, предлагая угоститься.

На кухне не было ни души. Наложив в тарелки еды, они сели за стол. Ролинс пристально смотрел на Джона-Грейди. Тот работал челюстями так, словно их ему недавно вставили. Да и сидел он, чуток покачиваясь.

Да неужели ты устал? – спросил его Ролинс.

Нет, отозвался Джон-Грейди. Устал я часов пять назад...

Тогда не пей больше кофе, усмехнулся Ролинс. А то не заснешь.

Когда на рассвете они подходили к загону, костер все еще дымился, и возле него лежало четверо или пятеро мексиканцев – кто-то завернувшись в одеяло, кто-то просто так, на голой земле. Когда Джон-Грейди стал открывать ворота, все лошади разом повернулись в их сторону.

Помнишь, какие они были? – спросил Ролинс.

Как не помнить! Да и ты, наверное, не забыл, как гонял твой мышастый приятель.

Не забыл. Вот сукин сын...

Когда Джон-Грейди подошел к мышастому с мешком в руках, жеребец повернулся и рысцой, рысцой стал уходить. Джон-Грейди пошел за ним, у ограды нагнал, поднял волочившийся чумбур, развернул жеребца, и тот остановился, дрожа всем телом. Джон-Грейди подошел к нему и заговорил, поглаживая мешковиной. Ролинс пошел за вальтрапами, седлом и уздечкой.

К десяти вечера Джон-Грейди успел объездить весь табун из шестнадцати голов, а Ролинс сделал то же самое по второму разу. Точно так же они действовали во вторник и в среду. Начали на рассвете, еще до восхода. Джон-Грейди, сев на первого жеребца, подъехал к воротам.

Открывай, сказал он Ролинсу.

Погоди, я поседлаю коня для подстраховки.

Некогда.

Если этот сукин сын сбросит тебя в кактусы, у тебя появится много свободного времени, приятель.

Тогда, получается, мне нет резона вылетать из седла.

Все же дай-ка я поседлаю еще одну лошадку.

Делай как знаешь.

Джон-Грейди выехал из загона, держа за поводья лошадь Ролинса. Тот закрыл ворота, сел в седло. Они ехали рядом. Необученные лошади нервничали.

Слепые ведут слепых, заметил Джон-Грейди.

Точно. У папаши работал старый Бифштекс Уоттс. Все ворчали, что у него, дескать, плохо пахнет изо рта. А он отвечал, что дурное дыхание – это полбеды. Когда человек вообще не дышит, куда хуже.

Джон-Грейди усмехнулся и пустил жеребца рысью.

К середине дня он объездил весь табун. Ролинс продолжил работу с жеребцами в загоне, а он решил поседлать того мышастого, которого Ролинс назвал самым бешеным, и прокатиться по окрестностям.

Милях в двух от ранчо, у озера, берега которого заросли ивняком и дикой сливой, мимо него на своем вороном проехала она.

Услышав за спиной топот копыт, он хотел было оглянуться, но ее конь сменил аллюр. Джон-Грейди увидел ее, лишь когда араб оказался рядом с его жеребцом. Он бежал, выгибая шею и косясь на дикаря не столько с опаской, сколько с презрением коня-аристократа. Оказавшись чуть впереди, она повернула к Джону-Грейди точеное лицо и в упор на него посмотрела. Глаза у нее были синие, и она то ли кивнула ему, то ли просто слегка наклонила голову, чтобы лучше рассмотреть мышастого. Чуть качнулась широкополая шляпа, чуть приподнялась волна длинных черных волос, и вороной снова сменил аллюр. Всадница уверенно держалась в седле – спина прямая, чуть широковатые плечи расправлены. Мышастый остановился на дороге, широко расставив передние ноги, а Джон-Грейди неподвижно смотрел ей вслед. Был момент, когда он хотел было что-то сказать ей, но этот взгляд в упор в долю секунды перевернул для него весь мир. Девушка и ее конь скрылись за ивами. С кустов вспорхнули птицы и, весело чирикая, пролетели над Джоном-Грейди.

Вечером, когда Антонио и геренте зашли посмотреть на их работу, Джон-Грейди учил мышастого пятиться с Ролинсом в седле. Геренте молча смотрел и ковырял во рту зубочисткой. Антонио проехался на двух поседланных жеребцах. Он прогонял каждого туда-сюда по корралю, потом резко останавливал. Сойдя с последнего жеребца наземь, он кивнул, после чего они с геренте посмотрели лошадей в другой части корраля и, ничего не сказав, удалились. Джон-Грейди и Ролинс переглянулись, расседлали лошадей ипустили их к табуну, потом подобрали седла и упряжь и пошли в барак. Вакерос сидели за столом и ужинали. Джон-Грейди и Ролинс умылись, прошли к плите, наложили на тарелки еды, налили кофе и сели за стол. В центре стола стояла большая тарелка с тортильями, накрытая полотенцем, и когда Джон-Грейди попросил передать ее, множество рук одновременно взялись за тарелку и поставили перед ним, словно какое-то ритуальное блюдо.

Три дня спустя Джона-Грейди и Ролинса направили в горы. Капораль послал с ними мосо⁴⁹ – стряпать и присматривать за лошадьми, а кроме того, еще троих вакерос примерно того же возраста, что и они сами. Мосо был хромым старик, который, по его словам, сражался при Торреоне и Сан-Педро, а затем еще и при Сакатекасе. Вакерос были деревенскими парнями, двое из которых родились на этой асьенде и никогда не выезжали за ее пределы. Третий однажды побывал в Монтерее. Они отправились верхом, и за ними тянулось еще по три лошади с провизией и принадлежностями для стряпни. Им было поручено отлавливать диких

---

⁴⁹ Слугу (исп.).

лошадей. Отыскивать их в сосняках и в рощах земляничных деревьев, в арройо и на столовых горах и сгонять в ущелье, где лет десять назад был специально оборудован загон с воротами. Лошади носились там, описывая круги, громко ржали, пытались карабкаться на каменные кручи, а потом вдруг набрасывались друг на дружку, кусаясь и лягаясь, а Джон-Грейди спокойно расхаживал с лассо среди этого бедлама в тучах пыли и волнах конского пота так, словно беснующиеся вокруг дикие лошади – всего лишь бесплотные призраки.

Они ночевали на столовой горе, разводили костер, ветер трепал пламя, и старик Луис рассказывал им об этих местах, о людях, которые здесь жили и умирали. Луис с малых лет любил лошадей. Он воевал в кавалерии с отцом и братьями, которые сложили головы на поле брани, и все они презирали генерала Викториано Уэрту так, как не презирали больше никого. По словам Луиса, перед содеянным Уэртой меркнут все остальные злодеяния, и по сравнению с ним Иуда все равно что Иисус Христос. Услышав такое, один вакеро отвел взгляд в сторону, а другой поспешно перекрестился. Луис говорил, что война разорила эти края, но лучшее средство от войны – новая война. Так курандеро⁵⁰ прописывает от укуса змеи змеиный яд. Луис рассказывал о сражениях в пустыне, о том, скольких лошадей поубивали под ним. Он говорил, что души лошадей – зеркала человеческих душ, хотя люди этого толком не понимают. Он был убежден, что лошади любят войну. Он не соглашался с теми, кто считал, что их просто приучают любить войну. Нет, возражал он, нельзя удержать в сердце то, для чего там нет места. Его отец говорил, что по-настоящему понимает лошадь лишь тот, кто воевал в кавалерии. Хотелось бы, чтобы все было иначе, но ничего не поделаешь – такова жизнь...

Луис утверждал, что видел души лошадей и что это зрелище не для слабых. Они являются человеку в особых случаях – например, когда лошадь умирает. Еще Луис говорил, что у лошадей общая душа и что разделение происходит, когда лошадь является в этот мир. Поэтому, собственно, она и оказывается смертной. И добавил: тот, кто понимает душу одной лошади, понимает всех лошадей, какие только были, есть и будут.

Они сидели, курили и смотрели в догоравший костер, где головни наливались алым и трескались.

Джон-Грейди поинтересовался, относится ли это и к душам людей. Луис вытянул губы в трубочку, собираясь с мыслями, потом заговорил. По его мнению, среди людей нет того единства, какое существует в мире лошадей, и те, кто уверен, что человеческую душу можно понять, сильно заблуждаются. Ролинс осведомился на ломаном испанском, есть ли у лошадей рай, но Луис покачал головой и ответил, что лошадям рай ни к чему. Наконец Джон-Грейди спросил, что произойдет, если вдруг в этом мире не станет больше лошадей, – не погибнет ли тогда и лошадиная душа, утратив источник жизненной силы, но Луис сказал нет, даже глупо говорить об этом, потому что Господь не допустит, чтобы лошади исчезли.

Они сгоняли кобыл из низин и арройо, собирая в загоне. Занимались этим три недели и к концу апреля собрали около восьмидесяти кобыл. Некоторые были приучены к узде, и кое-кто из них выказывал неплохие задатки ковбойской лошади. К тому времени начался массовый загон скота, ежедневно большие стада коров шествовали с горных пастбищ в сторону усадьбы, и хотя у пастухов явно ощущался недостаток лошадей, новое пополнение по-прежнему находилось за оградой. Второго мая в небе показалась красная «сессна», которая летела с юга. Сделав круг над ранчо, самолет стал снижаться и вскоре скрылся из вида за деревьями.

Час спустя Джон-Грейди стоял на кухне хозяйского дома, держа в руке шляпу. У раковины женщина мыла посуду, а за столом сидел мужчина и читал газету. Женщина вытерла руки о фартук, вышла из кухни, но вскоре вернулась.

*Un ratito*⁵¹, сказала она.

⁵⁰ Знахарь (исп.).

⁵¹ Одну минуточку (исп.).

Gracias, поклонился Джон-Грейди.

Мексиканец, сидевший за столом, встал, сложил газету, прошел через кухню к полке, взял оттуда ножи, точильный камень и положил на газету. В этот момент в дверях появился дон Эктор и остановился. Он пристально смотрел на Джона-Грейди.

Это был худощавый и широкоплечий человек с черными, начинающими седеть волосами и светлой кожей. Он вошел в кухню и назвал себя, Джон-Грейди переложил шляпу из правой руки в левую, и они обменялись рукопожатием.

*María, café por favor*⁵², сказал асьендадо.

Он вытянул руку ладонью вверх, указывая на дверь, и Джон-Грейди, повинувшись приглашающему жесту, прошел через кухню и оказался в холле. В доме было тихо, прохладно и пахло воском и цветами. Слева стояли высокие часы в деревянном футляре. За решетчатыми дверцами виднелись медные гири и маятник, который медленно качался. Джон-Грейди оглянулся, и асьендадо с улыбкой указал рукой на дверь столовой.

*Pásale*⁵³, сказал он.

Они сидели за длинным столом из ореха. Стены комнаты были обиты голубой тканью и увешаны изображениями людей и лошадей. В конце комнаты был ореховый буфет, на котором стояли блюда и графины. За окном, на карнизе, нежились на солнце четыре кошки. Дон Эктор повернулся, взял с буфета фарфоровую пепельницу, поставил на стол, потом вынул из кармана рубашки металлическую коробочку с английскими сигаретами, открыл и протянул Джону-Грейди. Тот взял сигарету и поблагодарил.

Дон Эктор положил коробку на стол между ними, вынул из кармана серебряную зажигалку и зажег сначала сигарету Джона-Грейди, потом свою собственную, и Джон-Грейди снова поблагодарил его.

Дон Эктор выпустил тонкую струйку дыма и улыбнулся гостю.

Bueno, сказал он. Впрочем, можем говорить по-английски.

*Como le convenga*⁵⁴, сказал Джон-Грейди.

Армандо рассказывал мне, что ты неплохо разбираешься в лошадях.

Я вырос на ранчо.

Дон Эктор сидел и задумчиво курил. Казалось, он ждет, не скажет ли его гость что-то еще. Открылась дверь, и в комнату вошел мексиканец, которого Джон-Грейди только что видел на кухне, где тот читал газету. В руках у него был серебряный поднос с кофейными чашками, молочником, сахарницей, кофейником и тарелкой с бискочо. Поставив поднос на стол, он замер в ожидании дальнейших указаний. Асьендадо поблагодарил его, и тот вышел.

Дон Эктор сам расставил чашки, налил в них кофе и кивнул на поднос:

Угощайся.

Спасибо. Но вообще-то, я пью кофе черным, без всего...

Ты из Техаса?

Да, сэр.

Дон Эктор снова кивнул. Прихлебывая кофе, он сидел боком к столу, закинув ногу на ногу. Он немного покрутил ступней в шоколадного цвета туфле из телячьей кожи, повернулся к Джону-Грейди и улыбнулся:

Каким ветром тебя сюда занесло?

Джон-Грейди посмотрел на дона Эктора. Потом перевел взгляд на стол, где от нежившихся на солнце кошек легли в ряд чуть скошенные тени, напоминающие вырезанные из бумаги силуэты. Он снова посмотрел на асьендадо.

---

⁵² Пожалуйста, кофе (исп.).

⁵³ Проходите (исп.).

⁵⁴ Как вам угодно (исп.).

Да просто захотелось посмотреть страну. Нам обоим...

А сколько тебе лет?

Шестнадцать.

Шестнадцать, повторил дон Эктор, подняв брови.

Да, сэр.

Когда мне было шестнадцать, я всем говорил, что мне восемнадцать, улыбнулся асьендадо.

Джон-Грейди отхлебнул кофе, но ничего не сказал.

Твоему приятелю тоже шестнадцать?

Семнадцать.

Но верховодишь ты?

У нас никто не верховодит. Мы друзья.

Понятно.

Дон Эктор пододвинул тарелку Джону-Грейди:

Угощайся.

Спасибо. Я только что позавтракал.

Асьендадо стряхнул пепел с сигареты в пепельницу и снова откинулся на спинку стула.

Как тебе кобылы? – спросил он.

Есть неплохие.

Да. Ты знаешь, кто такой Непреклонный?

Породистый жеребец. Производитель.

А что ты про него знаешь?

Он выступал в бразильском Гран-при. Вообще-то, он вроде бы из Кентукки, но принадлежал человеку по фамилии Вейл из Дугласа, штат Аризона.

Да. Он родился на конеферме Монтерей в Париже, штат Кентукки. А жеребец, которого я купил, – его сводный брат, от той же самой матки.

Ясно, сэр. Где он сейчас?

Не доехал еще.

Где, простите?

В дороге. Он работал производителем.

Вы собираетесь разводить чистокровок? Для скачек?

Нет, четвертьмильных.

Для работы на ранчо?

Да.

И хотите, чтобы этот жеребец крыл местных кобыл?

Да. Твое мнение?

Трудно сказать. Я знал некоторых опытных конезаводчиков, но почему-то свое мнение на этот счет они всегда высказывали неохотно. Хотя то, что от чистокровок ковбойские лошади получают, я знаю точно.

Так. А какую роль тут, по-твоему, играет кобыла-матка?

Такую же, как и отец.

Вообще-то, те, кто разводит лошадей, обычно главную роль отводят производителю, правильно?

Да, сэр. Это так.

При этом я лично склонен с тобой согласиться, улыбнулся асьендадо.

Потянувшись к пепельнице, Джон-Грейди стряхнул пепел с сигареты.

Вам не обязательно со мной соглашаться.

Не обязательно. Как и тебе со мной.

Да, сэр.

А Расскажи-ка мне о лошадях на горе.

Там нам попадались неплохие кобылы, но их, конечно, немного. Остальные, в общем-то, клячи. Только из некоторых могут получиться более-менее приличные ковбойские лошади. Такие, чтобы на все случаи жизни... А так в основном там лошадки, которых у нас называют испанскими пони. Лошади чиуауа. Отдаленные потомки берберов. Для наших целей мелковаты, а главное, легковаты. И задние ноги у них, конечно, не те, что должны быть у хорошей ковбойской лошади, но кое-кого там выбрать можно...

Джон-Грейди замолчал, посмотрел на шляпу на коленях и провел пальцем по складке, потом поднял глаза на асьендадо:

Все, что я сказал, вы, мне кажется, и без меня хорошо знаете.

Дон Эктор взял кофейник и снова наполнил обе чашки.

Ты знаешь, что такое криолло?

Да. Это аргентинская лошадь.

А тебе известно, кто был Сэм Джонс?

Да, если вы имеете в виду жеребца.

А Кроуфорд Сайкс?

Это еще один из легендарных жеребцов дядюшки Билли Ансона. Каких только баек о нем я не наслушался!

У мистера Ансона покупал лошадей мой отец.

Дядюшка Билли дружил с моим дедом. Они родились почти одновременно – с разницей в три дня. Ансон был седьмым сыном графа Литчфилда. А его жена была театральной актрисой.

Ты из Кристовала?

Из Сан-Анджело. Вернее, из-под Сан-Анджело.

Асьендадо пристально посмотрел на собеседника:

Знаешь такую книгу – «Американская лошадь»? Автор – Уоллес.

Да, сэр. Я прочитал ее от корки до корки.

Дон Эктор откинулся на спинку стула. Одна из кошек встала и потянулась.

Ты приехал сюда из Техаса?

Да, сэр.

Вместе с другом?

Да, сэр.

Ты, он и больше никого?

Джон-Грейди посмотрел на стол. Один кошачий силуэт сделался совсем тонким и косым. Остальные не изменили своих очертаний. Джон-Грейди поднял взгляд на асьендадо и сказал:

Да, сэр. Только я и он.

Дон Эктор кивнул, затушил сигарету и встал:

Пойдем. Я покажу тебе лошадей.

Они молча сидели на кроватях друг напротив друга, уперев локти в колени, и смотрели на сложенные руки. Затем, не поднимая головы, заговорил Ролинс:

Для тебя это шанс. Почему бы за него не ухватиться.

Если ты скажешь «нет», я откажусь... Останусь тут, с тобой.

Так ведь тебя вроде и так ни в какие дальние края не отправляют.

Будем по-прежнему работать вместе. Гонять табуны, объезжать коней и вообще...

Ролинс кивнул. Джон-Грейди посмотрел на него в упор:

Ты только скажи, и я откажусь.

Еще чего! Это отличный шанс. Не надо его упускать.

Утром после завтрака Ролинс пошел убирать денники, а когда вернулся на обед, матрас на кровати Джона-Грейди был скатан, а его вещей на месте не было. Ролинс повернулся и пошел умываться.

Конюшня была выстроена в английском стиле: с куполом, с флюгером, беленая, обшитая толстым тесом. Джону-Грейди отвели конурку рядом с седельной. Напротив была еще одна клетушка, в которой жил старик-конюх, работавший еще на отца нынешнего хозяина. Когда Джон-Грейди ввел в конюшню своего жеребца, старик вышел из каморки, окинул взглядом Редбо, потом осмотрел его ноги и только после этого мельком глянул на Джона-Грейди. Затем повернулся, ушел к себе и закрыл дверь.

Днем, когда Джон-Грейди работал с кобылой в коррале у конюшни, старик вышел еще раз. Джон-Грейди поздоровался, тот кивнул и тоже поздоровался. Поглядев на кобылу, старый конюх сказал, что она коренастая, и еще произнес слово «речонча», но Джон-Грейди не знал, что это значит⁵⁵. Когда он спросил, что это такое, старик изобразил руками что-то вроде бочки. Джон-Грейди решил, что старик счел кобылу жеребой, и сказал, что это не так. Конюх на это только пожал плечами и удалился.

Когда Джон-Грейди привел кобылу назад в конюшню, старик затягивал подпругу у вороного араба. Спина к Джону-Грейди стояла девушка. Когда тень от кобылы заслонила свет, она обернулась.

*Buenas tardes*⁵⁶, сказал Джон-Грейди.

Buenas tardes, отозвалась девушка.

Она протянула руку к подпруге, проверяя, как та сидит. Джон-Грейди застыл в проходе. Девушка выпрямилась, забросила поводья через голову коня, вставила ногу в стремя и, оказавшись в седле, направила вороного к двери.

Поздно вечером, лежа в своей новой кровати, Джон-Грейди слушал музыку, доносившуюся из хозяйского дома, и, уже засыпая, вызывал перед глазами образы лошадей, горы и снова лошадей. Диких мустангов на столовой горе, которые никогда не видели пешего человека и понятия не имеют о том, кто такой Джон-Грейди, однако именно он скоро войдет к ним в души и останется там навсегда.

Неделю спустя Ролинс и Джон-Грейди опять поехали в горы с мосо и двумя вакерос, и, когда мексиканцы, завернувшись в одеяла, заснули, друзья еще долго сидели у костра, попивая кофе. Ролинс вытащил кисет, а Джон-Грейди – пачку сигарет, которую протянул Ролинсу.

Откуда у тебя фабричные? – спросил Ролинс, убирая кисет.

Из Ла-Веги.

Ролинс кивнул, извлек из костра головешку, прикурил. Джон-Грейди наклонился к нему и тоже прикурил.

Значит, она учится в Мехико?

Угу.

Сколько ей лет?

Семнадцать.

Понятно. А в какой школе учится?

Точно не знаю. В какой-нибудь, видимо, частной.

Понятно, что не в простой.

Ну да. В какой-нибудь особой, не иначе.

Все правильно, усмехнулся Ролинс, затягиваясь. И школа с выкрутасами, и сама барышня тоже.

---

⁵⁵ *Rechoncha* (исп.) – пухленькая.

⁵⁶ *Добрый вечер* (исп.).

Ну, это ты зря.

Ролинс полулежал, прислонившись спиной к седлу и вытянув ноги к костру. Подошва его правого сапога отставала, и он закрепил ее через рант провололочными скрепками.

Видишь ли, приятель, начал он, глядя на сигарету, я уже пытался тебе кое-что втолковать, но ты и тогда не услышал, да и теперь, похоже, слушать не захочешь.

Я понимаю, к чему ты клонишь.

А я так понимаю, что тебе просто приятно пролить слезу на сон грядущий.

Джон-Грейди промолчал, а Ролинс продолжил:

Учти, она небось якшается только с такими, у кого есть собственный самолет. Не говоря уже про машины.

Наверное, ты прав.

Рад это слышать.

Но это ведь ничего не меняет, правда же?

Ролинс снова затянулся. Они долго сидели и молчали. Потом Ролинс бросил окуроч в костер, сплюнул и сказал:

Лично я на боковую.

Ценная мысль, кивнул Джон-Грейди.

Они расстелили одеяла. Джон-Грейди стащил сапоги, поставил их рядом и улегся, вытянув ноги. Костер почти совсем догорел, и Джон-Грейди лежал и смотрел на звезды, эти светящиеся сгустки раскаленной материи, которые испещряют небосвод. Внезапно он раскинул руки в стороны и крепко-крепко прижал к земле ладони. Ему показалось, что он – единственная неподвижная точка в мире, а вокруг все куда-то стремительно летит и кружится.

Как ее зовут? – послышался из темноты голос Ролинса.

Александра... Ее зовут Александра.

В воскресенье днем Джон-Грейди и Ролинс отправились в поселок Ла-Вега на лошадях из того табуна, с которым так крепко поработали. Эскиладор⁵⁷ на ранчо постриг их овечьими ножницами, и теперь их шеи над воротниками сделались странно белыми, словно шрамы. Они ехали, надвинув шляпы на брови, и посматривали по сторонам с таким видом, будто готовы в любой момент принять вызов здешних мест и всего, что они в себе таят. По дороге устроили призовую скачку на пятьдесят центов, и Джон-Грейди одержал победу. Потом поменялись конями, и снова удача оказалась на его стороне. Перевели коней с галопа на рысь, и те бежали разгоряченные и в мыле. Когда кони неслись по дороге, крестьяне с корзинами овощей и фруктов или ведрами, прикрытыми марлей, жались по обочинам, а кое-кто на всякий случай прятался в кустах и кактусах. На юных всадников мексиканцы взирали с удивлением. Их кони грызли удила, с морд летела пена, а седоки отрывисто переговаривались на непонятном языке и погоняли коней, неудержимые в своем неистовстве, которое, казалось, вот-вот взорвет весь этот мир, но бешеный смерч пролетал, оставляя позади все как было. Пыль, солнце, чирикание птиц.

В магазинчике, куда они зашли, на полке лежали стопки рубашек – снимешь верхнюю, развернешь, и на ней окажется высветленный прямоугольник на том месте, куда падало солнце или пыль, или все вместе. Ролинс перемерил немало рубашек, прежде чем отыскал такую, у которой рукава не были ему коротковаты. Хозяйка вынимала булавки, которыми рубашка была сколота, и, держа их во рту, прикладывала рукав к руке покупателя, после чего горестно качала головой. Выбрав по паре новеньких, негнущихся джинсов, Джон-Грейди и Ролинс отправились в примерочную, – ею служила спальня в задней части магазинчика; в спальне стояли три кро-

---

⁵⁷ Стригаль (исп.).

вати, а цементный пол был когда-то выкрашен в зеленый цвет. Усевшись на одну из кроватей, покупатели стали пересчитывать деньги.

Она сказала, что джинсы стоят пятнадцать песо. Сколько это по-нашему? – шептал Ролинс.

Просто запомни: два мексиканских песо – это четверть доллара.

Сам запомни! Короче, почему штаны-то?

Доллар восемьдесят семь.

Черт возьми! Тогда мы неплохо живем. Тем более что через пять дней получка!

Взяв себе еще носки и нижнее белье, они выложили все на прилавок, чтобы хозяйка посчитала, сколько они ей должны. Та завернула покупки в два отдельных пакета и перевязала бечевкой.

Сколько у тебя осталось? – спросил Джон-Грейди.

Четыре доллара с мелочью.

Купи себе сапоги.

На сапоги немного не хватает.

Я одолжу.

Без балды?

Конечно.

А ведь нам сегодня потребуются финансы и на вечер.

Ничего, еще пара долларов останется. Давай.

А что, если ты захочешь угостить свою даму шипучкой?

Это разорит меня аж на целых четыре цента. Не бери в голову.

С сомнением во взгляде Ролинс взялся за пару сапог, поднял ногу и приложил подошву одного из них к своей:

Малы, даже мерить незачем.

А попробуй вон те.

Черные?

Ну да! Почему нет?

Ролинс надел черные сапоги и прошелся в них взад-вперед. Хозяйка одобрительно покивала.

Ну, как тебе?

Да вроде нормально. Только вот к таким каблучицам надо привыкнуть.

А ты спляши.

Чего?

Спляши, говорю.

Ролинс посмотрел на хозяйку, потом на приятеля:

Черт побери. Я что, умею, что ли?

А ты спляши как умеешь.

Громыхая на старом дощатом полу, Ролинс отбил чечетку и остановился, ухмыляясь в облаке поднятой пыли.

*Qué guaro*⁵⁸, сказала хозяйка.

Джон-Грейди улыбнулся и сунул руку в карман за деньгами.

Мы забыли купить перчатки, сказал вдруг Ролинс.

Перчатки?

Ну да. Мы, конечно, маленько приоделись, но работать-то все равно придется.

Тоже верно.

Веревки из агавы протерли мне все ладони.

---

⁵⁸ Вот молодчина! (исп.)

Джон-Грейди посмотрел на свои руки, спросил женщину, есть ли у нее рабочие перчатки, и они купили себе по паре.

Пока она их заворачивала, друзья стояли у прилавка, и Ролинс смотрел на свои сапоги.

У старика Эстебана в конюшне есть манильские веревки. Мягкие, прямо шелк. Как только подвернется случай, одну для тебя позаимствую, сказал Джон-Грейди.

Черные сапоги. Надо же! Всегда мечтал стать разбойником с большой дороги, сказал Ролинс, качая головой.

Хотя вечер выдался прохладным, двойные двери амбара были распахнуты. Человек, продававший билеты, сидел на стуле, поставленном на деревянное возвышение, так что при появлении очередного посетителя ему приходилось нагибаться, чтобы взять монету и вручить билет – или принять корешок от того, кто выходил и теперь возвращается обратно. Большое строение из саманных блоков опиралось на наружные столбы, из которых далеко не все являлись частью его первоначальной конструкции. Окон у строения не было, а стены сильно потрескались и местами, казалось, вот-вот обвалятся. Освещался зал двумя рядами электрических лампочек в бумажных мешочках, раскрашенных акварельными красками так, что на просвет виднелись следы от кисти. Зеленые, красные и синие абажурчики были грязноваты и казались одного цвета. Пол хоть и подмели ради такого случая, но под ногами похрустывала шелуха от семечек и солома. В дальнем углу зала всюду маячил оркестр, расположившийся на возвышении из дощатых поддонов, сзади прикрытом раковиной из согнутых железных листов. У подножия эстрады были установлены «прожектора» – мощные лампы в больших жестянках из-под повидла, поставленных прямо на драпировку из цветной материи, которая весь вечер потихоньку тлела. Отверстия банок были затянуты цветным целлофаном, и прожектора отбрасывали на раковину причудливые тени музыкантов. Под потолком в полумраке время от времени проносились с жуткими криками козодои.

Джон-Грейди, Ролинс, а также местный парень Роберто стояли у дверей в темноте среди машин и фургонов и передавали друг другу пинтовую бутылку мескаля. Роберто приподнял бутылку и сказал:

*¡A las chicas!*⁵⁹ – Сделал глоток и передал бутылку дальше.

Джон-Грейди и Ролинс также сделали по глотку, после чего насыпали на запястья соли из бумажки и лизнули. Роберто затолкал в горлышко бутылки пробку из кукурузного початка и спрятал бутылку за колесо грузовика. После чего они поделили на троих пачку жевательной резинки.

*¿Listos?*⁶⁰ – спросил Роберто.

Listos.

Она танцевала с высоким парнем с ранчо Сан-Пабло. На ней было голубое платье, и ее губы были накрашены. Джон-Грейди, Роберто и Ролинс стояли у стены и смотрели на танцующих, не забывая поглядывать на девчонок в дальней части зала. Джон-Грейди стал проталкиваться между группками молодежи. Пахло потом, соломой и крепкими духами всех мастей. На эстраде аккордеонист отчаянно боролся с непослушным инструментом, усердно топая в такт. Затем он сделал шаг назад, и вперед вышел трубач. Алехандра вдруг посмотрела через плечо партнера туда, где стоял Джон-Грейди. Ее черные волосы, повязанные голубым бантом, были высоко подняты, и шея белела словно фарфоровая. Когда она снова повернулась в его сторону, на ее губах появилась улыбка.

До этого он никогда до нее не дотрагивался. Ее рука оказалась очень маленькой, а талия тонкой. Она посмотрела на него с какой-то особой решимостью, улыбнулась и прижалась

---

⁵⁹ За девчонок! (исп.)

⁶⁰ Теперь готовы? (исп.)

щекой к его плечу. Голос трубы направлял танцующих в их одиноких и совместных странствиях. Вокруг лампочек в мешочках кружили мотыльки.

Алехандра говорила на английском, выученном в школе, и в каждой ее фразе он пытался отыскать тот смысл, на который надеялся. Он повторял ее слова про себя и снова ставил под сомнение их истинное значение. Она сообщила ему, что очень рада видеть его здесь.

Я же сказал, что приду.

Сказал...

Труба неистовствовала, увлекая их в жаркий водоворот.

А ты думала, я не приду?

Она откинула голову назад и посмотрела на него с улыбкой. Глаза ее сверкали.

Al contrario... Наоборот. Я знала, что ты придешь.

Когда музыканты устроили себе перерыв, они подошли к буфету и он купил две порции лимонада в бумажных стаканчиках. Они вышли на дорогу. Навстречу им то и дело попадались парочки, все с ними раскланивались и желали им доброго вечера. Было прохладно. Пахло землей, парфюмерией и лошадьми. Алехандра взяла его за руку, рассмеялась и сказала, что он *mojado-reverso*, «мокрая спина» наоборот – редкостный, невиданный зверь, которого надо холить и лелеять. Он рассказывал о себе. О том, что его дед умер и ранчо продали. Они уселись на длинное цементное корыто-поилку. Она скинула туфли, положила их себе на колени и, вытянув в темноту босые ноги, стала задумчиво водить пальцем по темной воде. Вот уже три года, как она учится в школе-интернате. Ее мать живет в Мехико, и по воскресеньям она приходит к матери домой обедать, но иногда они обедают вдвоем где-нибудь в городе и потом отправляются в театр или на балет. Мать говорит, что жить на асьенде скучно и одиноко, но и в городе у нее, по правде говоря, друзей не много.

Она сердится на меня за то, что мне нравится приезжать сюда. Говорит, что я больше люблю отца.

Это так и есть?

Да. Хотя я приезжаю совсем не поэтому. Но мама говорит, что настанет время и у меня все это пройдет...

Пройдет желание приезжать сюда?

Да вообще все. Все мои детские задвиги.

Она посмотрела на него и с улыбкой спросила:

Ну что, пойдем обратно?

Джон-Грейди повернул голову туда, где горели огни. Там снова заиграла музыка.

Она встала и, опершись о его плечо, стала надевать туфли.

Я познакомлю тебя с моими друзьями. Познакомлю с Люсией. Она очень красивая...

Бьюсь об заклад, что ты красивее.

Ой, что ты говоришь! Это неправда! Люсия просто чудо какая красавица.

Домой он возвращался один. От рубашки пахло ее духами. Все три их лошади стояли там, где они их привязали, но Ролинс и Роберто словно в воду канули. Пока Джон-Грейди отвязывал своего жеребца, два других коня удивленно повернули головы в его сторону и тихо заржали, словно напоминая о себе и о своей готовности пуститься в обратный путь. Вокруг урчали моторы автомобилей, по домам потянулись и пешие. Джон-Грейди отвел своего еще плохо обученного коня подальше от людей и огней и только тогда сел в седло. Когда отъехал от поселка на милю, его стала нагонять машина, битком набитая веселой молодежью. Машина стремительно приближалась, и Джон-Грейди съехал на самую обочину. От света фар конь разнервничался и стал подниматься на дыбы. Когда машина с ним поравнялась, сидевшие в ней что-то прокричали Джону-Грейди и кто-то запустил в них с конем пустой банкой из-под пива. Конь задергался, забил задом, но Джон-Грейди начал ему втолковывать, что все в порядке, ничего, мол, страшного не случилось, и вскоре они снова двинулись рысью. Перед ними висело

облако поднятой машиной пыли, и ее мелкие частички медленно кружились в воздухе, пронизанном светом звезд, словно земля источает из себя что-то таинственное. Джон-Грейди счел, что конь достойно выдержал сегодняшнее испытание, о чем ему и сообщил.

На весенних торгах в Лексингтоне дон Эктор приобрел через агента жеребца-производителя и послал за ним Антонио, брата геренте. Тот отправился за покупкой в грузовичке марки «интернешнл харвестер» модели 1941 года с прицепом и отсутствовал два месяца. Дон Эктор вручил ему письма по-английски и по-испански, где излагалась цель поездки. Кроме того, в коричневом конверте, перевязанном для надежности шпагатом, Антонио вез большую пачку долларов и песо, а также векселя банков Хьюстона и Мемфиса на предъявителя. Антонио не говорил по-английски и не умел ни читать, ни писать. Когда он вернулся, конверта, как и письма по-испански, при нем уже не было, но письмо по-английски осталось. По сгибам оно распалось на три части, имело невероятно потрепанный вид и было покрыто кофейными пятнами и чем-то еще, напоминающим кровь. Антонио один раз побывал за решеткой в Кентукки, один раз в Теннесси и трижды в Техасе. Въехав во двор, он вышел из машины, на непослушных ногах направился к кухне и постучал в дверь. Мария впустила его, и он стоял, держа в руке шляпу, и ждал появления хозяина. Когда тот вышел на кухню, они обменялись рукопожатием, и асьендадо осведомился у Антонио насчет его здоровья. Тот сказал, что чувствует себя превосходно, и вручил дону Эктору обрывки письма, кипу счетов и чеков, а также квитанций и справок из кафе, бензоколонок, магазинов и тюрем. Он вернул хозяину оставшиеся у него деньги, в том числе мелочь, затерявшуюся по разным карманам, ключи от грузовика и, наконец, бумагу от мексиканской таможни в Пьедрас-Негресе вместе с длинным, перевязанным синей лентой манильским конвертом, где находились документы на жеребца и справка-счет.

Дон Эктор положил деньги, квитанции и документы на буфет, а ключи сунул в карман. Затем спросил, доволен ли Антонио грузовиком.

*Sí. Es una troca muy fuerte*⁶¹.

*Bueno. ¿Y el caballo?*⁶²

*Está un poco cansado de su viaje, pero es muy bonito*⁶³.

Упоминавшимся в их разговоре конем был темно-гнедой жеребец ростом в шестнадцать ладоней в холке и весом тысяча четыреста фунтов. Для представителя этой линии разведения у него были хорошая мускулатура и прочный костяк. В третью неделю мая его вернули на ранчо из столицы Мексики все в том же трейлере. Джон-Грейди и сеньор Роча пошли в конюшню на него взглянуть. Джон-Грейди уверенно открыл дверцу денника, вошел и, подойдя к жеребцу, стал гладить его, что-то говоря ему по-испански. Потом он обошел его кругом, продолжая говорить, а дон Эктор молча глядел на обоих. Джон-Грейди приподнял коню переднее копыто, посмотрел, потом спросил хозяина:

Вы уже на нем ездили?

Конечно.

Я хотел бы проехаться... Если вы не против...

Милости прошу.

Вышли из денника, прикрыв за собой дверь. Какое-то время стояли и молча смотрели на коня.

*¿Le gusta?*⁶⁴ – спросил дон Эктор.

Жеребец что надо, кивнул Джон-Грейди.

⁶¹ Да. Очень крепкая, выносливая машина (исп.).

⁶² Понятно. А как тебе конь? (исп.)

⁶³ Да ничего. Немного подустал в дороге, но конь хороший (исп.).

⁶⁴ Нравится? (исп.)

Потом юные американцы работали с манадой⁶⁵, и асьендадо то и дело заходил в корраль. Они ходили среди кобыл, и Джон-Грейди рассказывал об их качествах, а дон Эктор слушал, размышлял, отходил на несколько шагов, присматривался, кивал, снова погружался в размышления, потом, глядя в землю, переходил на другую точку, меняя ракурс, и снова поднимал глаза на кобылу, пытаясь увидеть ее по-новому, разглядеть в ней то, что прежде от него ускользало. Если дон Эктор не находил в кобыле достоинств, на которые указывал его молодой помощник, он так и говорил, и Джон-Грейди обычно не возражал, соглашаясь с мнением хозяина. Впрочем, почти за каждую из кобыл он склонен был замолвить словечко, лишь бы у нее имелось то, что называют здесь *la única cosa*⁶⁶. Свойство, позволяющее простить лошади все, кроме совсем уж вопиющих изъянов, а суть его состоит в интересе лошади к коровам. Когда Джон-Грейди приучал к седлу наиболее перспективных кобыл, он выезжал на луга к съенаге, где в сочной траве паслись, обходя топкие места, коровы и телята. В манаде попадались кобылы, проявлявшие повышенный интерес к тому, что им показывал Джон-Грейди. Он был убежден, кстати, что этот интерес не просто прививается, но и передается по наследству. Дон Эктор относился к этой теории довольно скептически, зато оба свято верили в две вещи, о которых, впрочем, никогда не говорили вслух: во-первых, Господь создал лошадей, чтобы пасти скот, и, во-вторых, работа со скотом есть единственный правильный источник богатства.

Жеребца поставили в конюшню у дома геренте, подальше от кобыл, и, когда у тех началась течка, Джон-Грейди и Антонио занялись делом. В течение трех недель они случали их практически ежедневно, а иногда заставляли жеребца проявлять себя во всем блеске даже и по два раза в день. Антонио выказывал производителю большое уважение и величал его «кавальо-падре». Подобно Джону-Грейди, Антонио охотно разговаривал с жеребцом и часто что-то ему обещал, причем всегда неукоснительно выполнял обещания. Заслышав его шаги, жеребец поднимался на дыбы, а Антонио, подходя к его деннику, начинал тихим голосом на все лады расписывать ему кобыл. Он никогда не устраивал случки два дня подряд в одно и то же время и говорил дону Эктору, что жеребца надо почаще прогуливать, чтобы тот оставался управляемым. Он делал это по наущению Джона-Грейди, которому очень уж нравилось на этом жеребце кататься. Точнее сказать, ему нравилось, когда все видели, как он на нем катается. Впрочем, если честно, Джону-Грейди хотелось, чтобы то, как он скачет на этом жеребце, видел вполне определенный человек, один-единственный.

Еще затемно он приходил на кухню, пил кофе и на рассвете седлал жеребца. В саду ворковали голуби, веяло утренней прохладой, и, когда Джон-Грейди выезжал из конюшни, жеребец бил копытом, гарцевал и выгибал шею. Джон-Грейди уезжал по дороге к съенаге. Ехал берегом озера, и при его приближении с мелководья взлетали гуси и утки, проносились над водой, разрывая утренний туман, а потом взмывали ввысь, превращаясь в сказочных жар-птиц в лучах еще только собиравшегося взойти и невидимого с дороги солнца. Иногда жеребец переставал дрожать, лишь когда они оказывались у дальнего края озера. Джон-Грейди заговаривал с ним по-испански, и его слова звучали будто библейские речения, будто не занесенные еще на скрижали заповеди. *Soy comandante de las yeguas*, говорил Джон-Грейди. *Yo y yo solo. Sin la caridad de estas manos no tengas nada. Ni comida ni agua ni hijos. Soy yo que traigo las yeguas de las montañas, las yeguas jóvenes, las yeguas salvajes y ardientes*⁶⁷. Он произносил свои речи, а между его колен, под могучими сводами конских ребер, выполняя чью-то непреклонную волю, колотилось большое темное сердце, разгоняя по венам и артериям кровь. Сизые сплетения кишок поднимались и опускались в такт работе мощных бедер, колен, берцовых костей, прочных,

⁶⁵ Табуном (*исп.*).

⁶⁶ Зд.: единственное и главное (*исп.*).

⁶⁷ Я распоряжаюсь этими кобылами. Я, и только я. Если бы не эти мои руки, у тебя не было бы ничего. Ни еды, ни воды, ни потомства. Это я привожу кобыл с гор, молодых кобыл, необузданных, сгорающих от страсти (*исп.*).

словно льняные веревки, сухожилий, которые, подчиняясь этой самой загадочной, таящейся под конской шкурой в глубинах плоти, непреклонной воле, сгибались и выпрямлялись, сгибались и выпрямлялись – и несли жеребца вперед. Его копыта пробивали колодцы в стлавшемся понизу тумане, голова моталась из стороны в сторону, с оскаленных зубов слетала слюна, а в горящих выпуклых глазах пылал окружающий мир.

Потом Джон-Грейди возвращался на кухню и шел завтракать. Мария хлопотала по хозяйству: подкладывала дрова в большую, с никелированным верхом плиту или раскатывала тесто на мраморной крышке стола, и порой ее пение доносилось из глубины дома. Иногда он вдруг улавливал слабый запах гиацинта – значит, через холл недавно проходила Алехандра. Если Карлос с утра пораньше резал телку, то возле дорожки под навесом на кафельных плитках восседало целое скопище кошек, причем каждая сидела на своей персональной плитке. Джон-Грейди останавливался, брал в руки одну из кошек, начинал ее гладить, а сам не спускал глаз с внутреннего дворика, где однажды увидел Алехандру, которая собирала там лаймы. Он стоял, смотрел, гладил кошку, потом выпускал ее из рук, и кошка возвращалась на свое законное место, а Джон-Грейди входил на кухню, снимая на пороге шляпу. Иногда Алехандра завтракала в столовой одна, и Карлос относил туда поднос с кофе и фруктами. Иногда она каталась по утрам верхом. Как-то раз Джон-Грейди поехал на жеребце к северным холмам и увидел ее милях в двух от себя на нижней дороге, что вела к озеру. Она часто каталась по лугам у озера, а однажды он увидел, как она бредет по мелководью среди камышей и, подобрав юбки одной рукой, другой ведет за повод своего вороного араба, а над ней летают с криками краснокрылые дрозды. Время от времени она останавливалась и наклонялась, срывая белые лилии, а черная лошадь терпеливо застывала в ожидании, словно большая собака.

После тех самых танцев в Ла-Вега Джон-Грейди ни разу с Алехандрой не разговаривал. Она уехала с отцом в Мехико, а вернулся тот уже один. Даже спросить о ней Джон-Грейди было некого. В последнее время Джон-Грейди приобрел привычку кататься на жеребце без седла. Едва дождавшись, когда конь завершит свое дело, он скидывал сапоги и запрыгивал коню на спину, пока Антонио еще держит только что покрытую кобылу за скобу; при этом кобыла стояла, опустив голову и широко расставив ноги, и дрожала мелкой дрожью, ее бока ходили ходуном, а изо рта вырывалось судорожное дыхание. Наподдавая босыми пятками по брюху жеребца, Джон-Грейди выезжал из конюшни, а жеребец фыркал, ронял пену и плохо соображал, что происходит. Они неслись по нижней дороге, и Джон-Грейди, работая одним веревочным недоуздом, низко пригибался к конской шее и тихо бормотал жеребцу что-то непристойное. У коня под взмокшей шкурой бешено пульсировала кровь, а от самого Джона-Грейди пахло и жеребцом, и кобылой. Во время одной такой безумной скачки Джон-Грейди повстречался с Алехандрой, которая возвращалась на своем вороном от озера.

День уже клонился к вечеру. Джон-Грейди натянул веревочные поводья, и жеребец остановился, дрожа всем телом, переминаясь с ноги на ногу и мотая головой, отчего во все стороны летела пена. Алехандра тоже остановила своего вороного, и Джон-Грейди вытер потный лоб, снял шляпу и махнул Алехандре, чтобы она проезжала. Он даже съехал с дороги в осоку, чтобы им было проще разойтись. Алехандра подала вороного вперед и поравнялась с Джоном-Грейди, который приложил указательный палец к шляпе, кивнул ей и решил, что она сейчас двинется дальше, но не угадал. Алехандра снова остановилась и повернулась к Джон-Грейди. На черном лоснящемся боку араба играли блики света. Под пристальным, чуть вопрошающим взглядом Алехандры Джон-Грейди вдруг почувствовал себя на своем взмыленном жеребце разбойником с большой дороги. Алехандра между тем смотрела на него, словно желая услышать то, что он ей давно хотел сказать, и Джон-Грейди действительно произнес какие-то слова, но сколько ни пытался потом припомнить, какие именно, так и не смог. Смог только воскресить в памяти улыбку Алехандры, хотя такой отклик вовсе не входил в его намерения. Але-

хандра устремила взор вдаль, на озеро, сверкавшее под последними лучами солнца, а потом перевела взгляд на Джона-Грейди и его жеребца.

Дай прокатиться, вдруг сказала она.

Что-что?

Я хочу на нем прокатиться, упрямо повторила Алехандра.

Она требовательно смотрела на Джона-Грейди из-под широкой шляпы, а он растерянно уставился на колыхавшуюся под порывами ветра осоку, словно там скрывается столь нужная ему сейчас помощь, а потом опять посмотрел на Алехандру.

Когда? – пролепетал он.

Что «когда»?

Когда ты хочешь прокатиться?

Прямо сейчас.

Джон-Грейди опустил глаза на своего жеребца, словно удивляясь, каким образом тот здесь оказался. Он лихорадочно думал, что ответить, и произнес первое, что пришло на ум:

На нем нет седла.

Виджу.

Он стиснул бока жеребца пятками и в то же время натянул веревочные поводья, чтобы показать, что жеребец нервничает, но тот остался стоять как вкопанный.

Не знаю, что на это скажет хозяин. Мне кажется, он будет недоволен.

Она только улыбнулась, словно жалея его, но жалости в этой ее улыбке на самом деле не было.

Она спешила, перебросила поводья через голову вороного и застыла, с улыбкой глядя на Джона-Грейди и держа руку с поводьями за спиной:

Слезай.

Ты уверена?..

Да. побыстрее...

Он соскочил с жеребца. Джинсы, еще горячие и влажные, липли к бедрам.

А как же вороной?

Езжай на нем и поставь его в денник.

Но меня на нем увидят в доме.

Тогда поставь его к Армандо.

Я попаду в историю...

Уже попал.

Она повернулась, забросила свои поводья на седло, подошла к Джону-Грейди и взяла у него из рук веревочный повод, потом положила руку ему на плечо, и он почувствовал, как у него гулко заколотилось сердце. Чуть наклонясь, он сплел пальцы, сделав из ладоней подобие стремени, она ступила в это стремя сапожком, он приподнял ее, она перекинула ногу через спину коня, затем пришпорила жеребца, тот помчался по дороге вдоль озера, и вскоре они скрылись из вида.

Джон-Грейди медленно ехал назад на вороном арабе. Солнце село. Он очень надеялся, что Алехандра все-таки догонит его и они опять поменяются конями, но так этого и не дождался. В сумерках он провел вороного мимо дома Армандо и поставил в конюшне, привязав в проходе к столбу. Он снял с вороного уздечку, ослабил подпруги, но расседлывать не стал. В доме было темно, и Джон-Грейди вздохнул с облегчением – вдруг там никого нет, – но не успел он порадоваться удаче, как в кухне вспыхнул свет и отворилась дверь. Джон-Грейди не только не обернулся, но даже прибавил шаг, впрочем, тот, кто появился на пороге, и не подумал его окликнуть.

Потом она снова уехала в Мехико, но до отъезда Джону-Грейди удалось еще раз увидеть ее, когда она возвращалась верхом с прогулки в горах. Она сидела в седле, как всегда, прямо

и непринужденно, а за ней чернели грозовые тучи. Алехандра ехала, сдвинув шляпу на лоб и завязав ленты под подбородком, ее черные волосы развевались на ветру. Время от времени за ее спиной черноту туч прорезали молнии, хотя грома слышно не было. Алехандра спускалась по низким холмам, не обращая внимания на ненастье. Уже начал накрапывать дождь, а она не спеша выехала на луг, потом оказалась возле поросшего тростником и как-то вдруг побледневшего на фоне туч озера. Ехала, гордо выпрямившись в седле, пока ее не накрыла пелена ливня – настоящий конь, настоящая всадница, настоящая природа, и в то же самое время – греза, мечта, обман.

Дуэнья Альфонса приходилась Алехандре не только двоюродной бабушкой, но и крестной, и ее присутствие на асьенде казалось дополнительным напоминанием о том, что еще живы фамильные традиции и не прервалась связь времен. За исключением старинных фолиантов в кожаных переплетах, ей принадлежали все книги в домашней библиотеке и фортепьяно. Стоявший в гостиной стереопроектор и пара одинаковых ружей фирмы Гринера в итальянском гардеробе комнаты дона Эктора когда-то принадлежали ее брату. Именно с ним она была изображена на фотографиях у соборов разных городов Европы. Она и ее невестка в белых летних платьях, а также ее брат, в костюме с жилеткой, при галстук и в панаме, с темными усами, темными испанскими глазами и величием гранда. Среди старых портретов в гостиной, на которых краска потрескалась от времени, словно глазурь на старинных чашках, выделялось изображение ее прадеда. Портрет был написан в Толедо в тысяча семьсот девяносто седьмом году. Самым последним по времени был ее собственный портрет в роскошном платье, ростовой, написанный в Росарио по случаю ее пятнадцатилетия в тысяча восемьсот девяносто втором году.

Джон-Грейди не видел ее толком ни разу. Разве что иногда в холле мелькнет силуэт. Он и не подозревал, что она догадывается о его существовании, пока через неделю после отъезда Алехандры в Мехико его не позвали в дом сыграть в шахматы. Когда, надев ради этого случая новую рубашку и новые джинсы, он появился на кухне, Мария все еще мыла посуду после ужина. Она посмотрела на Джона-Грейди, который стоял, держа в руках шляпу.

*Bueno. Te espera*⁶⁸.

Он поблагодарил ее, прошел через кухню в холл, отворил дверь в столовую и остановился. Дуэнья Альфонса встала из-за стола и чуть наклонила голову:

Добрый вечер. Пожалуйста,ходи. Я сеньорита Альфонса.

На ней была темно-серая юбка и белая плиссированная блузка. Ее седые волосы были собраны в пучок, и она очень походила на учительницу, каковой, впрочем, в свое время и была. По-английски говорила с британским акцентом. Она вытянула руку, и Джон-Грейди чуть было не подскочил, чтобы пожать ее, но все же сообразил, что ему просто указывают на стул.

Добрый вечер, мэм. Меня зовут Джон-Грейди Коул.

Прошу садиться. Рада тебя видеть.

Спасибо, мэм.

Он отодвинул стул, сел, положил шляпу на соседний стул, а сам устался на шахматную доску, которую она чуть пододвинула к нему. Доска, сделанная из древесины грецкого ореха и клена «птичий глаз», по краям была инкрустирована жемчугом, а фигуры вырезаны из слоновой кости и черного рога.

Мой племянник не желает играть со мной. Я громлю его... Я правильно сказала – громлю?

Да, мэм.

---

⁶⁸ Хорошо. Она тебя ждет (исп.).

Как и Джон-Грейди, она оказалась левшой или, по крайней мере, играя в шахматы, переставляла фигуры левой рукой. Мизинец и безымянный палец у нее отсутствовали, но Джон-Грейди заметил это, лишь когда игра была в полном разгаре. Наконец он взял ферзя, она улыбнулась и признала себя побежденной. Затем она с явным нетерпением показала жестом, чтобы он расставлял фигуры для новой партии. Он быстро завладел двумя конями, потом съел слона, но она сделала один ход, другой, и ему пришлось задуматься. Он уставился на доску, и вдруг у него возникло подозрение, уж не решила ли она, что он нарочно сдает игру. Ведь он и впрямь неосознанно стремился к этому, но она-то поняла это еще до того, как он сам разобрался в своих намерениях!

Джон-Грейди откинулся на спинку стула, не сводя глаз с доски. Дуэнья Альфонса смотрела на него с явным любопытством. Он снова наклонился над доской, двинул вперед слона, и она получила мат в четыре хода.

Я свалила дурака. Когда пошла конем. Это был грубый промах. А ты отлично играешь. Спасибо, мэм. Вы тоже очень хорошо играете.

Она подняла рукав блузки и посмотрела на маленькие серебряные часики. Джон-Грейди сидел не шелохнувшись. Вообще-то, ему следовало лечь спать еще два часа назад.

Ну, может, еще одну?

Хорошо, мэм.

Она разыграла неизвестный ему дебют. В конце концов он потерял ферзя и сдался. Она улыбнулась и торжествующе посмотрела на него. Вошел Карлос с чайным подносом, поставил его на стол, а она отставила доску, придвинула к себе поднос и стала расставлять чашки и тарелки. На одной тарелке был нарезанный пирог, на другой крекеры, на третьей несколько сортов сыра. Кроме того, там была вазочка с чем-то темным и в ней серебряная ложка.

Ты пьешь чай со сливками?

Нет, мэм.

Она кивнула и стала наливать чай.

Вряд ли мне удастся второй раз так удачно разыграть против тебя этот дебют.

Надо же, первый раз с ним столкнулся!

Я это поняла. Его придумал ирландский гроссмейстер Поллок. Я боялась, что ты знаешь это начало.

Я хотел бы еще разок увидеть его.

Увидишь.

Она пододвинула к нему поднос:

Угощайся.

Если я все это съем, мне будут сниться кошмары. Поздновато уже...

Она улыбнулась, потом взяла с подноса и развернула льняную салфетку:

Мне часто снятся странные сны. Но боюсь, что они не имеют отношения к тому, что я ела, задумчиво сказала она.

Да, мэм.

У снов очень долгая жизнь. Мне и сейчас снятся те же сны, которые я видела в детстве. Удивительное постоянство для чего-то столь эфемерного...

Полагаете, они что-нибудь значат?

Дуэнья Альфонса посмотрела на него с удивлением:

Конечно. Сны всегда что-то значат. Ты разве так не считаешь?

Ну, не знаю... Это ведь ваши сны...

Она снова улыбнулась:

Что же с того? Это вовсе не делает их хуже. А где ты научился играть в шахматы?

Отец научил.

Он, наверное, отличный шахматист?

Лучшего шахматиста, чем он, я не встречал.

А ты у него выигрывал?

Иногда. После того как он вернулся с войны, я начал его побеждать. Но он, похоже, не играл в полную силу. Он вообще потерял интерес к шахматам и теперь совсем их забросил.

Жаль.

Мне тоже жаль, мэм.

Она снова наполнила чашки.

Пальцы я потеряла из-за несчастного случая на охоте. Стреляла голубей. Правый ствол разлетелся вдребезги. Тогда мне было семнадцать. Столько же, сколько сейчас Алехандре. Я правильно поняла? Тебе ведь хотелось узнать, что у меня с рукой. Любопытство в порядке вещей. Ну а я попробую угадать, откуда у тебя шрам на щеке. Это лошадь, да?

Да, мэм. Я сам виноват.

Она внимательно посмотрела на него, и в глазах ее появилась симпатия. Потом она улыбнулась:

Шрамы обладают удивительным свойством. Они напоминают о том, что наше прошлое реально. И не позволяют нам забывать о событиях, которые оставили эти шрамы, верно?

Конечно, мэм.

Алехандра пробудет у матери в Мехико две недели. А потом вернется сюда на все лето.

Он судорожно сглотнул.

Какой бы я ни казалась со стороны, я не из тех, кто коснеет в старине и ветхих традициях. Но этот мир тесен. Очень тесен. Мы с Алехандрой часто спорим. Даже ругаемся. Она напоминает мне меня в семнадцать лет. Порой мне кажется, что я вступаю в спор с собственным прошлым, с собственным «я». В детстве я чувствовала себя несчастной по причинам, которые теперь утратили значение. Но то, что нас объединяет – меня и мою племянницу...

Она вдруг осеклась, отодвинула в сторону чашку с блюдцем, и на полированной поверхности стола остался запотевший след, который сразу начал быстро уменьшаться и вскоре исчез. Дуэнья Альфонса устремила взгляд на Джона-Грейди.

Видишь ли, в юности мне было не к кому обратиться за советом. Впрочем, я, наверное, все равно не стала бы никого тогда слушать. Я выросла в мужском обществе. Мне казалось, что это поможет мне в будущем нормально жить в мире мужчин, но выяснилось, что это не так. У меня был мятежный нрав, и я легко распознаю его в других. Но я никогда не хотела ничего ломать... Ну, кроме разве что того, что норовило сломать меня. Природа вещей, которые способны человека сломать, меняется и со временем, и с возрастом. В молодости это социальные условности, власть старших. Потом приходят болезни. Но мое отношение к этим вещам не изменилось. Ни на йоту.

Джон-Грейди молча слушал ее, а она продолжала:

Пойми: конечно же, я с симпатией отношусь к Алехандре. Даже когда она вытворяет бог знает что. Но я не хочу, чтобы она потом горевала. Я не хочу, чтобы на ее счет злословили, обливали грязью. Я прекрасно представляю, что это такое. Она-то считает, что ей все нипочем. Наверное, в идеальном мире досужие толки и сплетни не несут печальных последствий. Но я имела возможность убедиться, к чему они приводят в реальной жизни. Все может кончиться весьма плачевно. Может случиться кровопролитие. И даже смерть. В нашей семье есть тому примеры. Алехандра считает все это пустыми условностями, чушью, на которую не стоит обращать внимание, пережитком прошлого...

Она сделала покалеченной рукой жест, который одновременно мог означать и несогласие, и завершение фразы, потом снова сложила руки и посмотрела на Джона-Грейди.

Ты младше, чем она, но все равно вам незачем кататься по округе вдвоем, без сопровождения. Когда слухи об этом дошли до меня, я подумала: не поговорить ли сначала с ней, но все-таки решила, что не стоит.

Она откинулась на спинку стула. Джон-Грейди слышал, как тикают часы в холле. Из кухни не доносилось ни звука. Дуэнья Альфонса смотрела на него в упор.

Что вы от меня хотите, мэм?

Чтобы ты с уважением относился к доброму имени девушки.

Я и в мыслях не держал ничего другого.

Она улыбнулась:

Я тебе верю. Но ты должен понять и меня. Ты не в своей стране. А у нас репутация женщины – ее единственное достояние.

Да, мэм.

Здесь такие вещи не прощаются.

Не понял.

Женщинам тут ничего не прощают. Мужчина может потерять свое доброе имя, а затем восстановить его. Для женщины это исключено. У нее нет такой возможности.

Они сидели и молчали. Дуэнья Альфонса внимательно следила за выражением лица Джона-Грейди. Он побарабанил пальцами по тулье лежавшей на соседнем стуле шляпы и поднял глаза.

Мне кажется, это неправильно, наконец сказал он.

Неправильно? Да, наверное, отчасти это так.

Она повела рукой, словно вспоминала о чем-то забытом, потом сказала:

Не в этом дело. Правильно или неправильно тут не важно. Ты должен это понять. Важно, кто должен принимать меры. В данном случае это моя обязанность. Вот мне и приходится это делать.

Джон-Грейди снова услышал тиканье часов. Дуэнья Альфонса продолжала пристально смотреть на него. Он взял шляпу, встал:

Я только хочу сказать, что вам не обязательно надо было приглашать меня сюда, чтобы сообщить об этом.

Верно. Поэтому я с трудом заставила себя на это пойти.

Со столовой горы в мрачном закатном освещении им было хорошо видно, как на севере собирается гроза. Внизу в саванне нефритовые пятна озер казались просветами, открывавшими еще одно небо. На западе под тяжелой шапкой туч проступали кровавые полосы, словно кувалда грома наносит тучам страшные раны.

Джон-Грейди и Ролинс сидели по-турецки на земле, которая сотрясалась от раскатов грома, и подкладывали в костер остатки старой ограды. Из полутьмы то и дело вылетали птицы и сразу же на севере, словно горящий корень мандрагоры, появлялась очередная молния.

Что еще она тебе сказала? – спросил Ролинс.

Да в общем-то, больше ничего.

Думаешь, ее попросил поговорить Роча?

Думаю, она говорила от своего собственного имени.

Значит, она решила, что ты положил глаз на хозяйскую дочку?

Но ведь так оно и есть.

Вплоть до того, чтобы жениться?

Джон-Грейди посмотрел в огонь:

Не знаю. Об этом я не думал.

Ролинс усмехнулся.

Джон-Грейди посмотрел на Ролинса, потом на огонь.

Когда она возвращается? – спросил Ролинс.

Что-нибудь через неделю.

Не понимаю, почему ты вдруг решил, что она так уж на тебя запала.

Зато я понимаю.

Костер зашипел – в него начали падать первые капли дождя. Джон-Грейди посмотрел на Ролинса:

Не жалеешь, что приехали сюда?

Пока нет.

Они сидели, прикрывшись дождевиками, и говорили из-под капюшонов, словно обращаясь к темноте.

Старику ты, конечно, нравишься, говорил Ролинс. Но это вовсе не значит, что он будет сидеть и смотреть, как ты волочишься за его дочкой.

Знаю.

У тебя на руках нет козырей, приятель.

Знаю.

Кончится тем, что нас обоих вытурят отсюда в три шеи.

Они смотрели на костер. Столбы от ограды сгорели, а проволока осталась. Скрученная, она была отчетливо видна на фоне догорающих углей, и некоторые ее витки раскалились докрасна. Казалось, в металлических жилах пульсирует кровь. Из темноты появились кони и остановились как раз на границе света и тьмы. Они стояли под дождем – гладкие, темные, и их красные глаза горели в ночи.

Ты так и не сказал мне, что ты ей ответил.

Обещал сделать все, что она попросит.

И что она попросила?

Да пока ничего.

Они замолчали, глядя в костер.

Ты ей дал слово?

Сам толком не знаю – дал, не дал...

Но ты или дал слово, или нет. Иначе не бывает.

Я и сам так подумал бы. Но я – вот честно – сам не знаю.

Пять дней спустя Джон-Грейди уже спал у себя в каморке, когда раздался стук. Он сел в постели. За дверью явно кто-то стоял. Сквозь щели между досками пробивался свет.

Memento, сказал он.

Он встал, натянул в темноте брюки и отворил дверь. За порогом с фонариком в руках, направив луч в землю, стояла Алехандра.

Кто там?

Это я, прошептала Алехандра.

Она подняла луч фонарика вверх, словно подтверждая, что она это она. Джон-Грейди растерялся. Не знал, что и сказать.

Который час? – наконец спросил он.

Не знаю. Наверное, одиннадцать.

Он бросил взгляд через узкий проход на дверь каморки конюха.

Мы разбудим Эстебана, прошептал он.

Тогда пригласи меня к себе.

Он сделал шаг назад, и она прошла мимо, обдав его запахом духов и шурша платьем. Он поспешно закрыл дверь, опустил задвижку и обернулся к ней.

Лучше я не буду зажигать свет, сказал он.

Не надо. Движок все равно не работает. Ну, что она тебе сказала?

Разве она тебе ничего не говорила?

Говорила, конечно. Но я хочу услышать от тебя.

Присесть не хочешь?

Алехандра устроилась на краешке кровати, подогнув под себя ногу. Горящий фонарик она сначала положила на кровать, а потом спрятала под простыню, отчего комната озарилась мягким сиянием.

Она не хочет, чтобы нас видели вместе, сказал Джон-Грейди.

Наверное, Армандо наябедничал. Когда ты ставил в конюшню вороного.

Наверное.

Не потерплю, чтобы она мной командовала, сказала Алехандра.

Необычное освещение придавало ей театральный, загадочный вид. Она провела рукой по одеялу, словно что-то с него стряхивая. Потом посмотрела на Джона-Грейди. Ее лицо было бледным и серьезным. Глаза почти совсем спрятались в тенях и лишь иногда напоминали о себе, поблескивая. Горло чуть подрагивало. В лице и фигуре появилось нечто новое. То была печаль.

Я думала, ты мне друг.

Да я... Ты только скажи, что мне сделать. Я сделаю...

На дороге, ведущей к озеру, ночная роса прибила пыль, и вот они уже едут рядом – шагом, без седел и уздечек, управляя веревочными недоузками. Тихо вывели лошадей под уздцы через ворота на дорогу, сели и поехали к съезаге, туда, где на западе взошла луна; за сара-ями, в которых стригут овец, подняли лай дворовые собаки, им из вольеров стали отвечать борзые, а он только закрыл ворота и повернулся к ней, подставил сложенные руки, чтобы ей было легче сесть на коня, а потом отвязал своего жеребца от ворот и, встав ногой на поперечину, сам сел верхом, и вот они уже едут рядом по дороге к озеру, а на западе всходит луна, похожая на белую салфетку, повешенную на провода, и тихо-тихо, только отдаленный лай собак...

Иногда они возвращались только на рассвете. Джон-Грейди ставил жеребца в стойло, шел на кухню завтракать, а потом, час спустя, встречался с Антонио на конюшне, и они шли мимо дома геренте в загон, где томились в ожидании кобылы.

Бывало, ездили на запад, к столовой горе, что в двух часах езды от усадьбы. Иногда он разводил костер, и они сидели и смотрели туда, где в море тьмы слабо поблескивали огоньки на воротах. Подчас им казалось, что эти огоньки начинают двигаться оттого, что мир, простирающийся внизу, начинает вращаться вокруг какой-то новой, иной оси. Они смотрели, как с неба падают звезды, сотни звезд, и она рассказывала ему об отце, его семье, о своей жизни в Мехико.

На обратном пути сворачивали к озеру, лошади заходили по грудь и пили воду, по ее черной поверхности бежали круги, и звезды в озере начинали качаться и подпрыгивать, а когда в горах шел дождь, у озера делалось еще теплее, и одной такой ночью он уехал от нее по берегу, через ивняк и осоку, соскользнул с жеребца и сбросил сапоги, одежду и вошел в озеро вслед за луной, что убегала от него по черной глади, и где-то в камышах крикали утки. Вода была черной и теплой, он зашел поглубже и раскинул руки в воде, которая была как темный шелк, и он повернулся и стал смотреть туда, где рядом с конем на берегу стояла она, и вдруг он увидел, что она стала раздеваться и, оставив одежду, бледная, словно хризалида, вошла в воду.

Она шла к нему, а потом на полпути остановилась и оглянулась. Стояла в воде и дрожала, но не от холода, потому что было очень тепло. Не говори ей ничего. Не окликай ее... Когда она подошла к нему и протянула руку, он взял ее ладонь в свою. На фоне ночной черноты Алехандра была такой белой, что казалось, она светится тем самым холодным светом, что и луна в небе или светлячки в ночном лесу. Сначала ее длинные волосы развевались за спиной, потом поплыли по воде. Она обняла его свободной рукой и посмотрела на луну... – не говори ей ничего, не окликай ее... Но тут она к нему повернулась. Как сладко это воровство, как чудно похищение запретной плоти. А то, что изменил своему слову, от этого еще и слаще.

Цапли, дремавшие на одной ноге в камышах, стали вынимать из-под крыльев клювы и смотреть на них.

¿*Me quires?*⁶⁹ – спросила она.

Боже мой, да! – ответил он и назвал ее по имени. Да, да, да...

Джон-Грейди пришел с конюшни умытый и причесанный и сел на ящик рядом с Ролинсом около барака под навесом в ожидании ужина. Сидят, курят. Из барака доносились голоса и смех пастухов. Потом вдруг тишина. Из дверей вышли двое вакерос и остановились, глядя на дорогу. Ролинс повернул голову туда, куда смотрели они. По дороге гуськом ехали пятеро конных полицейских на крепких и сытых лошадях. Полицейские были в форме цвета хаки, у каждого в кобуре пистолет, а у седла чехол с винтовкой. Когда поехали мимо барака, старший повернул голову, разглядывая тех, кто стоял в дверях, и тех, кто сидел под навесом. Затем они скрылись за домом геренте. Полицейские приехали с севера. В наступающих сумерках они направлялись к крытому черепицей дому хозяина асьенды.

Когда поздно вечером Джон-Грейди возвращался на конюшню, у дома под пеканами стояли пять лошадей. Они не были расседланы и утром исчезли. Следующей ночью Алехандра пришла к нему в постель и приходила так девять ночей подряд. Она закрывала за собой дверь каморки, включала свет и опускала задвижку, а потом сбрасывала с себя одежду и оказывалась рядом с ним на узкой кровати, обдавая его запахом духов, накрывая волной густых длинных волос. Она совершенно забыла об осторожности и только повторяла: «Мне все равно... Мне все равно». А когда он зажимал ей рот ладонью, чтобы она не стонала, она прокусывала ему руку до крови. А потом засыпала, положив голову ему на грудь, а он никак не мог заснуть. Потом, когда небо на востоке начинало сереть, она вставала и шла на кухню завтракать, словно просто очень рано проснулась.

Потом она снова уехала в Мехико. На следующий вечер, возвращаясь к себе, он увидел Эстебана и заговорил с ним, и старик ответил, глядя куда-то в сторону. Джон-Грейди умылся и отправился в дом на кухню, где пообедал, после чего асьендадо позвал его в столовую, где они уселись за большой стол и стали просматривать амбарную книгу. Асьендадо задавал вопросы и делал пометки против кличек кобыл. Потом откинулся на спинку стула и, молча куря сигару, уставился в стол, постукивая карандашом по полированной крышке. Затем он поднял взгляд на Джона-Грейди:

Хорошо. Как подвигается чтение Гусмана?

До второго тома еще не добрался.

Гусман великолепен, сказал дон Эктор с улыбкой. А по-французски ты не читаешь?

Нет, сэр.

Чертовы французы отлично пишут о лошадях. В бильярд играешь?

Простите, не понял, сэр?

В бильярд, говорю, не играешь?

Немного играю. Во всяком случае, в пул умею.

В пул? Понятно. Не хочешь сыграть?

С удовольствием.

Отлично.

Асьендадо закрыл амбарную книгу, отодвинул стул, встал. Джон-Грейди последовал за ним в холл. Они прошли через библиотеку, гостиную и остановились у двойных дверей в ее дальнем конце. Асьендадо распахнул двери, и они оказались в темной комнате, где пахло плесенью и старым деревом.

---

⁶⁹ Любишь меня? (исп.)

Дон Эктор дернул за шнур выключателя, и зажглась затейливой формы кованая люстра. Под ней стоял старинный стол на ножках, украшенных резными львами. Стол был закрыт желтой клеенкой, а люстра свисала с двадцатифутового потолка на обычной железной цепи. В дальнем конце комнаты виднелся очень старый резной алтарь, над которым висела деревянная скульптура Христа в полный рост. Дон Эктор обернулся к Джону-Грейди:

Вообще-то, я играю довольно редко. Надеюсь, ты не ас?

Нет, сэр.

Я просил Карлоса хорошенько выровнять стол. Когда мы играли в последний раз, у него был заметный уклон. Поглядим, как он поработал. Зайди с той стороны. Я скажу тебе, что делать.

Они оказались на противоположных концах стола и начали скатывать клеенку к центру, затем сняли ее, и дон Эктор унес ее в угол и положил на стулья.

Когда-то здесь была домашняя церковь. Ты, надеюсь, не суеверен?

Вроде нет, сэр...

Но теперь она как бы десакрализована. Это делается так: приходит священник и произносит какие-то слова... Альфонса разбирается в этом лучше, чем я. Но бильярдный стол стоит тут уже давно. Многие годы... А церковь остается церковью, какие бы слова ни произносились. Я вообще не уверен, что слова могут что-то изменить. Святое свято всегда. Возможности священника не так велики, как представляется многим. Но конечно, месс тут не служили уже много-много лет.

Сколько?

Дон Эктор стоял у полки красного дерева и разбирал кии. Услышав вопрос, обернулся к Джону-Грейди и сказал:

Именно здесь я получил первое причастие. Должно быть, это и было последней мессой. Это произошло, если не ошибаюсь, в тысяча девятьсот одиннадцатом году... Нет, я не позволю священнику все испортить, задумчиво произнес он. Лишать церковь ее святости? Зачем? Мне приятно сознавать, что Господь незримо присутствует здесь. В моем доме...

Дон Эктор расставил шары, шар-биток передал Джону-Грейди. Шар был из слоновой кости и пожелтел от времени. Джон-Грейди разбил составленный из шаров треугольник, и начали партию. Асьендадо без труда обыгрывал Джона-Грейди, легко расхаживая вокруг стола и уверенными движениями меля свой кий. Он играл не торопясь, долго изучая позицию и объявляя удары по-испански. Одновременно он рассказывал Джону-Грейди о революции, о мексиканской истории, о дуэнье Альфонсе и о президенте Франсиско Мадеро, который, по его словам, родился в Паррасе, в этом же штате.

Наши семьи тогда очень дружили, и Альфонсита, кажется, была помолвлена с Густаво, братом Франсиско. Впрочем, наверняка утверждать не могу. Так или иначе, все равно мой дед об этом браке не желал и слышать. Братья Мадеро придерживались слишком уж радикальных взглядов. Конечно, Альфонсита тогда была уже не маленькая и вполне имела право распоряжаться своей судьбой, но увы... Короче говоря, она так и не простила этого своему отцу, что причиняло ему душевную боль, с которой он и сошел в могилу... *El cuatro*⁷⁰.

Дон Эктор наклонился, послал четвертый шар вдоль борта, потом выпрямился и принялся опять мелить свой кий.

Правда, в конечном счете это оказалось не важно. Семья Мадеро распалась. Оба брата были убиты.

Какое-то время дон Эктор сосредоточенно изучал расположение шаров на столе, потом опять заговорил:

---

⁷⁰ Четвертый (исп.).

Как и братья Мадеро, Альфонсита училась в Европе. Как и они, приняла близко к сердцу революционные идеи.

Он сделал рукой тот же самый странный жест, который Джон-Грейди запомнил у дуэньи Альфонсы, когда они играли в шахматы.

В общем-то, она так и не рассталась со своими пламенными идеями... *Catorce*⁷¹.

Дон Эктор наклонился, ударил, потом выпрямился и стал мелить свой кий. Потом покачал головой и заговорил вновь:

То, что годится для одной страны, не подходит для другой. Мексика – это вам не Европа. Впрочем, это сложный вопрос... Дед Мадеро был моим падрино... Крестным. Дон Эваристо. Это было одной из причин, по которым мой дед оставался верен ему до конца. Дон Эваристо был удивительным человеком. Очень добрым. Очень честным. Сохранял лояльность режиму Диаса. Когда Франсиско опубликовал свою книгу, дон Эваристо никак не хотел поверить, что это он ее написал. Впрочем, в книге не было ничего ужасного. Возможно, сбивало с толку только то, что ее автор – состоятельный молодой асьендадо... *Siete*⁷².

Дон Эктор наклонился и с треском вогнал седьмой шар в боковую лузу. Потом обошел стол кругом.

Они поехали учиться во Францию. Он и Густаво. И многие другие их сверстники. Вернулись полные разных идей. Но при этом согласия между ними не было. Ну что тут скажешь? Родители отправили детей в Европу за новыми идеями, так? Отлично. Дети поехали, старательно учились и набрались этих самых новых идей. Но когда они вернулись и открыли чемоданы, в их багаже не нашлось ничего общего.

Дон Эктор сокрушенно покачал головой, словно то, как стояли шары, внушало ему тревогу.

Им удавалось прийти к согласию только насчет фактов. Насчет фамилий и названий, важнейших дат... Но только не насчет идей... Люди моего поколения в этом смысле проявляют куда большую осторожность. Мы все-таки не верим, что можно улучшить человеческую природу, апеллируя к рассудку. Нет, это чисто французская идея.

Он намелил кий, сделал шаг, другой, потом наклонился, ударил и снова принялся изучать положение шаров на столе.

Будь бдительным, храбрый рыцарь. Нет чудища страшнее, чем разум.

Дон Эктор посмотрел на Джона-Грейди, улыбнулся, потом перевел взгляд на стол.

А это мысль Дон Кихота. Очень испанская... Но даже великий Сервантес не предполагал, что может возникнуть такая страна, как Мексика. Альфонсита говорит, что я просто эгоист и потому не хочу послать Алехандру учиться. Возможно, она права... Наверное, так оно и есть. *Diez*⁷³.

Куда она хочет ее послать?

Асьендадо наклонился над столом, готовый ударить. Потом внезапно выпрямился и посмотрел на гостя.

Во Францию. Послать ее учиться во Францию.

Он снова принялся мелить кий, изучая позицию.

Но почему я так волнуюсь? Она просто возьмет и уедет. Если ей захочется. Кто я такой? Ну что с того, что я отец? Что такое отец? Ровным счетом ничего.

Он наклонился, ударил, и очень неудачно. Потом отошел от стола на несколько шагов.

Видишь? Эти мысли вслух только мешают играть. Думать вредно. Французы проникли в мой дом и испортили мне игру. Они способны на любую пакость.

---

⁷¹ Четырнадцатый (исп.).

⁷² Седьмой (исп.).

⁷³ Десятый (исп.).

Джон-Грейди сидел на кровати в темноте и держал в руках подушку, уткнувшись в нее носом. Вдыхал запах Алехандры, пытаясь воскресить в памяти ее образ, услышать ее голос. Шепотом повторил сказанные ею слова: «Ты только скажи, что мне сделать. Я сделаю». Те самые слова, которые до этого он говорил ей. Она положила голову ему на грудь и плакала, а он обнимал ее, но не знал, что сказать. А утром она уехала.

В следующее воскресенье Антонио пригласил его в дом брата на обед, а потом они сидели под навесом у кухни, покуривали самокрутки и говорили о лошадях. Потом переключились на другие проблемы. Джон-Грейди поведал Антонио о том, как играл в бильярд с асьендадо, а Антонио, сидя в плетеном кресле с парусиновым сиденьем и придерживая на коленях шляпу, внимал ему с приличествующей серьезностью, посматривая на горящую сигарету и кивая. Джон-Грейди говорил, а сам смотрел на видневшиеся за деревьями белые стены хозяйского дома с его красной черепичной крышей.

*¿Digame, cuál es la peor: que soy pobre o que soy americanos?*⁷⁴

Вакеро покачал головой.

*Una llave de oro abre cualquier puerta*⁷⁵, сказал он.

Антонио посмотрел на Джона-Грейди, сбил пепел с кончика сигареты и заметил, что Джон-Грейди, наверное, хотел бы знать его мнение, хотел бы услышать его совет, но кто может дать ему совет!

Джон-Грейди посмотрел на вакеро и сказал, что тот, конечно же, прав. Еще он сказал, что, когда она вернется, он серьезно поговорит с ней, чтобы понять, что у нее на сердце. Вакеро еще раз посмотрел на него, потом перевел взгляд на дом с белыми стенами и смущенно сказал, что она здесь, что она уже вернулась.

*¿Cómo?*⁷⁶

*Sí. Ella está aquí. Desde ayer*⁷⁷.

Он не мог заснуть до самого рассвета. Прислушивался к тишине в конюшне. Там изредка шевелились во сне кони и чуть слышно сопели. Утром пошел в барак завтракать. В дверях кухни стоял Ролинс и внимательно смотрел на него.

У тебя такой вид, будто на тебе всю ночь верхом ездили.

Они сели за стол, начали есть. Ролинс откинулся на спинку стула и вытащил кисет.

Я все жду, когда же ты начнешь разгружать фургон своего сердца. А то мне пора работать.

Да я просто тебя пришел повидать.

Что-то случилось?

Разве для этого что-то должно случиться?

Вовсе не обязательно.

Вот именно.

Джон-Грейди чиркнул спичкой о низ столешницы, прикурил, потом затушил спичку, бросил в тарелку.

Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, сказал Ролинс.

Джон-Грейди допил кофе, поставил чашку на тарелку, туда же положил ложку. Встал, надел шляпу, лежавшую рядом, потом взял тарелки, чтобы отнести в мойку.

Ты тогда сказал, что ничего не имеешь против того, чтобы я туда перебрался, верно?

Я ничего не имел против того, чтобы ты туда перебрался.

---

⁷⁴ Скажи, что тут хуже – что я беден или что я американец? (исп.)

⁷⁵ Золотой ключ открывает любую дверь (исп.).

⁷⁶ Как? (исп.)

⁷⁷ Так. Она здесь. Со вчерашнего дня (исп.).

Вот именно, кивнул Джон-Грейди.

Ролинс смотрел ему в спину, когда он, отнеся тарелки в мойку, направился к двери. Он думал, что Джон-Грейди обернется и что-нибудь скажет, но ошибся.

Весь день Джон-Грейди работал с кобылами, а под вечер услышал, как зарокотал мотор самолета. Он вышел из конюшни и стал озираясь. Из-за деревьев на фоне неба, освещенного последними лучами солнца, показался красный самолет, накренился, сделал вираж, потом выровнялся и полетел на юго-запад. Джон-Грейди, разумеется, не мог видеть, кто летел в самолете, но тем не менее смотрел ему вслед, пока тот не растаял в небе.

Два дня спустя он и Ролинс опять отправились в горы. Они порядком измучились, сгоняя табуны диких лошадей из горных долин, и устроили ночевку на прежнем месте, на южном склоне Антеохоса, где в свое время останавливались с Луисом. Поужинали фасолью и козлятиной, заворачивая еду в тортильи и запивая черным кофе.

Нам больше не придется много здесь бывать, верно?

Похоже, что так, кивнул Джон-Грейди.

Ролинс пил кофе и поглядывал на костер. Внезапно из темноты одна за другой возникли три борзые и стали кружить у костра – призрачные существа, похожие на скелеты, обтянутые кожей. Глаза их рдели, отражая пламя костра. От неожиданности Ролинс привстал, пролив кофе.

Это еще что за чертовщина?

Джон-Грейди стоял, вглядываясь во тьму. Борзые исчезли столь же внезапно, как и появились.

Какое-то время они постояли, ожидая, что будет дальше. Но вокруг царил тишина.

Черт знает что, буркнул Ролинс.

Он отошел от костра, прислушался, потом посмотрел на Джона-Грейди:

Может, покричать?

Не надо.

Эти собаки разгуливают не сами по себе.

Знаю.

Думаешь, это он нас разыскивает?

Если захочет, он может и так нас найти.

Ролинс подошел к костру, налил себе еще кофе и снова прислушался.

Наверное, он где-то там, в горах, со своими друзьями.

Джон-Грейди промолчал.

Ты со мной не согласен? – спросил Ролинс.

Утром они подъехали к загону в ущелье, ожидая увидеть асьендадо с компанией, но там никого не оказалось. И в последующие дни никаких признаков присутствия дона Эктора в этих краях они не заметили. Три дня спустя они свернули лагерь и отправились на асьенду, гоня перед собой одиннадцать молодых кобыл. На место прибыли уже затемно, загнали лошадей в корраль и пошли в барак ужинать. За столом еще сидели вакерос, допивая кофе и покуривая, но постепенно все разошлись.

На другой день на рассвете в каморку Джона-Грейди вошли двое с пистолетами, наставили на него фонарик и приказали подниматься.

Джон-Грейди сел на кровати, спустил ноги на пол. Человек, державший фонарь, казался безликим силуэтом, но пистолет в его руке Джон-Грейди видел отчетливо. Это был самозарядный армейский кольт. Джон-Грейди прикрыл глаза ладонью. За порогом стояли люди с винтовками.

*Quién es*⁷⁸, спросил он.

Человек опустил фонарик и велел ему одеваться. Джон-Грейди встал, взял брюки, надел их, сел на кровать и стал натягивать сапоги. Потом потянулся за рубашкой.

*Vámonos*⁷⁹, сказал человек.

Джон-Грейди стоял, застегивал рубашку.

*¿Dónde están sus armas?*⁸⁰ – спросил человек.

*No tengo armas*⁸¹.

Тогда тот обернулся к людям за дверью, сделал знак рукой. В каморку вошли двое и начали ее обшаривать. Они перевернули деревянный ящик из-под кофе, высыпали на пол все его содержимое и стали рыться в рубашках, кусках мыла и бритвенных принадлежностях. Они были в засаленной, почерневшей форме хаки, и от них пахло потом и дымом костров.

*¿Dónde está su caballo?*⁸²

*En el segundo puesto*⁸³.

Vámonos, vámonos.

Они отвели его в седельную, где он взял свое седло, вальтрапы, а Редбо стоял и нервно переминался с ноги на ногу. Они прошли мимо каморки Эстебана, но было не похоже, чтобы старик проснулся. Они светили Джону-Грейди, пока он седлал коня, потом он вывел Редбо наружу. У конюшни Джон-Грейди увидел остальных лошадей. Один из людей в хаки держал мелкашку Ролинса, а сам Ролинс сидел, ссутулившись, в седле на Малыше, руки у него были скованы наручниками, а поводья волочились по земле.

Кто-то из мексиканцев толкнул Джона-Грейди в спину стволом винтовки.

Что происходит, дружище? – спросил он Ролинса, но тот не ответил, а только наклонился, сплюнул и отвел взгляд в сторону.

*No hable. Vámonos*⁸⁴, сказал главный.

Джон-Грейди сел в седло. На него тоже надели наручники, потом сунули в руки поводья. Затем все остальные тоже забрались на своих лошадей и двинулись в открытые ворота. Когда проезжали мимо барака, где жили пастухи, те уже стояли в дверях или сидели на корточках под навесом. Смотрели на всадников. Впереди главный, за ним его первый помощник, потом американцы, а дальше, по двое, остальные шестеро. Они были в форме, в головных уборах и держали карабины поперек седел. Процессия двинулась по дороге на съезагу. И дальше на север.

---

⁷⁸ Кто вы? (исп.)

⁷⁹ Пошли (исп.).

⁸⁰ Где твоё оружие? (исп.)

⁸¹ У меня нет оружия (исп.).

⁸² Где твой конь? (исп.)

⁸³ Во втором деннике (исп.).

⁸⁴ Не разговаривать. Поехали (исп.).

III

Ехали весь день – сначала по низким холмам, потом по плато на столовой горе. Миновали те места, где собирали лошадей, и оказались там, куда попали четыре месяца назад, переправившись через реку. Привал сделали возле ручья и, усевшись на корточки вокруг холодного кострища, перекусили фасолью и тортильями на газетке. Джон-Грейди подумал, что, возможно, эти тортильи испечены на асьенде. Газета издавалась в Монклове. Он ел медленно, потому что мешали наручники, и запивал еду из жестяной кружки, которую можно было наполнять только наполовину – иначе вода начинала вытекать через дырку у отошедшей ручки. Внутренняя часть наручников успела протереться, из-под никелированного покрытия проступало меднение. Его запястья уже сделались бледно-зеленого оттенка. Он ел и смотрел на Ролинса, который сидел чуть поодаль, отвернувшись. Потом все немного поспали под тополями, выпили еще воды, доверху наполнили фляжки и продолжили путь.

В этих местах было заметно теплее, чем на асьенде, и акация цвела вовсю. В горах недавно прошли дожди, и трава в долинах ярко зеленела даже в наступающих сумерках. Время от времени мексиканцы обменивались замечаниями насчет того, что видели в пути, но с американцами в разговоры не вступали. Багровое солнце село в облака, наступил вечер, а они все ехали и ехали. Мексиканцы давно зачехлили карабины и сидели в седлах чуть ссутулившись, глядя перед собой. Часов в десять наконец сделали привал – мексиканцы спешили, велели арестованным сесть на землю среди ржавых консервных банок и головешек от костров, а сами развели огонь и поставили на него синий эмалированный кофейник и такой же котелок. На ужин пили кофе и ели рагу из каких-то волокнистых клубней с кусочками неведомого мяса. Мясо было жестким, а подлива кислой.

На ночь арестантов не только оставили в наручниках, но и приковали к стременам их седел. Всю ночь Джон-Грейди и Ролинс дрожали от холода, тщетно пытаясь согреться под одним тонким одеялом. С восходом солнца путешествие продолжилось, и арестованные были только рады, что ночевка позади.

Переход занял три дня, и наконец Джон-Грейди и Ролинс оказались в уже знакомом им городке Энкантаде. Их усадили на чугунной скамейке аламеда⁸⁵, а чуть поодаль встали двое конвоиров с винтовками. Вскоре вокруг собралось с десяток ребятишек, которые топтались в пыли и глазели на незнакомцев. Среди детей были две девочки лет двенадцати, которые, когда арестованные посмотрели на них, стали прятать глаза и смущенно теревить подола платиц. Джон-Грейди окликнул девочек и спросил, не могут ли они достать сигарет.

Конвоиры угрюмо на него покосились, но он знаками показал, что хочет курить, и девочки дружно повернулись и побежали по улице. Прочие дети остались стоять, где стояли.

Бабник всегда бабник, усмехнулся Ролинс.

Разве ты не хотел бы покурить?

Ролинс сплюнул между расставленных ног, потом посмотрел на Джона-Грейди:

Ничего тебе тут не обломится.

Может, поспорим?

На что?

На сигарету.

Как же ты, интересно, собираешься спорить на сигарету, приятель, когда у тебя ее нет?

Давай поспорим на те сигареты, которые они нам принесут. Если они достанут две сигареты, тогда я возьму и твою. Идет?

А если они ничего не принесут? Что ты мне тогда дашь?

---

⁸⁵ Бульвара (исп.).

Тогда я дам тебе по шее.

Знаешь, если уж заварилась каша, то лучше не тратить время на дурацкие подначки, а думать, как ее расхлебывать. Понять хотя бы, с чего все началось!

То есть ты, выходит, предлагаешь поднапрячься, вспомнить, кто наломал дров, и со спокойной душой свалить все на дорогого друга?

Ролинс промолчал.

Ладно, кончай дуться как мышь на крупу. Давай разберемся, что к чему.

Давай. Когда тебя брали, ты их о чем-нибудь спросил?

Нет, а что толку?

Понятно. Значит, ты решил, что вопросы – лишняя трата времени?

Ну да. А ты это к чему?

К тому, что ты небось не попросил их разбудить хозяина, так?

Так. А ты?

А я попросил.

И что они?

На это их главный сказал, что хозяин не спит, и добавил, что он давно потерял сон. А остальные захохотали.

Думаешь, это все Роча?

А кто же?

Не знаю. Но если это он, то, наверное, кто-то ему про нас наврал с три короба.

Или, наоборот, рассказал правду.

Джон-Грейди уставился на свои руки.

Тебе будет легче, если я признаю себя сукиным сыном и негодяем? – наконец спросил он.

Я этого не говорил.

Повисло тяжелое молчание. Джон-Грейди поднял глаза на Ролинса:

Нельзя вернуться в прошлое и начать все сначала, но и слезами горю не поможешь. И вообще, если даже я ткну пальцем в кого-то другого, лично мне от этого легче не станет.

Мне тоже. Но я сколько раз пытался вразумить тебя, говорил, что ты не прав. От тебя все отскакивало, как от стенки горох. А иногда не мешает прислушаться к голосу рассудка.

Наверное. Но есть вещи, где рассудок ни при чем. Короче, я тот самый Джон-Грейди, с которым ты тогда переплыл реку. Много чего с тех пор случилось, но я не изменился, имей в виду. И я знаю одно: ты мой друг и я тебя не брошу. Я никогда не обещал тебе за рекой райской жизни. Я вообще не давал гарантий, что ты не помрешь. Но и от тебя я гарантий не требовал. Просто я не из тех, кто держится только до тех пор, пока его все устраивает. Либо ты идешь до конца, либо ты говоришь «пас». Но я ни за что не бросил бы тебя, чего бы ты там ни натворил. Вот что я хотел тебе сказать, и больше мне прибавить нечего.

Я тебя не бросал, отозвался Ролинс.

Вот и отлично.

Вернулись девочки. Та, что повыше, подняла руку, и они увидели две сигареты.

Джон-Грейди посмотрел на конвоиров. Увидев сигареты, те жестами показали девочкам, что можно подойти. Девочки подошли к Джону-Грейди и Ролинсу и передали сигареты и несколько деревянных спичек.

*Muy amable*⁸⁶, сказал Джон-Грейди. *Muchas gracias*.

Они зажгли обе сигареты с одной спички, а остальные Джон-Грейди убрал в карман и посмотрел на девочек. Те застенчиво улыбались.

¿Son americanos ustedes?⁸⁷ – спросила одна из них.

---

⁸⁶ Вы очень любезны. Большое спасибо (исп.).

⁸⁷ Вы американцы? (исп.)

Sí.

*¿Son ladrones?*⁸⁸

*Sí. Ladrones muy famosos. Bandoleros*⁸⁹.

Девочки заохали.

*Qué precioso*⁹⁰, сказала одна из них, но тут конвоиры велели им убираться, и девочки послушно удалились.

Друзья сидели, уперев локти в колени, и курили. Потом Джон-Грейди посмотрел на ноги Ролинса.

А где же твои новые сапоги? – спросил он.

Остались в бараке. На асьенде.

Джон-Грейди кивнул. Они сидели и молча курили. Потом появились все остальные полицейские, окликнули двоих охранников, и те знаками велели американцам вставать. Джон-Грейди и Ролинс подчинились, кивнули детям и вышли на улицу.

На северной окраине городка они остановились перед глинобитным зданием с крышей из рифленого железа. Чешуйки старой штукатурки кое-где еще держались на стенах. Все спешились, и Джона-Грейди с Ролинсом ввели в помещение, которое явно когда-то было классной комнатой. Вдоль ближней стены шел поручень и торчали кронштейны, к которым в свое время, наверное, крепилась школьная доска. Пол был из узких сосновых досок, сильно стершихся – скорее всего, оттого, что по ним постоянно ходили в обуви, к подошвам которой прилипал песок. В окнах по обеим стенам выбитые стекла были заменены кусками жести – явно из одной и той же вывески, что создавало причудливую мозаику.

В углу за серым металлическим столом сидел полный человек в хаки. Шея у него была повязана желтым шелковым платком. Равнодушно оглядев арестантов, он небрежно повел рукой, указывая на противоположный конец комнаты. Один из конвоиров снял со стены кольцо с ключами. Американцев вывели из здания и повели через пыльный, заросший сорняками двор к небольшому каменному строению с массивной деревянной дверью, окованной железом.

В двери на уровне глаз имелось квадратное отверстие, затянутое металлической сеткой. Один из конвоиров отомкнул ключом большой висячий замок, открыл дверь и снял с пояса еще одну связку ключей.

*Las esposas*⁹¹, сказал он.

Ролинс поднял руки в наручниках. Конвоир повернул ключ и снял их. Затем настала очередь Джона-Грейди. Дверь заскрипела, застонала и с грохотом закрылась.

В помещении было темно, если не считать света, пробивавшегося через квадратное отверстие в двери. Джон-Грейди и Ролинс стояли с одеялами в руках и ждали, когда глаза привыкнут к темноте. Пол был цементный, и пахло сортиром. Немного погодя кто-то подал голос из угла камеры:

Cuidado con el bote.

Не споткнись о парашу, перевел для Ролинса Джон-Грейди.

А где она?

Не знаю. Главное, не свороти ее.

Ни хрена не видно.

Вы тут? Оба? – раздался из темноты другой голос.

Ролинс медленно повернулся, и на его лице появилась болезненная гримаса.

Господи, только и вымолвил он.

---

⁸⁸ Вы разбойники? (исп.)

⁸⁹ Да, знаменитые разбойники. Бандиты (исп.).

⁹⁰ Вот это да! (исп.)

⁹¹ Наручники (исп.).

Блевинс, ты? – поразился Джон-Грейди.

Ну да.

Джон-Грейди осторожно пошел на голос. Тут же проворно убралась чья-то вытянутая нога, словно змея, заведившая путника. Джон-Грейди присел и уставился на Блевинса. Тот пошевелился, и в скудном свете Джон-Грейди увидел его зубы. Казалось, мальчишка улыбается.

Чего не хочет видеть ковбой, когда он без оружия? – сказал Блевинс.

Давно тут отдыхаешь?

Не знаю. Наверное, давно уже.

Подобрался к ним и Ролинс.

Значит, это ты навел их на нас? – спросил он, глядя на мальчишку сверху вниз.

Ничего я их не наводил.

Они знали, что нас было трое, сказал Джон-Грейди.

Вот именно, поддакнул Блевинс.

Ни черта они не знали. Если бы они вернули себе коня, то на нас бы плюнули. Похоже, этот гаденыш нас подставил, прошипел Ролинс.

Конь, между прочим, мой, с вызовом произнес Блевинс.

Теперь они уже могли как следует рассмотреть его. Он был тощий, грязный и в лохмотьях.

Это они увели у меня коня, седло и револьвер!

Ролинс и Джон-Грейди присели на корточки. Никто ничего не говорил, потом молчание нарушил Джон-Грейди.

Что ты натворил? – спросил он Блевинса.

Ничего особенного. На моем месте всякий поступил бы так же.

Ну а все-таки.

Ты прекрасно знаешь, что именно он натворил, сказал Ролинс.

Значит, ты все-таки вернулся в Энкантаду?

Конечно. А что, нельзя?

Слушай, ты, говно, говори, что натворил! Выкладывай как есть!

Нечего мне выкладывать.

Ну прямо! Так я тебе и поверил, сказал Ролинс.

Джон-Грейди заметил, что у стены сидит старик и не сводит с них глаз.

*¿De qué crimen queda acusado el joven?*⁹² – спросил его Джон-Грейди.

*Asesinato*⁹³, сказал старик, поморгав.

*¿El ha matado un hombre?*⁹⁴

Старик снова заморгал и потом поднял вверх три пальца.

Что он сказал? – спросил Ролинс.

Джон-Грейди не ответил. Ролинс снова подал голос:

Что он сказал? Я и так понимаю, черт возьми, что сказал этот сукин сын...

Он сказал, что Блевинс убил троих.

Вранье, хмыкнул Блевинс.

Ролинс медленно осел на цемент:

Все, нам крышка. Считаю, что мы уже на том свете. Я знал, что этим все кончится. С той минуты, когда впервые увидел этого сучонка.

Знал, не знал... Это нам не поможет, отозвался Джон-Грейди.

Умер из них только один, сказал Блевинс.

---

⁹² В каком преступлении обвиняют этого парня? (исп.)

⁹³ В убийстве (исп.).

⁹⁴ Он убил человека? (исп.)

Ролинс поднял голову, посмотрел на него, потом встал, прошел в противоположный конец камеры и сел там.

Cuidado con el bote, снова предупредил старик.

Джон-Грейди повернулся к Блевинсу.

Вот чё я ему сделал-то? – спросил тот.

Расскажи, что произошло, попросил Джон-Грейди.

Оказалось, Блевинс устроился работать в немецкой семье в Палау, что в восьмидесяти милях к востоку от Энкантады. Когда отработал второй месяц, взял заработанные деньги, сел на коня и, проехав через ту же самую пустыню, привязал коня у того же самого ручья, после чего, одетый как местные, отправился в город. Два дня просидел у магазина, пока не увидел того самого человека, из-за пояса у которого торчала рукоять кольта «бисли» с гуттаперчевыми накладками.

Ну и что же ты сделал? – спросил Джон-Грейди.

А сигаретки не найдется?

Нет. Так что ты сделал?

Жаль, что покурить нечего.

Ладно, давай рассказывай.

Господи, все бы отдал за пару затяжек!

Что ты сделал?

Подкрался сзади да и вытащил у него из-за пояса кольт. Вот и все.

А потом пристрелил его?

Он на меня бросился!

Бросился?

Угу.

И ты его пристрелил?

А что мне еще оставалось делать?

Да уж, усмехнулся Джон-Грейди.

Я не собирался убивать сукина сына. Это вовсе не входило в мои планы.

А что потом?

Меня догнали у ручья, где я привязал коня. Парень, которого я сбил с лошади, выхватил дробовик.

Ну а ты?

А у меня патроны кончились. Я все их расстрелял. Сам виноват.

Ты пристрелил одного из местных?

Да.

Насмерть?

Угу.

Какое-то время они сидели в темноте и молчали. Потом заговорил Блевинс:

А ведь я запросто мог купить патроны в Муньюсе. И деньги у меня были...

Джон-Грейди окинул его взглядом:

Ты хоть соображаешь, во что ты влип?

Блевинс промолчал.

Они не говорили, что собираются с тобой сделать?

Наверное, отправят в исправительную колонию.

И не мечтай.

Почему это?

Потому что для тебя это было бы слишком большой удачей, подал голос из своего угла Ролинс.

Они не могут повесить меня. Мне еще мало лет.

Ради такого дела они тебе пару лет прибавят, сказал Ролинс.

Не слушай его. В Мексике нет смертной казни, сказал Джон-Грейди.

Ты знал, что они нас ищут? – спросил Ролинс.

Ну, знал... А что с того. Что мне было делать? Послать вам телеграмму?

Джон-Грейди молчал. Он решил, что Ролинс как-нибудь ответит мальчишке, но тот ничего не сказал. Тень от решетки косо лежала на дальней стене, словно она расчерчена для игры в крестики-нолики, но из-за душной и затхлой атмосферы в камере квадраты перекосило.

Джон-Грейди расстелил на полу свое одеяло и сел на него.

Они тебя хоть выпускают отсюда? Гулять-то разрешают?

Не знаю.

Это как прикажешь понимать?

Я не могу ходить.

Не можешь ходить?

Ну да, я же сказал тебе.

С чего ты вдруг ходить-то разучился? – снова подал голос из своего угла Ролинс.

С того, что они перебили мне ноги к чертям собачьим, вот с чего!

Они сидели в молчании. Начало темнеть. Старик стал храпеть. Издалека, из поселка, доносились разные звуки. Лай собак. Мать звала ребенка. Где-то в бескрайней ночи радио передавало народные мексиканские мелодии.

В ту ночь Джону-Грейди приснилось, что он на высокогорной равнине, где весенние дожди вызвали к жизни буйную траву и полевые цветы. Ковер из желтых и голубых цветов простирался до бесконечности, а он, Джон-Грейди, по нему бегал вместе с жеребцами. Они носились по этому коврику за кобылами, а жеребята гонялись за матками, приминали цветы, поднимая вверх облачка пылицы, которые на солнце казались крупинками золота, а вокруг сверкали лоснящиеся гневные и рыжие бока и спины. Они мчались по столовой горе, и земля гудела под его ногами и конскими копытами. Кони растекались по долине, словно бурный поток, их гривы и хвосты превращались в пену, а кроме них, в этих высях не было больше никого и ничего, и никто из них – ни он, ни жеребцы, ни кобылы, ни жеребята – не ведал страха. Они были захвачены тем самым волшебным ритмом, который есть дыхание мира и о котором нельзя говорить обычными словами – можно лишь воздавать ему хвалу.

Утром открылась дверь камеры, вошли двое тюремщиков, надели наручники на Ролинса и увели его. Джон-Грейди встал и спросил, куда его ведут, но отвечать ему никто и не подумал. Ролинс вышел, не оглянувшись.

Капитан сидел за своим серым столом, прихлебывал кофе и читал монтерейскую газету трехдневной давности. Поднял взгляд на Ролинса.

Pasaporte, проговорил он.

У меня нет паспорта.

Капитан посмотрел на него с притворным удивлением:

Нет паспорта? А какое-нибудь удостоверение есть?

Ролинс потянулся скованными руками к левому заднему карману брюк. Он, однако, никак не мог просунуть в карман пальцы. Тогда капитан кивнул одному из тюремщиков, и тот вытащил из кармана Ролинса бумажник и подал капитану. Тот откинулся на спинку стула.

*Quita las esposas*⁹⁵.

Тогда тюремщик вытащил связку с ключами, отомкнул наручники Ролинса и, положив их к себе в карман, отошел назад. Ролинс стоял, потирая запястья. Капитан вертел в руках почерневший от пота бумажник. Он посмотрел на него с обеих сторон, покосился на Ролинса.

---

⁹⁵ Снять наручники (исп.).

Затем открыл бумажник, вытащил карточки, вынул простреленные американские деньги, а также целые мексиканские песо. Выложив все это на стол, капитан снова откинулся на спинку стула, сложил руки, постучал указательными пальцами по подбородку и снова посмотрел на Ролинса. Ролинс услышал, как за стеной снаружи заблеяла коза, потом загомонили дети. Палец капитана описал круг.

Повернись.

Ролинс повернулся.

Спусти штаны.

Что-что?

Спусти штаны.

За каким хреном?

Капитан, похоже, сделал какой-то жест, потому что один тюремщик шагнул вперед и, вынув откуда-то из-за спины резиновую дубинку, огрел ею Ролинса по затылку. В глазах Ролинса вспыхнули молнии, все вокруг поплыло, колени подогнулись, и он стал судорожно хватать руками воздух.

Потом он понял, что лежит ничком, уткнувшись носом в щербатый пол, от которого пахнет пылью и хлебом. Момент падения он не помнил. Стал медленно подниматься. Мексиканцы ждали, когда он встанет на ноги. Других дел у них явно не было.

Властям надо оказывать под-мо-же-ство, нравоучительно заметил капитан. Тогда все будет проще. Повернись. И спусти штаны.

Ролинс повернулся, расстегнул ремень, спустил до колен штаны, а потом и дешевые трусы, которые купил тогда в Ла-Веге.

Подними рубашку, приказал капитан.

Ролинс подчинился.

Повернись.

Ролинс повернулся.

Теперь одевайся.

Ролинс опустил рубашку, натянул брюки, застегнул ширинку, привел в порядок ремень.

Капитан между тем рассматривал водительские права Ролинса, которые вынул из бумажника.

Дата рождения?

Двадцать второе сентября тысяча девятьсот тридцать второго года.

Адрес?

Никербокер, Четвертая улица, штат Техас, Соединенные Штаты Америки.

Рост?

Пять футов одиннадцать дюймов.

Вес?

Сто шестьдесят фунтов.

Капитан постучал правами по столу. Потом посмотрел на Ролинса:

У тебя хорошая память. Ну, говори, где этот парень?

Который?

Этот! – Капитан потряс в воздухе правами. Где Ролинс?

Ролинс сглотнул, посмотрел сначала на конвоира, потом на капитана и сказал:

Я и есть Ролинс.

Капитан грустно улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Ролинс стоял, опустив руки.

Почему вы считаете, что Ролинс – это не я?

Зачем вы сюда приехали? – спросил капитан, пропустив мимо ушей реплику Ролинса.

Куда?

В эту страну.
Мы приехали сюда работать пастухами. *Somos vaqueros*.
Говори по-английски. Вы приехали покупать скот?
Нет, сэр.
Так. Разрешения у вас нет, верно?
Мы просто приехали сюда работать.
На ранчо Ла Пурисима?
Да все равно где. Но там нас наняли.
Сколько вам там платили?
Двести песо в месяц.
Сколько платят за такую работу в Техасе?
Не знаю. Наверное, сотню.
Сотню долларов!
Да, сэр.
То есть восемьсот песо?
Вроде так.
Капитан снова грустно улыбнулся:
Почему вам пришлось бежать из Техаса?
Да вовсе нам не пришлось. Мы просто взяли и уехали.
Твое настоящее имя?
Лейси Ролинс.
Он закрыл лицо рукой и мгновенно раскаялся в своем малодушии.
Блевинс твой брат?
Нет. Мы не имеем к нему никакого отношения.
Сколько всего лошадей вы украли?
Мы не крали никаких лошадей.
У ваших лошадей нет клейма.
Они из Соединенных Штатов.
У вас есть *factura* на них? Документы!
Нет. Мы просто приехали сюда из Сан-Анджело, штат Техас. У нас нет никаких бумаг,
но это точно наши лошади.
Где вы перешли границу?
Возле Лэнгтри, штат Техас.
Сколько человек вы убили?
Я никогда никого не убивал. И никогда не воровал лошадей. Это святая правда.
Зачем у вас оружие?
Стрелять дичь. Охотиться. *Cazador*.
Ага, стало быть, теперь вы уже охотники. Ну а где же Ролинс?
Стоит перед вами, черт возьми!
Ролинс чувствовал, что еще немного – и он расплчется.
Как настоящее имя убийцы, который называет себя Блевинсом?
Не знаю.
Вы давно с ним знакомы?
Лично я его не знаю. И ничего про него не могу рассказать.
Капитан отодвинул стул и встал. Он одернул свою форму, чтобы не было морщинок,
потом посмотрел на Ролинса.
Ты ведешь себя очень глупо. Зачем тебе лишние неприятности?

Открыв дверь камеры, они отпустили Ролинса, и он осел на пол. Какое-то время он сидел неподвижно, потом лег на бок, обхватив себя руками. Конвоир поманил пальцем Джона-Грейди, который смотрел на все это, щурясь от внезапного света. Джон-Грейди встал и устремил взгляд на Ролинса:

Сволочи!

Скажи им все, что они хотят услышать, приятель. Их не переубедишь. Плетью обуха не перешибешь, прошептал Ролинс.

Vamonos, сказал конвоир.

Что ты им сказал? – спросил Джон-Грейди.

Что мы конокрады и убийцы. И ты им скажешь то же самое. Скажешь за милую душу, дружище.

Но тут конвоир шагнул к Джону-Грейди, схватил его за руку и вытолкнул из камеры, а второй тюремщик закрыл дверь и навесил замок.

Когда вошли к капитану, тот сидел за столом, как и в первый раз. Его волосы были гладко прилизаны, явно только что. Джон-Грейди оказался перед его столом. У дальней стены стояли еще три складных металлических стула, которые придавали помещению какую-то тревожную незаконченность. То ли люди, сидевшие на этих стульях, почему-то встали и ушли, то ли, напротив, те, кого тут ждали, так и не появились. Над стульями висел старый календарь какой-то сельскохозяйственной компании из Монтерея, а рядом, на высокой тумбе, стояла пустая проволочная клетка для птиц, напоминавшая остов абажура.

Las esposas, приказал капитан.

Тюремщик шагнул к Джону-Грейди и снял с него наручники. Капитан посмотрел в окно, потом взял карандаш и стал постукивать неочиненным концом по нижним зубам. Потом обернулся к Джону-Грейди и дважды пристукнул карандашом по столу – так председатель собрания призывает соблюдать тишину и порядок.

Твой приятель нам все рассказал, сообщил он Джону-Грейди, пристально глядя на него, но Джон-Грейди не опустил глаз. Ты тоже быстро поймешь, что говорить правду больше прибыль. Тогда у тебя не возникнет лишних неприятностей.

Зря вы выбивали из него признания, глухо заговорил Джон-Грейди. Мы ничего не знаем о Блевинсе. Мальчишка попросил, чтобы мы его взяли с нами в Мексику, вот и все. И про коня его нам ничего не известно. Мы только знаем, что гнедой удрал от него во время грозы, а потом уже началась эта заварушка. Но мы с Ролинсом тут ни при чем. Три месяца мы работали на ранчо Ла Пурисима сеньора Рочи, а потом вы приезжаете и рассказываете нашему хозяину разные небылицы. Лейси Ролинс никакой не убийца. И не вор. Это самый обыкновенный техасский парень, который всю жизнь жил в округе Том-Грин и никому зла не делал.

Это преступник Смит.

Его фамилия вовсе не Смит, а Ролинс. И никакой он не преступник. Я знаю его как облупленного. Мы с ним вместе учились в школе...

Капитан откинулся на спинку стула, расстегнул пуговку кармана рубашки, стукнул пальцем по пачке сигарет снизу так, что выскочила одна сигарета, достал ее, не вынимая всей пачки, после чего снова застегнул карман. Рубашка военного образца плотно облегла капитанскую фигуру, и пачка сигарет четко очерчивалась под тканью. Капитан чуть наклонился, вытащил из кармана кителя, висевшего на спинке стула, зажигалку, прикурил, потом положил зажигалку на стол, рядом с карандашом. Пододвинув поближе к себе пепельницу, он снова откинулся на спинку стула, и рука с сигаретой застыла возле уха. В его движениях чувствовалась какая-то нарочитость, казалось, он подражает кому-то, кто пользуется его уважением.

Тебе сколько лет? – спросил он Джона-Грейди.

Шестнадцать. Через полтора месяца исполнится семнадцать.

Ну а сколько лет убийце, который утверждает, что его фамилия Блевинс?

Не знаю. Мне про него вообще мало что известно. Он говорит, что ему пятнадцать. Но он больше смахивает на четырнадцатилетнего. Ему запросто может быть и тринадцать.

У него нет шерсти.

Не понял.

У него нет шерсти. Которая бывает у мужчин.

Не обращал внимания. Меня это как-то не интересовало.

Лицо капитана помрачнело. Он затянулся сигаретой, выпустил клуб дыма, потом вытянул руку ладонью вверх и, щелкнув пальцами, сказал:

*Deme su billetera*⁹⁶.

Джон-Грейди вытащил из кармана штанов бумажник, сделал шаг вперед, положил бумажник на стол и отошел назад. Все это время капитан смотрел на него в упор. Вот наклонился, взял бумажник и стал вынимать из него деньги, карточки, фотографии. Разложив содержимое бумажника на столе, снова устремил взгляд на Джона-Грейди:

Где твоя лицензия на работу?

У меня ее нет.

А, ты ее уничтожил.

Нет, ее у меня просто нет и не было.

Убийца Блевинс – тот вообще без документов.

Очень может быть.

Почему?

Он потерял свою одежду.

Потерял одежду?

Да.

Почему он приехал сюда воровать лошадей?

Это его конь.

Капитан откинулся на спинку кресла, затянулся сигаретой.

Это не его конь, сказал он.

Думайте что хотите, но правда остается правдой.

¿Сóто?

Насколько мне известно, это его конь. Он был на нем в Техасе и на нем же переправился через реку в Мексику.

Капитан побарабанил пальцами по ручке стула.

Не верю.

Джон-Грейди промолчал.

Не слышу фактов, сказал капитан, повернулся на стуле и уставился в окно. Не слышу фактов, повторил он, оглянулся через плечо на арестованного и продолжил: У тебя есть шанс рассказать правду тут. Через три дня ты поедешь в Сальтильо, и там у тебя уже этот шанс не будет. Он исчезал. Правда окажется в руках других людей. Понимаешь, о чем я? Тут мы можем отыскать правду – или потерял навсегда. Но когда ты нас покинешь, будет поздно. Слишком поздно, чтобы рассказать правду. Ты попадешь в руки к другим людям, и никто не угадал сейчас, какой тогда выйдет правда. И когда это случится... Короче, тебе останется лишь пенять на себя. Ты меня понял?

Правда всегда одна, возразил Джон-Грейди. Правда – это то, что случилось на самом деле. А не то, что кто-то себе вообразил.

Тебе нравится наш городок? – внезапно спросил капитан.

Городок как городок.

Здесь очень тихо. И очень мирно.

---

⁹⁶ Дай твой бумажник (исп.).

Наверное.

Местные жители ведут себя здесь тихо. От них нет беспокойства.

Капитан подался вперед и затушил сигарету в пепельнице. Повисло гнетущее молчание. Нарушил его опять капитан:

И вдруг приходит убийца Блевинс. Ворует лошадей. Всех убивает. Почему? Или в Америке это был мальчик, который мухи не обидит, а приехал в Мексику и творить черт-те что?

Капитан откинулся на спинку, грустно улыбнулся и погрозил пальцем Джону-Грейди. И снова заговорил, не спуская глаз с арестованного:

А потому что ничего подобного! Потому что правда выглядит иначе. Блевинс никогда не был тихим мальчиком. Он всегда был таким, как сейчас... Всегда.

Вернув в камеру Джона-Грейди, тюремщики забрали с собой Блевинса. Идти он мог, хотя и с трудом. За ним закрыли дверь и с грохотом задвинули засов, в пробой которого дужкой вставили висячий замок. Замок сперва покачался, погромыхал, потом успокоился. Джон-Грейди присел возле Ролинса.

Ну как ты? – спросил он.

Нормально. А ты?

И я нормально.

Что там было?

Да ничего.

Что ты ему сказал?

Что ты мешок с дерьмом.

Тебя не водили в душевую?

Нет.

Тебя долго не было.

Долго.

У него там на крюке висит белый халат. Он снимает его с крюка, надевает и подвязывается веревкой.

Джон-Грейди кивнул, потом посмотрел на старика. Тот сидел и не спускал с них глаз, хотя и не понимал по-английски.

Блевинс плох, сказал Ролинс.

Да. Похоже, нас переведут в Сальтильо.

Это еще что такое?

Понятия не имею.

Ролинс зашевелился, потом прикрыл глаза.

С тобой точно все в порядке? – спросил его Джон-Грейди.

Да, не беспокойся.

Он, похоже, хочет с нами договориться.

Кто?

Капитан. Хочет предложить сделку.

Какую? Что мы должны делать?

Помалкивать. Он хочет, чтобы мы держали язык за зубами.

Как будто у нас есть выбор. О чем помалкивать-то?

Не о чем, а о ком. О Блевинсе.

В каком смысле?

Джон-Грейди посмотрел сначала на квадратное отверстие в двери, на косую решетчатую тень на стене над головой старика и лишь потом на Ролинса.

По-моему, они хотят его убить. Хотят убить Блевинса.

Ролинс долго сидел и молчал, повернувшись к стене. Когда он снова посмотрел на Джона-Грейди, его глаза подозрительно блеснули.

Может, ты ошибаешься?

Мне кажется, они разделяются с ним.

Суки! Провались они все к такой-то матери!

Привели Блевинса. Он забился в угол и молча сидел там. Джон-Грейди заговорил со стариком, которого звали Орландо. Старик понятия не имел, в каком преступлении его обвиняют. Ему говорили, что как только он подпишет бумаги, сможет проваливать на все четыре стороны, но он был неграмотным, и никто не собирался прочесть ему вслух то, что он должен был подписать. Орландо не мог точно сказать, сколько он уже тут сидит. Помнил только, что посадили его зимой. Пока они разговаривали, опять появились тюремщики, и старик замолчал.

Тюремщики поставили на пол два ведерка, а также стопку эмалированных мисок. Один из них забрал ведро для воды, другой парашу, после чего они молча удалились. Они держались как люди, привыкшие убирать за скотиной. Когда дверь за ними закрылась, заключенные расположились на корточках вокруг ведерок, а Джон-Грейди стал раздавать миски, которых оказалось почему-то пять, словно должен был появиться кто-то еще. Ложек-вилков не принесли, поэтому фасоль приходилось накладывать кусками тортилий.

Эй, Блевинс! Жрать будешь? – спросил Джон-Грейди.

Я не голоден.

Подкрепиться никогда не мешает.

Жрите сами.

Джон-Грейди зачерпнул фасоли куском тортильи, положил лепешку сверху и протянул миску Блевинсу. Тот поколебался, потом взял ее и поставил себе на колени. Через какое-то время он неуверенно заговорил:

Что вы им про меня наговорили?

Ролинс перестал жевать, покосился на Джона-Грейди, который обернулся к мальчишке и ответил:

Чистую правду.

Так я и поверил, проворчал Блевинс.

А ты думаешь, им не все равно, что мы им про тебя скажем? – прошипел Ролинс.

По крайней мере, вы могли бы постараться мне помочь.

Ролинс удивленно посмотрел на Джона-Грейди.

Вроде как замолвить за меня словечко, продолжил Блевинс.

Как это мы не догадались! – фыркнул Ролинс.

Вам-то это ничего бы не стоило...

Заткнись, недоносок! – взорвался Ролинс. Чтобы я больше тебя не слышал! Только пикни – все уши оборву!

Оставь его в покое, устало произнес Джон-Грейди, но Ролинс не унимался:

Сукин ты сын, кретин! Неужели ты думаешь, капитан не знает, кто ты такой? Он раскусил тебя, как только увидел... Нет, он раскусил тебя раньше – еще до того, как ты явился на свет. Чтob ты провалился, недоносок! К чертям в самое пекло...

Казалось, еще немного – и Ролинс разрыдается. Джон-Грейди положил руку ему на плечо: Кончай, Лейси... Успокойся.

Днем снова появились тюремщики, принесли воду и парашу, забрали грязные миски и ведерки из-под еды.

Интересно, как там наши лошадки, подал голос Ролинс.

На это Джон-Грейди только покачал головой.

Ло-шад-ки, повторил старик. *Caballos*.

Sí, caballos, кивнул ему Джон-Грейди.

В камере сделалось жарко. Заключенные прислушивались к звукам, доносившимся из поселка. Время от времени по дороге проезжали на лошадях. Джон-Грейди спросил у старика,

не обижают ли его здесь, но тот лишь махнул рукой. Потом сообщил, что к нему особенно и не вязались. Старик им неинтересен. Слишком слабый противник. Помолчав, он добавил, что для стариков боль обычное дело. Болью их не удивишь.

Через три дня, с утра пораньше, за ними пришли. Трех американцев вывели на яркий свет, провели через двор, потом по коридору школы, и они оказались на улице, где стоял небольшой грузовичок-полупортка марки «форд». Они топтались, грязные и небритые, держа в руках одеяла. Вскоре один из тюремщиков жестом велел им забираться в кузов, что они и сделали. Выйдя из здания, к конвойным добавился еще один тюремщик, и на мальчишек опять надели те же вытертые наручники, после чего приковали друг к другу буксирной цепью, которая до этого лежала свернутая на запасном колесе в передней части кузова. Из здания вышел капитан с чашкой кофе в руке. Стоял смотрел на грузовик, покачивался на каблучках и прихлебывал кофе. Кожаный ремень у него был начищен до блеска, а слева виднелась кобура, из которой рукояткой вперед торчал самозарядный кольт сорок пятого калибра. Он что-то коротко приказал подчиненным, а те, в свою очередь, замахали руками, окликая человека, стоявшего на переднем бампере и копавшегося в моторе «форда». Тот поднял голову, что-то произнес, махнул рукой и снова согнулся под капотом.

Что он им сказал? – спросил Блевинс.

Никто не пожелал удовлетворить его любопытство. В кузове стояли ящики и мешки, а также несколько пятигаллоновых канистр с бензином. То и дело к шоферу подходили местные, совали ему какие-то свертки и ящики и передавали сложенные бумажки, которые тот без лишних слов рассовывал по карманам.

Вон твои красавицы, сказал Ролинс Джону-Грейди.

Вижу.

Девочки стояли, тесно прижавшись друг к дружке. Одна держала другую за руку, и обе плакали.

Чего они режут? – спросил Ролинс, но Джон-Грейди только покачал головой.

Девочки стояли и смотрели, как загружают грузовик разными ящиками и свертками, а охранники сидели и курили, придерживая винтовки. Девочки простояли так целый час, пока мотор «форда» не заработал, после чего водитель захлопнул крышку капота, сел в кабину, и грузовик с тремя закованными в цепи арестантами дернулся и, медленно двинувшись по узкой немощенной улочке, скрылся в густом облаке дыма и пыли.

Арестантов сопровождали трое конвоиров – молодые парни из местных в плохо пригнанной и давно не глаженной форме. Судя по всему, им было строго-настрого приказано не вступать ни в какие разговоры с американцами, потому что, встречаясь взглядами со своими подопечными, они тотчас же отворачивались и начинали усиленно смотреть в сторону. Пока грузовик петлял по улочкам, эти ребята кивали и махали руками знакомым, стоявшим в дверях домов. Капитан ехал в кабине с водителем. За грузовиком погналось несколько собак, и шофер резко крутанул баранку, норовя задавить хотя бы одну из них, отчего охранники в кузове судорожно схватились за борта, а шофер с хохотом глянул на них в зеркало заднего вида, и они тоже засмеялись и начали тыкать друг друга кулаками и локтями в бока, а потом уgomонились и, не выпуская винтовок, сурово уставились на дорогу.

Грузовик тем временем в очередной раз свернул и остановился перед домом, выкрашенным в ярко-голубой цвет. Капитан протянул руку и нажал на гудок. Вскоре отворилась дверь, и на улицу вышел человек, не без элегантности одетый словно чарро. Капитан вылез из кабины, чарро сел рядом с шофером, капитан тоже залез в кабину, захлопнул дверцу, и они поехали дальше.

Вскоре позади остались последние хибары и корралы с глинобитными коровниками. Грузовик преодолел речушку, где вода сверкала, переливаясь всеми цветами нефтяной радуги.

Затем, надрывно воя, «форд» взобрался по каменистому подъему и, оказавшись снова на ровном месте, покатил по пустыне под лучами еще низкого утреннего солнца.

Арестованные смотрели, как из-под колес грузовика поднимается пыль, нависает над дорогой и медленно расползается над пустыней. Они изо всех сил пытались усидеть на своих одеялах, чтобы не отбить бока о доски кузова – машину сильно трясло. Оказавшись на развилке, грузовик свернул на юг, в сторону Куатро-Сьенагас и Сальтильо, до которого было, судя по указателю, четыреста километров.

Блевинс расстелил одеяло и улегся на него, закинув руки за голову. Он лежал, уставившись в безоблачное голубое небо пустыни. Птиц вокруг не было. Когда Блевинс заговорил, его голос вибрировал от тряски кузова под его спиной.

Да, ребя-бя-та, д-доро-рога будет д-долгой, произнес он.

Ролинс и Джон-Грейди посмотрели сначала на него, потом друг на друга, но никак не отозвались на это высказывание.

Старик сказал, что до Сальтильо ехать целый день. Я его спрашивал, снова подал голос Блевинс. Говорит, что целый день.

Еще до полудня они выехали на большое шоссе, которое шло к городку Бокильяс на границе, но машина поехала не туда, а вглубь страны, через поселки Сан-Гильермо, Сан-Мигель, Танке-эль-Ревес. Шоссе было ухабистым и раскаленным, немногие встречные грузовики обдавали их градом пыли и мелких камешков, и пассажиры спешно отворачивались, прикрывая лица рукавами. Грузовик остановился в Окампо, водитель выгрузил какие-то ящики, отдал письма, потом поехали дальше, на Эль-Осо. Вскоре машина остановилась у маленького придорожного кафе, и охранники, спрыгнув с грузовика, двинулись туда, прихватив винтовки. Арестанты остались на месте. Дети, носившиеся по дворику, прекратили игру и уставились на приехавших, а тощий белый пес, словно давно уже дожидавшийся подобного события, нетопливо подошел, долго мочился на шину заднего колеса, а затем с достоинством удалился.

Выходя из кафе, охранники смеялись и свертывали на ходу сигареты. Один из них нес три бутылки апельсиновой шипучки, которые передал арестантам. Дождавшись, когда они все выпьют, он взял у них пустые бутылки и понес возвращать в кафе. Другие двое конвоиров залезли в кузов. Из дверей появился капитан. За ним выбежал охранник, возвращавший бутылки, потом чарро и, наконец, водитель. Когда все заняли свои места, капитан вышел из-под навеса у кафе, сел в кабину последним, и грузовик тронулся.

У Куатро-Сьенагас машина выехала на дорогу с покрытием и покатила на юг, к Торреону. Один из охранников встал и, держась за плечо товарища, прочитал надписи на дорожном указателе, потом покосился на троих американцев и снова сел. Его двое товарищей тоже окинули взглядом скованную цепью троицу и после этого уже стали смотреть по сторонам. Грузовик мчался вовсю, но час спустя съехал с дороги вовсе и с натугой пополз по едва приметному следу, извивавшемуся между холмов. В этих краях было немало заброшенных полей, куда одичавшие коровы цвета свечного воска ночами выходили погастись из арройо, где обычно прятались. Они казались существами из какого-то иного, потустороннего мира. На севере собиралась гроза, и Блевинс тревожно поглядывал туда, где время от времени черноту туч прорезали ниточки молний. Он пытался понять, откуда дует ветер, то есть пронесет или не пронесет. Перебравшись через широкое, устланное белыми камешками русло высохшей реки, грузовик преодолел подъем и покатил по лугу, где трава доставала до верха шин и громко шуршала под кузовом. Машина въехала в эбеновую рощу, спугнула парочку ястребов и остановилась во дворе заброшенной эстансии, являвшей собой прямоугольник из глинобитных домиков, сараев и загонов для овец.

В кузове никто не пошевелился. Капитан открыл дверцу и вышел из кабины.

Vámonos, сказал он.

Охранники с винтовками вылезли. Блевинс посмотрел на пустые строения.

Что это? – спросил он.

Один из охранников прислонил винтовку к колесу, взял связку с ключами, выбрал нужный и, открыв замок на цепи, забросил ее в кузов, потом снова взял винтовку и жестом велел арестантам слезать. Капитан послал одного из охранников проверить, что происходит в усадьбе, и теперь все ждали его возвращения. Чарро стоял, прислонившись к капоту машины, и, зацепив большой палец за разукрашенный ремень, курил сигарету.

Что нам тут делать? – снова спросил Блевинс.

Не знаю, отозвался Джон-Грейди.

Водитель остался в кабине. Расслабился, откинувшись на спинку сиденья и надвинув шляпу на глаза. Похоже, заснул.

Мне бы отлить, сказал Ролинс.

Он и Джон-Грейди пошли по высокой траве. Блевинс хромал за ними следом. Никто не обратил на них никакого внимания. Тем временем вернулся разведчик, доложил капитану, а тот взял винтовку у одного из подчиненных и передал чарро, который взвесил ее на руке так, словно это спортивное оружие. Арестанты тем временем вернулись к грузовику. Блевинс уселся чуть поодаль. Чарро посмотрел на него, вынул изо рта сигарету, бросил в траву и наступил каблуком. Блевинс встал и похромал к задней части грузовика, где стояли Ролинс и Джон-Грейди.

Что они задумали? – с тревогой в голосе спросил он.

К ним подошел охранник с винтовкой:

Vámonos.

Ролинс, который стоял, опершись на кузов, выпрямился.

Solo el chico, сказал охранник. *Vámonos*⁹⁷.

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди.

Что они задумали? – повторил Блевинс.

Ничего, сказал Ролинс. И посмотрел на Джона-Грейди.

Тот промолчал. Охранник взял Блевинса за руку.

Vámonos, повторил он.

Погоди, сказал Блевинс.

*Están esperando*⁹⁸, отозвался охранник.

Блевинс извернулся, освободился от державшей его руки и сел на траву. Потемнев лицом, конвоир бросил взгляд туда, где у кабины стоял капитан. Блевинс стащил сапог и сунул внутрь руку. Вынул черную от пота стельку и отбросил в сторону. Потом снова сунул руку в сапог. Конвоир наклонился и, схватив Блевинса за тощее предплечье, рывком попытался поставить его на ноги. Блевинс отбивался, как умел, пытаясь что-то передать Джону-Грейди.

Возьми, прошипел он.

Зачем мне это? – спросил Джон-Грейди, глядя на мальчишку.

Бери, тебе говорят! – почти крикнул тот и сунул в руку Джона-Грейди комок песо.

Конвоир пихнул его вперед, а сапог так и остался лежать на земле.

Погоди. Дай сапог-то надену, упирался Блевинс.

Но конвоир продолжал толкать его, и Блевинс, хромая, поплелся, куда его толкали. Выйдя из-за грузовика, он безмолвно и испуганно оглянулся, а потом двинулся вслед за капитаном и чарро через поляну к деревьям. Капитан положил ему руку на плечо, словно доброжелательный советчик, и повел его дальше. Человек с винтовкой шел следом. Вскоре Блевинс оказался среди эбеновых деревьев, – шел хромая, в одном сапоге, почти такой, каким они увидели его тогда в арройо после грозы в этих чужих неведомых краях несколько месяцев назад.

---

⁹⁷ Только мальчишка. Пошли (*исп.*).

⁹⁸ Они ждут (*исп.*).

Ролинс посмотрел на Джона-Грейди. Тот, сжав губы, смотрел вслед маленькой ковылявшей фигурке. Казалось, в Блевинсе даже и плоти-то слишком мало, чтобы он мог выступать средоточием ярости и негодования стольких мужчин. В нем вообще было что-то призрачное, ненастоящее.

Ты помалкивай, предупредил Джона-Грейди Ролинс.

Хорошо.

Ни слова!

Джон-Грейди посмотрел на Ролинса, потом на конвоиров, обвел взглядом то странное место, где они находились. Чужое небо, неведомые края.

Ладно, сказал он. Буду молчать.

Через некоторое время из кабины вышел водитель и отправился посмотреть, что там в пустых постройках. Конвоиры остались у грузовика. Двое арестантов и трое конвоиров в мятой форме. Конвоир без винтовки присел на корточки у колеса. Прошло довольно много времени. Ролинс уперся кулаками в борт, положил на них голову и прикрыл глаза. Вскоре он снова выпрямился и посмотрел на Джона-Грейди.

Неужто они решили отвести его подальше и пристрелить? Черт знает что... Просто отвести подальше и пристрелить!

Джон-Грейди обернулся к нему. В этот момент из рощи донесся пистолетный выстрел – негромкий, похожий на хлопок. Потом еще один.

Когда из-за деревьев снова показались капитан и чарро, у капитана в руке были наручники.

¡Vámonos! – рявкнул он.

Конвоиры зашевелились. Один из них ступил на колесо и стал на шаривать в кузове цепь. Из полуразрушенного амбара появился шофер.

Все о'кей. С нами все о'кей, лихорадочно зашептал Ролинс.

Джон-Грейди промолчал. Он поднял руку, чтобы надвинуть на лоб шляпу, но вдруг вспомнил, что ни у него, ни у Ролинса шляп нет. Тогда он забрался в кузов и сел. Сидел и ждал, когда его опять прикуют цепью к напарнику. В траве у грузовика валялся сапог Блевинса. Один из конвоиров нагнулся, поднял его и зашвырнул далеко в траву.

Когда грузовик выехал из рощи обратно, был уже вечер, солнце бросало на траву длинные тени, низины налились мраком. В вечерней луговой прохладе над самой травой замельтешили птички. Ястребы, четкими силуэтами вырисовываясь на закатном небе, застыли на верхних сучьях сухого дерева, ожидая, когда подвернется жертва.

В Сальтильо они приехали часов в десять вечера. Местные жители совершали вечерний променад, кафе были полны. Грузовик остановился на большой площади напротив собора, капитан выбрался из кабины и направился куда-то через улицу. На скамейках, под желтоватыми фонарями, сидели старики, которым чистили ботинки. Плакаты призывали прохожих не ходить по газонам. На улице всю торговали брикетами замороженного фруктового сока. Девушки с напудренными лицами расхаживали парами под ручку и время от времени оглядывались. Глаза у них были темные и испуганные. Джон-Грейди и Ролинс сидели, завернувшись в одеяла. Никто не обращал на них внимания. Вскоре вернулся капитан, залез в кабину, и они опять поехали.

Грузовик петлял по улочкам, останавливался то здесь, то там, у домиков и магазинчиков, пока кузов не опустел. Впрочем, кое-где они брали новые ящики и свертки. Уже за полночь машина подъехала к внушительному зданию старой тюрьмы на улице Кастелар.

Джон-Грейди и Ролинс оказались в помещении с каменным полом, где сильно пахло хлоркой. С них сняли наручники, и они уселись на корточки у стены, накинув на плечи одеяла, словно монахи нищенствующего ордена. Открылась дверь, и появился капитан, на сей раз без пистолета. Он уставился на них в свете единственной лампочки, свисавшей с потолка, чуть

повел подбородком, и охранник, открывавший дверь, тотчас же исчез, аккуратно закрыв ее за собой.

Капитан молча смотрел на арестованных, сложив руки на груди и упершись большим пальцем в подбородок. Джон-Грейди и Ролинс посмотрели на него, потом на его ботинки, потом отвели взгляды. А он все смотрел и смотрел на них, и все трое чего-то ждали, словно пассажиры остановившегося на полустанке поезда. Впрочем, купе капитана было от них отдельным, к тому же, в отличие от них, он занимал его по собственной воле. Да и вообще мир капитана был открыт лишь для немногих избранных и, хотя и включал в себя все остальные миры, но из них в мир капитана всякой шутке доступа не было. Пребывание в этом особом мире было неразрывно связано с его профессией, и, однажды попав в этот мир, его уже нельзя было просто так покинуть.

Капитан стал рассказывать по помещению, затем остановился. Он сообщил, что тот, кого они называли чарро, там, на заброшенной усадьбе в роще, не совладал со своими нервами. И пояснил, что этот человек приходится братом тому бедняге, которого застрелил убийца Блевинс, а кроме того, он заплатил некую сумму, чтобы были предприняты определенные меры, выполнена задача, которая оказалась возложенной на него, капитана.

Этот человек сам пришел ко мне. Я к нему не ходил. Пришел и стал говорить о справедливости. О его семейной чести. Думаете, людям все это действительно нужно? По-моему, нет. По-моему, это нужно немногим. Но все равно я удивился. Сильно удивился. У нас нет смертной казни для преступников. Тут приходится договариваться особо. Я говорю это вам, потому что вам-то как раз и придется договариваться.

Джон-Грейди поднял взгляд на капитана. Тот продолжал:

Вы не первые американцы в этой тюрьме. У меня тут есть друзья, и вы будете договариваться с ними. Я не хочу, чтобы вы наделали ошибок.

У нас все равно нет денег, отозвался Джон-Грейди, и мы не собираемся ни с кем ни о чем договариваться.

Вы уж меня извините, но вам придется... Вы ничего не понимаете.

Что вы сделали с нашими лошадьми?

Сейчас не о лошадях речь. Лошади подождут. Пока не отыщутся их законные хозяева.

Ролинс сердито посмотрел на Джона-Грейди.

Ты бы заткнулся, мрачно сказал он.

Пусть говорит, возразил капитан. Лучше, чтобы всем все стало ясно. Вам тут оставаться нельзя. Если вы останетесь в этой тюрьме, вы умрете. Тут возникают разные сложности. Пропадают бумаги, нельзя никого разыскать. Сюда обращаются люди, хотят найти кого-то из своих, но разве это просто сделать? Его нет, и все тут. Да и в бумагах черт ногу сломит. В общем, вы меня понимаете... Зачем лишние хлопоты? Кто может доказать, что такой-то здесь был? У нас его нет, и точка. Мало ли кому что мерещится. Какой-нибудь псих, например, скажет, что здесь находится Иисус Христос. Что с того? Известно, что его тут нет и не было.

Капитан подошел к двери, постучал в нее.

Незачем было вам убивать его, сказал Джон-Грейди.

¿Cómo?

Лучше бы вы привели его обратно к грузовику. Привели бы обратно... Зачем было убивать-то?

В замке повернулся ключ, дверь приоткрылась, но капитан поднял руку.

Momento, сказал он фигуре, замаячившей в темноте проема.

Капитан повернулся и уставился на Ролинса и Джона-Грейди. Он долго смотрел на них и молчал, потом наконец заговорил:

Я расскажу вам один случай. Потому что вы мне нравитесь. Я тоже был молод. Как вы теперь. Я всегда водился с ребятами постарше – хотел больше знать. Однажды мы отправились

праздновать фиесту де Сан-Педро и Сан-Пабло в город Линарес, в штате Нуэво-Леон. Ребята пили мескаль – знаете, что это? – а потом отправились к женщине. Они по очереди с нею развлекались, а я был последним. Но когда я вошел к женщине, она меня турнула. Сказала, что я еще мал и так далее. Как поступить мужчине? Я не мог повернуться и уйти – ребята сразу смекнули бы, что она мне не дала. Правды не утаить. Мужчина не может сказать, что он обязательно сделает то-то и то-то, а потом пойти на попятный. Начнутся толки, пересуды. Нет, это исключено.

Капитан сжал правую руку в кулак и потряс им над головой.

Может, ребята велели ей отказать мне. Может, посмеяться надо мной захотели. Может, они даже приплатили ей за это. Кто знает? Но я не мог допустить, чтобы шлюхи мною командовали. Короче, когда я вернулся к ребятам, никто не смеялся. Ясно? Я всегда умел поставить на своем. У меня слова не расходятся с делом. И со мной шутки плохи...

Джона-Грейди и Ролинса провели по каменной лестнице. Преодолев четыре пролета, они оказались у стальной двери, потом вышли на железный мостик, тянувшийся вдоль внутренней стены. Вверху темнело небо. Внизу тюремный двор.

*Se llama la periquera*⁹⁹, кивнув на двор, сказал надзиратель, и при свете тусклой лампочки они увидели его ухмылку.

Он пошел по мостику, они двинулись следом. В камерах-клетках дремала какая-то таинственная зловещая жизнь. На противоположной стороне, на темных ярусах мерцали отдельные огоньки, словно свечи в церкви перед иконами. Колокол на соборе, в трех кварталах от тюрьмы, гулко и торжественно ударил один раз.

Их поместили в угловую камеру на самом верхнем ярусе. Загрохотала дверь с железными прутьями, лязгнул засов. Надзиратель зашагал обратно, и они услышали, как захлопнулась стальная дверь. Затем наступила тишина.

Джон-Грейди и Ролинс улеглись на железные койки, прикрепленные к стене цепями. Матрасы были тонкими, грязными и кишели паразитами. Утром они спустились во двор на поверку. Поверка проводилась по ярусам, заняла около часа, но их фамилии так никто и не выкликнул.

Похоже, нас тут нет, сказал Ролинс.

На завтрак дали жидкую посоле, а затем их вытолкали на двор, предоставив самим себе. Первый день прошел в потасовках, и, когда их водворили на ночь в камеру, они были в крови и без сил. Ролинсу вдобавок сломали нос, который страшно распух. Тюрьма представляла собой обнесенный стеной город в городе, и с утра до вечера там шла торговля. Торговали всем на свете – от радиоприемников до одеял, спичек, пуговиц, сапожных гвоздей. Каждый из представителей этого мира отчаянно сражался за свое место под солнцем. Подобно тому как общество, основанное на свободном предпринимательстве, зиждется на неукоснительном сборе налогов, здесь все опиралось на такие вещи, как полное отсутствие нравственности и физическая сила, а мерой жизнеспособности человека здесь служила его готовность убивать.

Джон-Грейди и Ролинс с грехом пополам проспали ночь, а утром все началось сначала. Они сражались спина к спине, падали, помогали друг другу подняться и снова вступали в драку. К полудню Ролинс получил такой удар по челюсти, что утратил способность жевать.

Нас тут убьют, это как пить дать, мрачно предрекал он.

Джон-Грейди в это время мял в тарелке фасоль, мешая ее с водой, пока не получилась жидкая каша, которую он и предложил Ролинсу.

Слушай меня внимательно, сказал он, пододвигая ему тарелку. Главное – внушить им, что они не могут остановиться на полпути. Слышишь? Лично я хочу, чтобы они усекли простую вещь: они должны нас или убить, или оставить в покое. Третьего не дано.

---

⁹⁹ Наш детский манежик (исп.).

У меня уже все тело болит.

Знаю. Но это ничего не меняет.

Ролинс стал всасывать кашицу. Через край тарелки покосился на Джона-Грейди:

Ты сейчас знаешь на кого похож? На енота!

Джон-Грейди криво улыбнулся:

А сам ты на кого похож?

Хрен знает.

Дай бог тут остаться похожим хотя бы на енота.

Я не могу смеяться. Кажется, у меня сломана челюсть.

Да все у тебя нормально.

Ага, ч-черт, буркнул Ролинс.

Видишь того типа? Который стоит и пялится на нас, спросил Джон-Грейди.

Вижу.

Видишь, как тарашится?

Вижу.

Знаешь, что я сейчас сделаю?

Понятия не имею.

Я встану, подойду к нему и врежу ему по зубам.

Ни хрена ты не врежешь!

Ну тогда смотри. Я пошел.

А зачем?

Чтобы он не тратил время на дорогу к нам.

К концу третьего дня избивание пошло на убыль. Оба ходили уже полуголые, а у Джона-Грейди, которого ударили носком, набитым камнями, вылетело два зуба, а левый глаз совсем закрылся. Четвертый день оказался воскресеньем, и на деньги Блевинса они купили себе кое-что из одежды, мыла и вымылись под душем. Кроме того, они приобрели банку томатного супа и, нагрев жестянку над свечным огарком, завернули ее в рукав старой рубашки Ролинса. Сев под высокой западной стеной тюрьмы, через которую уже перевалило солнце, они передавали завернутую в ткань банку друг другу.

А что, глядишь, и выкарабкаемся, произнес Ролинс.

Не надо расслабляться. Давай наперед не загадывать.

Сколько, по-твоему, стоит освободиться?

Не знаю. Но, наверное, дорого.

Я тоже так думаю.

Что-то пока от капитановых дружков ни слуху ни духу. Может, они просто ждут, останется от нас что-нибудь, за что есть смысл брать деньги, или нет, сказал Джон-Грейди и протянул банку обратно Ролинсу.

Допивай, отмахнулся тот.

Бери, бери. Там всего-то на один глоток.

Ролинс взял банку, опрокинул остатки в рот, потом налил в нее воды, покрутил, выпил и устался в пустую жестянку.

Если они думают, что у нас водятся деньги, то почему тогда не держат в приличных условиях? – спросил он.

Не знаю. Они, видать, не заведуют тут распорядком. Их дело принимать арестантов. И выпускать.

Разве что так.

На стенах загорелись прожектора.

Сейчас прогудят отбой, сказал Ролинс.

У нас всего пара минут.

Я и не подозревал, что на земле имеются такие места.
На земле имеется все, что угодно.
Это точно, кивнул Ролинс.

Где-то далеко, в пустыне, шел дождь. Ветер, что дул оттуда, доносил запах креозотов. В маленьком шлакоблочном домике, выстроенном в углу двора, загорелся свет. Там, словно сатрап в изгнании, жил какой-то состоятельный узник с поваром и телохранителем. За сетчатой дверью строения мелькнула фигура. Над крышей была натянута веревка, на которой, словно государственные флаги, тихо полоскались на ветерке выстиранные вещички хозяина. Ролинс кивнул на домик:

Ты его когда-нибудь видел?
Да, как-то вечером. Он стоял в дверях и курил сигару.
Ты усвоил их здешний жаргон?
Немного.
Что такое пуча?
Окурок. Бычок.
А теколата?
То же самое.
Господи, сколько слов у них означают окурок!
Много. А ты знаешь, что такое папасоте?
Нет.
Большой человек. Шишка.
Они так зовут того типа, который живет в домике?
Да.

А мы с тобой парочка габачос.

Болильос.

И еще пендехос. Быдло, лохи.

Каждый может оказаться пендехо, пробормотал Джон-Грейди.

Но мы с тобой здесь самые отъявленные лохи.

Ничего на это не могу тебе возразить, приятель.

Какое-то время они сидели и молчали.

О чем задумался? – наконец спросил Ролинс.

Сдается мне, что за здорово живешь нам с тобой отсюда не выбраться.

Ролинс кивнул. Они смотрели, как в свете прожекторов двигаются фигуры заключенных.

А все из-за одной чертовой лошади, буркнул Ролинс.

Джон-Грейди наклонился вперед, сплюнул между расставленных ног, потом снова прислонился к стене.

Лошадь тут ни при чем, сказал он.

Ночью они лежали в камере на железных койках и прислушивались к тому, что происходит вокруг. Тишину нарушало храпение кого-то из соседней камеры, да где-то вдалеке пролаяла собака. Потом стало так тихо, что они слышали дыхание друг друга.

А мы-то тоже... Возомнили себя крутыми ковбоями, произнес из темноты Ролинс.

Есть немного.

А они могут убить нас в любой момент.

Тоже верно.

Два дня спустя папасоте прислал за ними человека. Это случилось вечером, когда они сидели во дворе. Высокий худой мексиканец пересек двор, подошел к ним, нагнулся, сказал, чтобы они шли за ним, потом выпрямился, повернулся и пошел. Он даже не оглянулся, чтобы проверить, идут ли они следом.

Чё бум делать? – спросил Ролинс.

Джон-Грейди кое-как поднялся, отряхнул рукой штаны и сказал:
Поднимай свою задницу.

Хозяина звали Перес. Его «особняк» имел лишь одну комнату, в центре которой стоял складной металлический стол и четыре стула. У одной стены железная кровать, напротив буфет, полка с посудой и газовая плитка с тремя конфорками. Когда они вошли, хозяин стоял у окна и смотрел на тюремный двор. Затем он повернулся, щелкнул пальцами, и провожатый тотчас исчез за дверью.

Меня зовут Эмилио Перес, представился хозяин. Прошу вас, присаживайтесь.

Они отодвинули стулья, сели. Доски пола, как оказалось, не были прибиты гвоздями, а просто лежали на поперечинах, одна к другой. Блоки, из которых были сложены стены, не были скреплены известковым раствором. Потолок состоял из неокоренных жердей, на которых лежали листы кровельного железа, придавленные по краям кирпичами. Двое или трое мужчин могли за полчаса разобрать и снова собрать все сооружение. Тем не менее в домике имелось электричество и даже газовый обогреватель. На одной из стен висел ковер, на других – картинки из календаря.

Вы еще очень молоды и, по-моему, любите подраться, так?

Ролинс собрался что-то ответить, но Джон-Грейди быстро перебил его.

Да, сказал он. Есть такой грех.

Перес улыбнулся. Это был мужчина лет сорока с седеющими волосами и усами, стройный и гибкий. Он отодвинул третий стул, с показной легкостью перебросил ногу через спинку и сел, поставив локти на стол и чуть подавшись вперед. Стол был покрашен малярной кистью, через зеленую краску проступало название пивоварни. Перес сложил руки вместе.

Давно вы тут, драчуны? – спросил он.

С неделю.

И как долго собираетесь пробыть?

Для начала, мы сюда вообще не собирались, отозвался Ролинс. Так что наши планы тут ни при чем.

Американцы в этой тюрьме долго не задерживаются, с улыбкой произнес Перес. Проводят тут пару-тройку месяцев. Потом покидают нас. Здешняя жизнь им не по душе.

А вы можете сделать так, чтобы мы отсюда убрались?

Перес развел руками и чуть пожал плечами:

Ну разумеется. Конечно.

Тогда почему вы сами здесь загораете? – спросил Ролинс.

Перес снова улыбнулся, откинулся на спинку стула, а руками сделал такое движение, словно прогоняет птиц. Этот жест плохо сочетался с его общей невозмутимостью, но, возможно, он счел, что американцам так будет понятнее.

У меня есть политические противники. Что еще? Буду с вами откровенен. Не думайте, что я тут живу припеваючи. Чтобы договориться насчет себя, требуются деньги, и немалые. Это стоит дорого. Очень дорого.

Тогда вы копаете не там, где надо, сказал Джон-Грейди. У нас денег нет.

Перес грустно посмотрел на них:

Если у вас нет денег, то как же вы собираетесь обрести свободу?

Мы думали, вы нам расскажете.

Рассказывать тут нечего. Без денег на свободу лучше не рассчитывать.

Значит, мы отсюда никуда не денемся.

Перес пристально посмотрел на своих гостей. Он чуть подался вперед и снова сложил руки. Казалось, он размышляет, как лучше начать.

Все это очень серьезно. Вы не понимаете здешней жизни. Вы, наверное, считаете, что она сводится к борьбе за разные мелочи. Шнурки для ботинок, сигареты. Это наивный подход.

Вы меня понимаете? Вовсе не в этой ерунде главное. Нельзя оставаться здесь и сохранять независимость. Вы себе не представляете, как тут все устроено. Вы не знаете здешнего языка.

Он знает, кивнул Ролинс на Джона-Грейди.

Нет, покачал головой Перес. Никто из вас его не знает. Может, через год вы кое-что начнете понимать. Но год для вас слишком много. У вас времени в обрез. Если вы не докажете, что верите в меня, я ничем не смогу помочь. Понимаете? Я не смогу вам предложить свою помощь и поддержку.

Джон-Грейди посмотрел на Ролинса.

Ты готов, приятель? – спросил он.

Вполне.

Они отодвинули стулья и поднялись из-за стола.

Перес посмотрел на них:

Садитесь, пожалуйста.

Мы уже и так засиделись, сказал Джон-Грейди.

Перес побарабанил пальцами по столу:

Вы очень глупые... Очень...

Джон-Грейди взялся за ручку двери. Но внезапно повернулся и посмотрел на Переса. Лицо Джона-Грейди было изуродовано, челюсть перекошена, глаз опух и посинел, как слива.

Почему бы вам не объяснить нам, что к чему? Вы говорите насчет доверия. Но если мы чего не понимаем, почему бы вам не рассказать нам, как тут все устроено?

Перес остался сидеть за столом. Он откинулся на спинку стула, посмотрел на Джона-Грейди и вздохнул.

Мне нечего вам рассказать. Честное слово. Я точно знаю, чего ожидать только от тех, кто находится под моим покровительством. Но остальные... Он махнул рукой, словно отменяя всех прочих. Они живут сами по себе. Это царство случая. Только Господь Бог ведает, что кому уготовила судьба. Но меня увольте... Я тут ни при чем.

Когда следующим утром Ролинс шел по тюремному двору, на него напал человек с ножом. Ролинс никогда раньше не видел его, да и нож, блеснувший у того в руке, был не выточенной из ложки самоделькой, а настоящим итальянским кнопчным ножом с черной ручкой и никелированным заплечником. Нападавший держал нож на уровне пояса и трижды взмахнул им, норовя полоснуть Ролинса по животу, а тот трижды пытался увернуться, втягивая живот, выгибая вперед плечи и раскидывая руки по сторонам. После третьего выпада Ролинс не выдержал, повернулся и, держась одной рукой за живот, побежал. Его рубашка сразу сделалась мокрой и липкой от крови.

Когда подросел Джон-Грейди, Ролинс уже сидел у стены, обхватив себя обеими руками и раскачиваясь из стороны в сторону, словно страшно замерз и теперь никак не может согреться. Опустившись на колени, Джон-Грейди попытался убрать руки Ролинса от его живота.

Дай взглянуть.

Сволочь, паскуда, бормотал Ролинс, не обращая на него внимания.

Дай взглянуть, тебе говорят!

Черт...

Ролинс бессильно откинулся назад.

Приподняв потемневшую от крови рубашку, Джон-Грейди долго всматривался в порезы.

Могло быть и хуже, сказал он. Могло быть и хуже.

Согнув ладонь, он провел ею по животу Ролинса, чтобы понять, откуда идет кровь. Нижний порез оказался глубже других, но повреждены были лишь внешние фасции; насквозь брюшную стенку нож не пробил.

Как все хреново, пробормотал Ролинс.

Идти можешь?

Могу.

Тогда пошли.

Вот черт, бормотал Ролинс. Раздолбай хренов.

Вставай. Не сидеть же здесь!

Джон-Грейди помог Ролинсу подняться на ноги, и они побрели через двор к будке охраны. Дежурный уставился на них в окошко – сначала на Джона-Грейди, потом на Ролинса. Потом он открыл ворота, и Джон-Грейди сдал Ролинса на руки надзирателям.

Его отвели в какую-то комнату, усадили на стул, кто-то побежал докладывать начальнику тюрьмы. Кровь медленно капала на каменный пол. Ролинс сидел, не отнимая рук от живота. Затем кто-то дал ему полотенце.

В последующие дни Джон-Грейди старался как можно меньше ходить по тюрьме. Он внимательно смотрел по сторонам, надеясь распознать среди множества чужих лиц своего убийцу. Но все его опасения оказались напрасными. Нападать на него никто и не думал. За время, проведенное в тюрьме, у него появилось несколько друзей – человек из штата Юкатан, который не принадлежал ни к одной из местных группировок, но пользовался всеобщим уважением, смуглый индеец из Сьерра-Леона и двое братьев Баутиста, которые убили полицейского в Монтерее, а труп сожгли. Их арестовали, потому что на старшем брате опознали ботинки убитого. Все эти люди сходились на том, что Перес – большой авторитет и о его подлинном могуществе остается лишь гадать. Поговаривали, что Перес свободно покидает тюрьму и по вечерам уходит в город, где, по слухам, у него семья, а кроме того, как утверждали некоторые, еще и любовница.

Два дня Джон-Грейди тщетно пытался узнать о здоровье Ролинса у надзирателей, которые только разводили руками. На третий день утром Джон-Грейди постучал в дверь домика Переса. Сразу же обычный гомон и гвалт во дворе почти совершенно прекратились. Все, кто там был, уставились в его сторону, и, когда камердинер, или денщик, или вестовой Переса, худой высокий мужчина, открыл дверь, Джон-Грейди оглянулся и бросил взгляд на двор.

*Quisiera hablar con el señor Pérez*¹⁰⁰, сказал Джон-Грейди.

*¿Con respecto de que?*¹⁰¹

*Con respecto de mi cuate*¹⁰².

Худой закрыл дверь. Джон-Грейди стоял и ждал. Вскоре дверь снова открылась, и ему было велено заходить.

Джон-Грейди вошел, худой затворил за ним дверь и застыл возле нее. Хозяин сидел за столом.

Как здоровье твоего друга?

Я как раз пришел спросить вас об этом.

Перес улыбнулся:

Присаживайся, пожалуйста.

Он жив?

Я прошу сесть...

Джон-Грейди подошел к столу, пододвинул себе стул и сел.

Как насчет кофе?

Спасибо, нет.

Перес откинулся на спинку стула и сказал:

Чем могу быть полезен?

Вы можете сказать мне, как чувствует себя мой друг.

---

¹⁰⁰ Я хочу поговорить с сеньором Пересом (исп.).

¹⁰¹ Насчет чего? (исп.)

¹⁰² Насчет моего друга (исп.).

Но когда я отвечу на твой вопрос, ты встанешь и уйдешь?

А зачем вам, чтобы я оставался?

Господи, да для того, чтобы развлечь меня историями о твоей жизни, улыбнулся Перес. Жизни, полной разных преступлений.

Джон-Грейди молча смотрел на него.

Как и все люди со средствами, я люблю, когда меня развлекают, сказал Перес.

Вы человек со средствами?

Да нет, это шутка. Просто люблю поупражняться в английском языке. Это помогает скоротать время. А где ты выучил испанский?

Дома.

В Техасе?

Да.

От слуг научился?

У нас нет и не было никаких слуг. Просто в наших местах работали мексиканцы.

Ты раньше сидел в тюрьме?

Нет.

Ты что-то вроде выродка? *Oveja negra*, черная овца?

Вы ничего про меня не знаете.

Очень может быть. Но скажи, почему ты так уверен, что сможешь выбраться из-за решетки каким-то необычным способом?

Я уже один раз сказал: вы копаете не там, где надо. Вам не понять, в чем я уверен, а в чем нет.

Я знаю, что такое Соединенные Штаты. Я там бывал, и не раз. Вы как евреи. У вас всегда отыскивается богатый родственник. В какой тюрьме ты сидел?

Говорят вам, ни в какой тюрьме я не сидел. Где Ролинс?

Ты считаешь, что я приложил руку к этому прискорбному случаю с твоим приятелем? Уверю тебя, это не так.

Вы думаете, я пришел договариваться о сделке? Я только хотел узнать, как он себя чувствует.

Перес задумчиво кивнул:

Даже в таком месте, как тюрьма, где мы имеем дело с самым главным в жизни, мозги у гринго работают все так же причудливо, как и на воле. Когда-то я думал, что дело в их особом, привилегированном существовании. Но нет. Просто у вас так голова устроена.

Перес откинулся на спинку стула и постучал себя пальцем по виску.

Дело не в том, что гринго глуп. Просто его картина мира с пробелами. С очень странными пробелами. Он видит только то, что хочет. Ты меня понимаешь?

Вполне.

И то хорошо. Знаешь, как я определяю в человеке ум? Очень просто. По тому, насколько глупым он считает меня.

Вы вовсе не глупы. Просто вы мне не нравитесь.

А! Хорошо. Очень даже неплохо.

Джон-Грейди посмотрел на подручного Переса, застывшего у двери. Тот стоял с остекленевшим взглядом, уставясь в никуда.

Он нас не понимает, пояснил Перес. Поэтому можешь совершенно спокойно выражать свои мнения.

Я уже выразил свое мнение.

Так. И что теперь?

А теперь мне пора.

Ты думаешь, что сможешь уйти, если я не захочу тебя отпустить?

Думаю, да.

Может, ты какой-нибудь крутой кучильеро?¹⁰³ – с улыбкой спросил Перес.

Джон-Грейди снова сел.

Тюрьма – это то же самое, что *salón de belleza*, изрек Перес.

Парикмахерская? Это в каком же смысле?

Это место, где сходятся все слухи. Все про всех всё знают. Почему? Потому что преступление обладает большой притягательной силой. Оно интересует каждого.

Мы никаких преступлений не совершали.

Пока...

Что значит «пока»?

Перес пожал плечами:

Работа идет. Насчет вас еще следствие не закончено. А вы, наверное, подумали, что дело сдано в архив?

Они все равно ничего не найдут.

Господи! – воскликнул Перес. Боже правый! Неужели ты думаешь, что не существует беспризорных преступлений? Главное – умело подобрать преступление к преступнику. Все равно как найти в магазине нужный костюм.

Похоже, они не торопятся.

Даже в Мексике вас не могут держать без суда вечно. Потому-то вам и надо поскорей действовать. Когда вам предъявят обвинение, будет поздно. Тогда уже освободиться будет совсем трудно.

Он вынул из кармана рубашки сигареты и, протянув руку через стол, предложил Джон-Грейди. Но Джон-Грейди не шелохнулся.

Не стесняйся, бери. Это не преломление хлеба. Обязательств не налагает.

Джон-Грейди взял сигарету. Перес вынул из кармана зажигалку, щелкнул ею и протянул через стол.

Где ты научился драться?

Джон-Грейди глубоко затынулся и откинулся на спинку стула:

Что вы хотите узнать?

Только то, что хочет узнать весь мир.

А что хочет узнать весь мир?

Мир хочет узнать, есть ли у тебя *cojones*¹⁰⁴. Иначе говоря, не тонка ли у тебя кишка. Перес закурил сам, положил зажигалку на пачку сигарет и выпустил тонкую струйку дыма. Узнав это, мир поймет, какова тебе цена.

Некоторым цены просто нет.

Верно.

И что же бывает с такими?

Они умирают.

Я не боюсь смерти.

Это хорошо. Это поможет тебе достойно умереть. Но не поможет жить.

Ролинс умер?

Нет, он не умер.

Джон-Грейди отодвинул стул. Перес улыбнулся:

Вот видишь? Ты делаешь то, что я и предсказывал.

По-моему, нет.

---

¹⁰³ Бандит (исп.).

¹⁰⁴ Яйца (исп.).

Тебе пора принять решение. У тебя мало времени. У нас всегда в запасе гораздо меньше времени, чем нам кажется.

С тех пор как я сюда попал, времени у меня стало хоть отбавляй.

Обдумай хорошенько свое положение. У американцев часто бывают очень непрактичные идеи. Они считают, что есть хорошие вещи и есть плохие вещи. Они полны предрассудков.

А вы не считаете, что есть плохие вещи и есть хорошие?

Вещи – нет. Это заблуждение безбожников.

По-вашему, американцы – безбожники?

Конечно. Ты не согласен?

Нет.

Они порой крушат свою же собственность. Я видел, как один американец вдруг стал лупить свою машину большим *martillo*. Как это по-английски?

Кувалда.

Ну вот. Потому что машина не заводилась. Скажи на милость, разве мексиканец на такое способен?

Не знаю.

Мексиканец на такое не способен. Он не верит в то, что машина может быть доброй или злой. Он знает, что если в машине поселилось зло, он может уничтожить машину, но ничего этим не добьется. И ему отлично известно, где обитают добро и зло. Американцы считают Мексику страной предрассудков. Но это не так. Мы знаем, что у предметов есть разные свойства. Вот некая машина, например, зеленого цвета. У нее такой-то двигатель. Но она не может быть греховна. Это относится и к людям. Да, в человеке может поселиться зло, но это не его собственное зло. Разве он где-то получил его? Разве он получил его в безраздельное пользование? Нет. В Мексике зло – реально. Но оно ходит на своих двоих. Может, в один прекрасный день оно навестит и тебя. Может, оно уже на пороге.

Может быть.

Если хочешь уйти, уходи, сказал Перес с улыбкой. Я вижу, ты не веришь в то, что я тебе пытаюсь втолковать. То же самое с деньгами. У американцев, по-моему, всегда была эта проблема. Они постоянно твердят о грязных деньгах. Но деньги лишены этого признака. А вот мексиканец никогда не станет приписывать вещам то, чего в них нет. Зачем? Если от денег есть толк, значит деньги – благо. У мексиканца не бывает плохих денег. У него не возникает такой проблемы. Ему в голову не приходит такая безумная мысль.

Джон-Грейди подался вперед и затушил сигарету в металлической пепельнице. В тюремном мире сигареты сами по себе являются деньгами, а та, которую он оставил дымиться в пепельнице, была едва начата.

Знаете, что я вам скажу, сеньор Перес?

Я тебя слушаю.

Мы еще увидимся.

Он встал и посмотрел на подручного Переса, застывшего на часах у двери, а тот, в свою очередь, бросил взгляд на Переса.

Я-то думал, ты хотел узнать, что произойдет там, за дверью моего дома, сказал Перес.

Джон-Грейди резко обернулся к нему и спросил:

Это что-то изменит?

Ты слишком высокого мнения о моих возможностях, улыбнулся Перес. В этом заведении триста человек. Никто не знает, что тут может случиться.

Но кто-то ведь этим балаганом управляет?

Может быть, сказал Перес, пожимая плечами. Но в этом особом мире, где люди лишены свободы, возникает ложное впечатление, будто бы все под контролем. Но нет, если бы этих

людей и впрямь можно было держать под контролем, они, скорее всего, не оказались бы за решеткой. Ты чувствуешь проблему?

Да.

Иди. Мне самому интересно, что с тобой произойдет.

Он коротко повел рукой. Его телохранитель сделал шаг к двери и отворил ее.

*Joven*¹⁰⁵, окликнул Перес своего гостя.

Да, сказал Джон-Грейди, оборачиваясь.

Смотри, с кем преломляешь хлеб. Будь осторожен.

Ладно. Буду.

И с этими словами Джон-Грейди вышел на тюремный двор.

У него еще оставалось сорок пять песо из тех денег, что сунул ему Блевинс, и он пытался купить себе нож, но безуспешно. Он никак не мог понять, то ли ножи в этой тюрьме вообще не продаются, то ли они не продаются исключительно ему. Он не спеша прошел через двор и в тени, под южной стеной, увидел братьев Баутиста. Джон-Грейди остановился и стоял, пока они знаками не пригласили его подойти.

*Quiero comprar una trucha*¹⁰⁶, сказал он, присев возле них.

Братья дружно закивали.

*¿Cuánto dinero tienes?*¹⁰⁷ – спросил тот, кого звали Фаустино.

*Cuarenta y cinco pesos*¹⁰⁸.

Они долго сидели и молчали. Темные индейские лица были задумчивы. Братья размышляли, словно подобная сделка могла обернуться самыми неожиданными последствиями. Наконец Фаустино зашевелил губами, готовясь сообщить решение.

*Bueno. Dámelo*¹⁰⁹.

Джон-Грейди посмотрел на них. В их черных глазах замерцали загадочные огоньки, и даже если они выступали сигналом беды, обмана, измены, то Джон-Грейди сейчас было некогда в этом разбираться. Он сел на землю, стащил левый сапог, сунул руку внутрь и извлек влажный комок песо. Братья следили за его движениями. Джон-Грейди снова надел сапог, затем зажал комок указательным и средним пальцем, а потом ловким движением бросил сложенные купюры под колено Фаустино. Тот не шелохнулся.

*Bueno. La tendré esta tarde*¹¹⁰.

Джон-Грейди кивнул, встал и пошел.

В тюремном дворе стоял запах дизельных выхлопов. К воротам то и дело подъезжали автобусы. По тому, как часто они подъезжают, Джон-Грейди понял, что нынче воскресенье, день, когда заключенных навещают родственники. Джон-Грейди сел у стены в полном одиночестве. Где-то заплакал ребенок. Потом он увидел, что по двору идет индеец из Сьерра-Леона, и окликнул его. Тот свернул в его сторону.

Джон-Грейди пригласил его присесть, что тот и сделал.

Индеец вытащил из-под рубашки небольшой, влажный от пота бумажный сверток и стал его разворачивать. Потом протянул Джон-Грейди. Внутри был табак и курительная бумага.

Джон-Грейди поблагодарил, взял бумагу, насыпал на нее грубого табака-самосада, скатал в трубку, провел языком по краю заветки. Потом передал пакет хозяину, и тот тоже свернул самокрутку, а пакет спрятал обратно под рубашку. Извлек из кармана самодельную зажигалку,

---

¹⁰⁵ Парень (исп.).

¹⁰⁶ Хочу купить нож (исп.).

¹⁰⁷ Сколько у тебя денег? (исп.)

¹⁰⁸ Сорок пять песо (исп.).

¹⁰⁹ Хорошо. Давай (исп.).

¹¹⁰ Получишь ближе к вечеру (исп.).

сделанную из полудюймовой водопроводной муфты, выбил огонек и, прикрывая ладонью, протянул Джону-Грейди, а потом прикурил сам.

Джон-Грейди поблагодарил его и поинтересовался, не ждет ли тот посетителей, но индеец отрицательно покачал головой. Тот же вопрос американцу он не задал. Джон-Грейди решил, что его знакомый сейчас поделится с ним какими-нибудь последними новостями, которые ходят по тюрьме, но не дошли еще до его ушей, однако, судя по всему, тот подобными сведениями не располагал. Он просто сидел и молча курил, потом бросил окурок на землю, встал и удалился.

В тот день Джон-Грейди не пошел обедать. По-прежнему сидел у стены, смотрел на двор и пытался понять, что же, собственно, происходит вокруг. Сначала ему показалось, что заключенные, проходя по двору, бросают на него слишком уж странные взгляды. Потом, напротив, заподозрил, что они умышленно отводят глаза, стараются вообще на него не смотреть. Тогда он пробормотал себе под нос, что если продолжать в том же духе, недолго и рехнуться или вообще сыграть в ящик. Подумав, он решил, что и от разговоров с самим собой тоже ничего не стоит очокуриться. В какой-то момент, вдруг резко дернувшись, он понял, что ненароком задремал. Час от часу не легче, пронеслось у него в голове.

Он посмотрел, велика ли тень. Если тень от стены занимает половину двора, значит времени четыре часа пополудни. Он посидел еще немного, потом встал и направился к братьям Баутиста.

Бросив на него взгляд, Фаустино сделал рукой знак приблизиться. Затем велел сдвинуться влево и наконец кивнул и сообщил Джону-Грейди, что тот как раз на нем и стоит.

Джон-Грейди посмотрел себе под ноги, но ничего не заметил. Фаустино снова кивнул и сказал, чтобы он присел. Джон-Грейди послушался.

*Hay un cordon*¹¹¹, опять раздался голос Фаустино.

Джон-Грейди опустил глаза и увидел возле самого сапога конец веревки. Осторожно взялся за него и потянул. Тут из-под песка и мелких камешков появился привязанный к этой веревке нож. Джон-Грейди быстро накрыл его ладонью, потом, оглянувшись по сторонам, переложил в карман. Прodelав эту операцию, он встал и пошел прочь.

Нож превзошел все его ожидания. Это был настоящий выкидной нож, только без декоративных пластин на рукоятке. Нож был сделан в Мексике и успел повидать виды. Никелировка металлической части рукоятки протерлась, обнажив латунь. Джон-Грейди отвязал веревку, вытер нож о рубашку, продул щель, куда прячется лезвие, постучал ножом о каблук, снова продул, потом нажал кнопку, чтобы удостовериться, что лезвие выскакивает нормально. Послюнявил тыльную сторону кисти и стал сбрасывать волоски, проверяя остроту заточки. Потом, закинув ступню одной ноги на колено другой и стоя на одной ноге, стал точить лезвие о подошву сапога. Тут слышались шаги. Джон-Грейди мигом убрал лезвие, спрятал нож и обернулся. Навстречу ему по дорожке, ведущей к загаженному сортиру, направлялись двое заключенных. Глядя на него, они заухмылялись, но прошли дальше, ничего не сказав. Полчаса спустя прозвучал сигнал к ужину. Джон-Грейди выждал, когда со двора в столовую пройдут все арестанты, потом тоже вошел, взял поднос и двинулся вдоль раздаточного прилавка. По воскресеньям многие кормились передачами из дома, и потому в столовой было не так многолюдно. Получив тортильи, фасоль и довольно подозрительное рагу, Джон-Грейди стал выбирать себе место. Наконец его выбор пал на стол в углу, за которым в одиночестве сидел мексиканец примерно его возраста, курил и время от времени отпивал воду из кружки.

Джон-Грейди подошел к столу, поставил поднос.

*Con permiso*¹¹², сказал он.

---

¹¹¹ Там веревочка! (исп.)

¹¹² Если не возражаешь (исп.).

Парень покосился на него, выпустил из носа две тонкие струйки дыма, кивнул и снова протянул руку к кружке. На внутренней стороне его запястья ягуар старался освободиться от анаконды. Возле большого пальца был вытатуирован крест и пять точек. Казалось бы, татуировка как татуировка. Ничего особенного. Но, уже сев, Джон-Грейди вдруг понял, почему этот парень ужинает в одиночестве. Пересаживаться было поздно, и Джон-Грейди взял в левую руку ложку и начал есть. Хотя вокруг стоял привычный гул голосов и скрежет ложек, он вдруг услышал, как на двери столовой щелкнула задвижка. Посмотрел по сторонам. На раздаче почему-то уже никого не было, да и двое охранников как сквозь землю провалились. Сердце Джона-Грейди бешено заколотилось, во рту пересохло. Ему показалось, что он жует опилки. Потихоньку он вытащил нож из кармана и спрятал за поясом брюк.

Тем временем парень затушил окурок и поставил кружку на поднос. Где-то на улице лаяла собака, какая-то торговка громогласно предлагала свой товар. Джон-Грейди вдруг с ужасом понял: он слышит все эти звуки так отчетливо только потому, что в столовой повисла мертвая тишина. Уперев в ногу, он потихоньку открыл нож и сунул его под пряжку ремня. Парень неторопливо встал, перешагнул через скамью, взял поднос и пошел вдоль противоположного края стола. Джон-Грейди держал ложку в левой руке, а правой взялся за поднос, исподлобья следя за каждым движением парня. Тот оказался напротив него, пошел было дальше, но резко повернулся и взмахнул подносом, норовя ударить ребром Джона-Грейди по голове. Внезапно Джон-Грейди увидел весь эпизод словно в съемке рапидом. Поднос стремительно приближается, кромка на уровне его глаз, жестяная кружка накренилась, ложка в ней будто застыла в воздухе, а черная маслянистая челка парня метнулась по его узкому лбу. Джон-Грейди стремительно вскинул свой поднос, словно щит, а сам перекатился через скамейку и быстро вскочил на ноги. В днище его подноса образовалась вмятина. Он был уверен, что поднос противника с грохотом полетит на стол, но парень удержал его в руках и попытался ударить им еще раз. Джон-Грейди парировал и этот выпад, снова раздался грохот железа о железо, и тут впервые Джон-Грейди увидел нож, который метнулся к нему, словно стальной тритон, желающий укрыться от холода в теплых человеческих кишках. Джон-Грейди отскочил назад, поскользнулся на остатках еды и чуть было не упал на каменный пол. Правой рукой он вытащил нож, а левой резко выбросил поднос, угодив кучильеро в лоб и вызвав на его лице гримасу удивления. Мексиканец приподнял свой поднос так, чтобы противник не видел его маневров, а Джон-Грейди сделал шаг назад и почувствовал спиной стену. Тогда он шагнул в сторону и снова резко выбросил поднос, норовя угодить по пальцам кучильеро, которыми тот сжимал свой металлический щит. Снова железо загрохотало о железо. Отпихнув ногой скамейку, парень оказался между Джоном-Грейди и столом. На его лбу появилась кровь и потекла по виску рядом с глазом. Кучильеро сделал обманное движение подносом, но Джон-Грейди не поддался на финт, и нож противника просвистел, слегка задев его рубашку. Держа поднос на уровне пояса, Джон-Грейди двинулся боком вдоль стены, пристально глядя в черные глаза противника. Кучильеро безмолвствовал и действовал четко, без суеты, явно не испытывая к американцу никакой злобы, и Джон-Грейди понял, что его наняли.

Джон-Грейди снова взмахнул подносом, метя мексиканцу в голову, но тот ловко увернулся, сделал финт и сам пошел в атаку. Крепко сжимая поднос, Джон-Грейди продолжал медленно продвигаться вдоль стены. Провел языком по губам. Так, в углу рта кровь... Он чувствовал, что лицо его порезано, хотя и не понимал, насколько сильно. Зато он понял другое: кучильеро наняли, потому что у него, Джона-Грейди, появилась репутация парня, с которым шутки плохи. И еще до него вдруг дошло, что из этой столовой он запросто может живым не выйти. Он смотрел в черные глаза кучильеро и читал в них многое. В этих бездонных колодцах холодно светилась долгая и мрачная история. Джон-Грейди двигался вдоль стены, отбивал выпады противника, действовавшего пока только подносом, и сам наносил ответные удары. Он получил новые порезы – сначала на левом предплечье, потом и на животе. Тогда он раз-

вернулся и дважды попытался ударить кучильеро ножом, но тот оба раза отскакивал, уходя от лезвия с бескостной изворотливостью дервиша. Когда они приближались к другим столикам, заключенные, за ними сидевшие, молча и быстро вставали и исчезали, словно птицы с проводов. Джон-Грейди снова развернулся и ударил кучильеро подносом, а тот присел, и на какое-то мгновение, словно на фотографии, Джон-Грейди увидел его, тощего и кривонногого, – этаким темный тоненький гомункул, норовящий вселиться в человека. Затем нож мелькнул туда-сюда, гомункул стремительно выпрямился и снова занял оборонительную позу, слегка пригнувшись и не спуская глаз с противника, пытаясь предвосхитить явление смерти. Эти черные глаза уже хорошо знали, что такое смерть, прекрасно представляли, в каких одеждах она странствует, и безошибочно угадывали ее близость.

Поднос загремел о плиты пола, и Джон-Грейди понял, что выронил его. Он провел рукой по груди – пальцы сделались мокрыми и липкими. Вытер руку о штаны. Кучильеро держал поднос на уровне глаз, чтобы скрыть от противника свои маневры. Он выставял поднос так, словно приглашал Джона-Грейди прочесть на его днище какое-то сообщение, но там не было ничего, кроме зазубрин и вмятин, оставленных десятками тысяч тюремных завтраков, обедов и ужинов. Джон-Грейди сделал шаг назад, потом сполз на пол у стены, раскинув руки по сторонам. Кучильеро посмотрел на него, поставил поднос на стол, наклонился, потом схватил Джона-Грейди за волосы и запрокинул ему голову, чтобы было сподручнее перерезать горло. И тогда Джон-Грейди взметнул руку с ножом и вонзил его прямо в сердце противнику. Он вонзил его глубоко, а потом резко рванул ручку вбок, отчего лезвие с хрустом сломалось, оставшись в груди кучильеро.

Нож кучильеро с глухим стуком упал на пол. Над левым карманом его синей рубашки появилась красная бутоньерка, и затем брызнул фонтанчик крови. Кучильеро сначала осел на колени, а потом упал прямо в объятия врага. Заключенные, наблюдавшие за поединком, ринулись к двери, словно зрители в театре, решившие по окончании спектакля избежать толкучки в гардеробе. Джон-Грейди отшвырнул рукоятку ножа, отпихнул от себя голову с сальными волосами, уткнувшись ему в грудь, и стал на шаривать нож кучильеро. Потом Джон-Грейди оттолкнул от себя убитого и, сжимая в руке его нож, ухватился свободной рукой за край стола и кое-как поднялся на ноги. Держась за стол, он сделал несколько неуверенных шагов, потом повернулся к двери, откинул задвижку и, шатаясь, вышел наружу, в синие сумерки.

Через приоткрытую дверь столовой на темный двор падала узкая полоса света. Эта полоса зашевелилась и померкла, когда в проеме появились другие заключенные и усталились на Джона-Грейди. Никто, впрочем, за ним не пошел. Прижимая руку к животу, Джон-Грейди брел, и каждый шаг давался ему с трудом. Вот-вот на стенах вспыхнут прожектора и прозвучит сирена. Джон-Грейди осторожно переставлял ноги. В сапогах хлопала кровь. Он посмотрел на нож убитого, который по-прежнему сжимал в руке, и отшвырнул его в темноту. Сейчас завоет сирена и вспыхнут прожектора... Перед глазами все плыло, но боли, как ни странно, не ощущалось. Кровь сочилась между липких пальцев. Сейчас вспыхнут прожектора, сейчас завоет сирена...

Джон-Грейди уже добрался до первого пролета лестницы, когда его нагнал высокий худой человек и что-то ему сказал. Джон-Грейди обернулся, чуть согнувшись. В потемках, может быть, и не заметят, что нож он выбросил. И не поймут, что он еле стоит, истекая кровью.

*Ven conmigo*¹¹³, сказал высокий. *Está bien*.

*No me moleste*¹¹⁴.

Темные ярусы тюрьмы уходили к темно-синему небу. Вдалеке залаяла собака.

¹¹³ Пошли со мной. Все хорошо (исп.).

¹¹⁴ Не приставайте ко мне (исп.).

*El padrote quiere ayudarle*¹¹⁵.

*¿Mande?*¹¹⁶

Высокий зашел спереди, остановился.

Ven conmigo, повторил он.

Это был человек Переса. Он протянул руку Джон-Грейди, но тот сделал шаг назад. Его сапоги оставляли мокрые, темные следы. Сейчас вспыхнут огни. Сейчас завоет сирена. Он повернулся, чтобы уйти, но колени стали подгибаться. Он упал, затем поднялся. Телохранитель Переса попытался помочь ему, но Джон-Грейди вырвался из его объятий и снова упал. Все вокруг плыло, кружилось. Джон-Грейди уперся ладонями в землю, чтобы подняться. Кровь капала между его вытянутых рук. Стена, казалось, рушится, наваливается на него. Приближается темное небо. Джон-Грейди упал на бок. Тогда человек Переса наклонился, поднял его и на руках понес через двор к домику своего хозяина. Он внес его, захлопнул дверь ногой, и тут завывла сирена и вспыхнули прожектора.

Джон-Грейди проснулся в кромешной тьме. Он находился в каком-то каменном мешке, где пахло хлоркой. Протянул руку, пытаясь понять, что вокруг, и тотчас его пронзила боль, которая словно выжидала, пока он пошевелится. Джон-Грейди опустил руку, повернул голову. В темноте светилась узкая полоска. Он прислушался. Стояла мертвая тишина. Каждый вздох резал грудь, словно бритвой. Через некоторое время он вытянул другую руку и коснулся холодной каменной стены.

Hola, произнес он.

Голос был слабым и дрожащим. Лицо исказила гримаса.

Hola, повторил он.

В помещении явно кто-то был. Джон-Грейди это чувствовал.

*¿Quién está?*¹¹⁷ – спросил он, но никто не отозвался.

Нет, здесь все равно кто-то есть, причем уже давно. Или он ошибается? Нет, он не мог ошибиться. Кто-то явно скрывается в темноте, следит за ним... Джон-Грейди посмотрел на полоску света. Разумеется, свет выбивается из-под двери. Он затаил дыхание. Комната была маленькой. Такой маленькой, что, если тут кто-то и был, можно, хорошенько прислушавшись, услышать его дыхание. Джон-Грейди так и поступил, но ничего не услышал. Он вдруг подумал, а не умер ли он, и от этого его захлестнула та самая волна печали, которая охватывает ребенка, который собирается горько заплакать. Одновременно его пронзила такая жуткая боль, что пришлось взять себя в руки и начать жизнь сызнова. Вдох за вдохом.

Он понимал, что надо встать и попробовать открыть дверь, но, чтобы решиться на это, понадобилось немало времени. Сначала Джон-Грейди перевернулся на живот, но тотчас чуть не задохнулся от новой вспышки боли. Какое-то время он неподвижно лежал, судорожно дыша. Затем опустил руку, пытаясь достать до пола, но рука повисла в воздухе. Тогда он осторожно спустил ногу, коснулся пальцами пола и, набираясь сил для следующего шага, лежал, упираясь в кровать локтями.

Когда Джон-Грейди наконец добрался до двери, выяснилось, что она заперта. Он стоял на холодном полу, не зная, что делать дальше. Он был весь в бинтах, и, похоже, раны снова начали кровоточить. Он это чувствовал кожей. Затем он прислонился лбом к холодному металлу двери и понял, что и голова у него тоже в бинтах. Внезапно ему страшно захотелось пить. Пора было возвращаться на кровать, но, чтобы собраться с новыми силами, ему пришлось потратить немало времени.

---

¹¹⁵ Хозяин хочет помочь (исп.).

¹¹⁶ Как? (исп.)

¹¹⁷ Кто тут? (исп.)

Наконец дверь распахнулась, и в слепящем свете появилась фигура. Это была не медицинская сестра в белом, но *demandadero*¹¹⁸ в грязной форме цвета хаки, державший в руках металлический поднос, на котором стояла тарелка с посоле и стаканом оранжада. Демандадеро был ненамного старше Джона-Грейди. Войдя в комнату, он повернулся, стараясь не глядеть на кровать. Но если не считать железного ведра-параши, в комнате больше не было ничего, и поднос можно было поставить только на кровать.

Парень в хаки подошел к кровати и остановился. Вид у него был одновременно и смущенный, и угрожающий. Он показал подносом, чтобы Джон-Грейди подвинулся. Тот повернулся на бок, потом кое-как сел. На лбу выступила испарина. На нем был грубый больничный халат в пятнах крови, проступившей через повязки.

*Dame el refresco*¹¹⁹, сказал он. *Nada mas.*

*¿Nada mas?*¹²⁰

No.

Демандадеро подал ему стакан с оранжадом, Джон-Грейди взял его и, посмотрев по сторонам, увидел, что на потолке имеется лампочка, оплетенная проволокой.

*La luz, por favor*¹²¹, сказал он.

Парень в хаки кивнул, отошел к двери, закрыл ее за собой. Затем в коридоре щелкнул выключатель, и в комнате загорелся свет.

Послышались удаляющиеся шаги, потом наступила тишина. Джон-Грейди чуть приподнял стакан и стал пить газировку. Напиток был теплый, еще с пузырьками газа. Джону-Грейди он показался восхитительным.

Он провел там три дня: спал, просыпался, потом опять засыпал. Кто-то выключил свет, и он просыпался уже в темноте и окликал тех, кто, как ему казалось, был рядом, но никто не отзывался. Он вспоминал отца в Коти, где с ним вытворяли страшные вещи. Джон-Грейди всегда считал, что ни к чему ему знать подробности, но теперь понял, что ошибался. Он лежал в темноте, вспоминал отца и с горечью сделал вывод: к тому, что он успел о нем узнать, больше ничего не прибавится. Об Алехандре Джон-Грейди не думал. Он понятия не имел, что еще с ним стряется, и решил воспоминания о ней приберечь напоследок. Поэтому он переключился на лошадей – сейчас этот предмет лучше всего подходил для раздумий. Потом кто-то снова включил свет, и после его уже не выключали. Джон-Грейди в очередной раз заснул, а проснувшись, обнаружил, что вокруг него сгрудились мертвецы, уже совсем скелеты, и в их пустых глазницах скрывается знание бездны, то самое столь необходимое еще на этом свете знание, которым, впрочем, никто из них все равно никогда не поделится. Потом он понял, откуда скелеты: в этой комнате, догадался он, умерло очень много людей.

Дверь отворилась. Вошел человек в синем костюме и с кожаным чемоданчиком в руке, улыбнулся Джону-Грейди и осведомился о его здоровье. Джон-Грейди ответил, что чувствует себя отлично.

*Mejor que nunca*¹²², сказал он.

Человек снова улыбнулся, положил чемоданчик на кровать, открыл его, вынул хирургические ножницы, толкнул чемоданчик к изножию кровати и поднял перепачканную кровью простыню, которой накрывался Джон-Грейди.

*¿Quién es usted?*¹²³ – спросил Джон-Грейди.

¹¹⁸ Рассыльный (исп.).

¹¹⁹ Только дай попить. Больше ничего (исп.).

¹²⁰ Больше ничего? (исп.)

¹²¹ Включи, пожалуйста, свет (исп.).

¹²² Лучше, чем когда-либо (исп.).

¹²³ Кто вы? (исп.)

Человек удивленно посмотрел на него и сказал, что он врач. Потом он просунул ножницы под повязку, и Джон-Грейди поежился от прикосновения к коже холодного металла. Разрезав бинты, врач отбросил их в сторону, и они оба с интересом уставились на швы.

Врач ощупывал швы двумя пальцами и одобрительно бормотал. Затем он обработал раны антисептиком, наложил новую повязку и помог Джону-Грейди сесть. Потом извлек из чемодана большой бинт и стал обматывать им пациента:

Положи руки мне на плечи.

Что?

Говорю, положи руки мне на плечи. И не волнуйся. Все будет в порядке.

Джон-Грейди сделал, как ему было велено, и доктор закончил бинтовать его.

Вуено, сказал он, встал, закрыл чемоданчик и посмотрел на пациента. Я скажу, чтобы тебе прислали мыло и полотенце. Чтобы ты мог сам умыться.

Хорошо.

Быстро на тебе все заживает!

Врач улыбнулся, кивнул на прощанье и вышел из комнаты. Лязга засова Джон-Грейди не услышал, но бежать ему все равно было некуда.

Затем его посетил человек, которого он прежде никогда не видел. На нем было что-то вроде военной формы. Он не назвал себя. Охранник, впустивший его, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Человек подошел к кровати и снял шляпу, словно в знак уважения к раненому герою. Затем из кармана кителя вынул расческу, провел ею по черным жирным волосам и снова надел головной убор.

Когда ты сможешь ходить?

А куда вы меня хотите отправить?

Домой.

Тогда хоть сейчас.

Человек поджал губы.

Покажи, как ты ходишь, сказал он.

Джон-Грейди отбросил простыню, перекатился на бок, осторожно спустил ноги на пол. Затем он встал и, сделав несколько шагов по камере, повернулся и прошел обратно. Его босые ноги оставляли на гладких каменных плитах влажные следы, которые быстро исчезали, бранные, как весь этот мир и всякое слово о нем. На лбу Джона-Грейди появились капельки испарины.

Тебе и твоему приятелю сильно повезло, заметил посетитель.

Я как-то этого не почувствовал, возразил Джон-Грейди.

Очень сильно повезло, повторил тот и удалился.

Джон-Грейди спал, просыпался и опять засыпал. Утро от вечера он отличал только по тому, какую принесли еду. Впрочем, ел он мало. Но однажды ему принесли половинку жареного цыпленка с рисом и разрезанную пополам грушу из компота, и он не торопясь наслаждался этим блюдом, смакуя каждый кусочек и сочиняя – и бракуя – сценарии того, что могло произойти – или происходило – за стенами тюрьмы. А порой задавался вопросом: не отвезут ли его тоже куда подальше и не пристрелят ли.

Он начал тренировать ноги, расхаживая по комнате. Вытирал дно подноса рукавом, подходил к лампочке и вглядывался в свое отражение, которое смутно проступало на тусклом металле, словно лик спрятанного в нем джинна, изувеченного и злого. Стащив повязку с головы, он изучал швы и трогал их пальцами.

Когда дверь отворилась в очередной раз, на пороге появился демандадеро. Он принес одежду и сапоги. Положив все это на пол, сказал: «*Sus prendas*»¹²⁴ – и удалился, закрыв за собой дверь.

Джон-Грейди стащил длинную ночную рубаху, вымылся с мылом, досуха вытерся полотенцем и оделся. Потом натянул сапоги. Их недавно помыли, следы крови пропали, но внутри сапоги были еще мокрые, и, когда он попытался стащить их, у него ничего не получилось. Тогда он лег на кровать в одежде и сапогах в ожидании чего-то ему самому малопонятного.

Затем появились надзиратели. Они замерли у порога, ожидая, когда он выйдет. Джон-Грейди встал с кровати и направился к двери.

В сопровождении надзирателей он прошел по коридору, пересек внутренний двор и оказался в другом крыле здания. Его провели еще по одному коридору, остановились возле какой-то двери, один из конвоиров постучал и затем знаком велел Джону-Грейди войти.

За столом сидел тот самый человек, который заходил к нему в камеру, чтобы удостовериться, что он в состоянии ходить. Это был начальник тюрьмы, или, как его именовали здесь, команданте.

Присаживайся, сказал команданте.

Джон-Грейди сел.

Команданте выдвинул ящик, извлек из него конверт и протянул через стол Джону-Грейди.

Вот, держи.

Джон-Грейди взял конверт.

А где Ролинс? – спросил он.

Прошу прощения?

¿*Dónde está mi compadre?*

Твой товарищ?

Да.

Ждет снаружи.

Куда нас теперь?

Вы уходите. Отправляетесь домой.

Когда?

Прошу прощения?

¿*Cuándo?*

Прямо сейчас. Я больше не хочу вас тут видеть.

Команданте махнул рукой. Джон-Грейди взялся за спинку стула, с усилием встал, повернулся и вышел из кабинета. Надзиратели провели его опять по коридору, через холл, через канцелярию и подвели к будке у ворот, где его ждал Ролинс, одетый примерно так же, как и он сам. Пять минут спустя они уже стояли на улице Кастелар возле больших, окованных железом ворот тюрьмы.

Неподалеку остановился автобус, и они забрались в него. Они стали пробираться по проходу, а женщины, сидевшие с пустыми корзинками и сумками, что-то тихо им говорили.

Я думал, ты помер, сказал Ролинс.

А я думал, что помер ты.

Что произошло?

Расскажу потом. А пока давай просто посидим. Без разговоров, ладно?

Ладно.

С тобой все в порядке?

Да.

---

¹²⁴ Ваша одежда (исп.).

Ролинс повернулся к окну. Было тихо и пасмурно. Начал накрапывать дождь. Редкие капли гулко барабанили по крыше автобуса. В конце улицы маячили очертания собора – круглый купол и колокольня.

Всю жизнь мне казалось, что беда совсем рядом. Не то чтобы со мной обязательно должно приключиться что-то такое, но просто до беды рукой подать, произнес Ролинс.

Давай пока помолчим, сказал Джон-Грейди.

Они сидели и смотрели на дождь. Женщины тоже помалкивали. Небо так затянуло тучами, что нельзя было различить даже светлое пятно, за которым могло скрываться солнце. В автобус вошли еще две женщины. Они заняли места, после чего водитель повернулся, захлопнул дверь, посмотрел в зеркало, проверяя, что там сзади, включил мотор, и автобус тронулся с места. Кое-кто из женщин стал протирать окна рукавами и оборачиваться на тюрьму, укутанную пеленой мексиканского дождя. Она высилась словно крепость в осаде, – будто в старину, когда враги бывали только снаружи.

Они проехали несколько кварталов и оказались в центре. Когда Джон-Грейди и Ролинс выбрались из автобуса, на площади горели фонари. Друзья медленно перешли через нее и спрятались под крышей галереи. Стояли и смотрели на дождь. Четверо музыкантов в вишневой форме стояли рядом, держа в руках инструменты. Ролинс казался каким-то потерянным, без шляпы, в севшей одежде и не на лошади.

Давай чего-нибудь съедим, сказал Джон-Грейди.

У меня денег нет.

Зато у меня есть.

Откуда?

Мне их в конверте дал начальник тюрьмы.

Они вошли в кафе и сели в кабинку. Подошел официант, положил перед каждым меню и удалился. Ролинс посмотрел в окно.

Давай возьмем по бифштексу, предложил Джон-Грейди.

Давай.

Они заказали бифштексы с жареной картошкой и кофе, официант кивнул и унес меню. Джон-Грейди встал, подошел к стойке и купил две пачки сигарет и по коробке спичек. Сидевшие за столиками смотрели, как он возвращается на место.

Ролинс закурил.

Почему мы еще живы? – спросил он.

Она нас выкупила.

Старая сеньора?

Да, тетка хозяина.

Зачем?

Не знаю.

Так вот, значит, откуда деньги.

Да.

Это как-то связано с Алехандрой?

Наверное.

Ролинс курил и смотрел в окно. Снаружи было темно, и огни кафе и уличных фонарей играли в лужах.

Это единственное объяснение?

Да.

Ролинс кивнул.

Я запросто мог бы удрать оттуда, куда меня поместили. Это была обычная больница.

Ну и почему же ты не удрал?

Не знаю. По-твоему, я свалял дурака?

Не знаю. Может быть.

Ну а ты бы как поступил?

Я бы не бросил тебя.

Вот я так и подумал.

Ролинс едва заметно улыбнулся. Потом отвернулся.

Официант принес кофе.

Там лежал еще один парень, сказал Ролинс. Парень как парень. Сильно порезанный. Вышел погулять в субботу вечером. В кармане были доллары. Или там песо. Причем очень немного. На него напали... Глупо, правда?

И что с ним стало?

Помер. Когда его выносили, я подумал: как он удивился бы, если бы смог посмотреть на себя со стороны. Во всяком случае, мне было странно это видеть, а ведь речь шла даже не обо мне. Смерть как-то не входит в наши планы, верно?

Верно.

Ролинс помолчал, потом говорит:

А во мне теперь есть мексиканская кровь.

Он посмотрел на Джона-Грейди. Тот прикуривал сигарету. Он потушил спичку, бросил ее в пепельницу и посмотрел на Ролинса:

И что?

Как думаешь, что это значит? – спросил Ролинс.

В каком смысле?

Это я теперь, выходит, отчасти мексиканец, так, что ли?

Джон-Грейди затянулся сигаретой, выпустил струйку дыма и откинулся на спинку стула.

Отчасти мексиканец? – повторил он.

Да.

А сколько в тебя влили?

Говорят, больше литра.

Насколько больше?

Не знаю.

Что ж, литр мексиканской крови превращает тебя почти что в полукровку.

Ролинс уставился на него, потом сказал:

Да нет, не может быть.

Господи, да не все ли равно? Кровь – это кровь. Она не знает, откуда она родом.

Официант принес бифштексы. Друзья принялись за еду. Джон-Грейди посмотрел на Ролинса. Тот поднял голову.

Ты чего? – спросил он.

Ничего.

Ты, по-моему, как-то не рад, что выбрался из кутузки.

То же самое я хотел сказать про тебя.

Это точно, кивнул Ролинс. Вроде бы надо плясать от восторга, а что-то не пляшется.

Что собираешься делать?

Поеду домой.

Понятно.

Они занялись бифштексами.

А ты небось хочешь вернуться туда, сказал, помолчав, Ролинс.

Вроде того.

Из-за нее?

Да.

А как насчет лошадей?

И из-за лошадей тоже.

Ролинс кивнул, потом спросил:

Думаешь, она тебя ждет?

Не знаю.

Старая сеньора сильно удивится, когда увидит тебя.

Не думаю. Она очень смекалистая.

А как насчет Рочи?

Это уже его проблема.

Ролинс положил вилку и нож крест-накрест в опустевшую тарелку и сказал:

Не надо туда возвращаться. Ничего хорошего из этого не выйдет. Уж ты мне поверь.

Я все решил.

Ролинс закурил новую сигарету, потушил спичку:

Она могла обещать тетке только одно. Иначе не видать бы нам свободы как своих ушей...

Наверное. Но я хочу, чтобы она сказала мне сама.

А услышав это от нее самой, ты вернешься?

Да.

Понятно.

Ну и, конечно, там остались лошади. Надо забрать...

Ролинс покачал головой и отвернулся.

Я ведь не тяну тебя за собой, сказал Джон-Грейди.

Понятное дело.

С тобой все будет нормально.

Знаю.

Ролинс стряхнул пепел с сигареты, потер лоб тыльной стороной руки, посмотрел в окно.

Там снова зарядил дождь. Площадь опустела, машин не было.

На углу стоит пацан и торгует газетами. Вокруг ни души, а он спрятал их под рубашкой и выкрикивает заголовки, сообщил Ролинс.

Он провел по глазам тыльной стороной кисти.

Черт!

Ты чего?

Ничего. Просто хреново все получилось.

Это ты о чем?

Да я о Блевинсе.

Джон-Грейди промолчал. Ролинс посмотрел на него. Глаза у Ролинса сделались влажными, он выглядел грустным и каким-то постаревшим.

Просто не верится, что его взяли, увели, и всё, конец...

Да...

Представляешь, как ему было жутко?

Ничего, вернешься домой, все встанет на свои места.

Ролинс покачал головой и снова посмотрел в окно.

Вряд ли, сказал он.

Джон-Грейди молча курил.

Но я не Блевинс, наконец проговорил он.

Верно, кивнул Ролинс. Ты не Блевинс. Но я не знаю, кому из вас сейчас лучше.

Джон-Грейди затушил сигарету и сказал:

Пора.

Они зашли в аптеку, купили мыло, зубные щетки, безопасную бритву, а потом сняли номер в гостинице неподалеку. Ключ был с деревянной биркой, на которой раскаленной проволокой выжжен номер комнаты. Под легким дождиком они прошли через маленький дво-

рик, отыскивали нужную дверь, вошли, включили свет. На кровати сидел человек и с удивлением смотрел на них. Тогда они выключили свет, вышли, закрыли дверь, вернулись к портье, который выдал им другой ключ.

Стены их номера были покрашены в зеленый цвет, а в углу, за клеенкой на кольцах, имелся душ. Джон-Грейди включил воду, и, когда пошла горячая, снова завернул кран.

Ну, давай мойся, сказал он Ролинсу.

Сначала ты.

Мне еще надо снять повязки.

Он сел на кровать и, пока Ролинс мылся, стал отдирать бинты. Ролинс выключил воду, отодвинул занавеску и вышел, вытираясь старым полотенцем.

Значит, мы с тобой счастливики. В рубашке родились?

Выходит, так, сказал Джон-Грейди.

А как ты будешь снимать швы?

Придется найти доктора.

Больнее, когда снимают, чем когда накладывают, сообщил Ролинс. Знаю.

Ты это и раньше знал?

Знал.

Ролинс завернулся в полотенце, сел на кровать напротив. На столе лежал конверт с деньгами.

Сколько там?

Джон-Грейди посмотрел на конверт:

Не знаю. Но, наверное, гораздо меньше, чем туда было вложено. Посчитай.

Ролинс взял конверт и стал считать купюры, выкладывая их на кровать.

Девятьсот семьдесят песо.

Джон-Грейди кивнул.

А сколько это по-нашему?

Примерно сто двадцать долларов.

Ролинс сложил банкноты в пачку, постучал ею по крышке стола, выровнял и снова положил в конверт.

Разделим пополам, сказал Джон-Грейди.

Мне не надо.

Очень даже надо.

Я еду домой.

Ну и что? Половина твоя.

Ролинс встал, повесил полотенце на спинку кровати, потом откинул простыни.

Тебе они пригодятся до последнего песо, сказал он.

Выходя из душа, Джон-Грейди думал, что Ролинс уже заснул, но ошибался. Джон-Грейди выключил свет, лег в кровать и лежал, вслушиваясь в шумы и шорохи за окном.

Ты когда-нибудь молишься? – спросил Ролинс.

Раньше бывало. Но в последнее время я эту привычку утратил. Сам не знаю почему.

Ролинс долго лежал и молчал.

Какой ты совершил самый паскудный поступок? – вдруг спросил он.

Даже не знаю. Но вообще-то, если уж ты сделал какую-то гадость, то лучше о ней помалкивать. А что?

Не знаю... Просто когда я валялся в больнице порезанный, то думал: раз я здесь оказался, то, наверное, поделом. Наверное, так надо. Тебе никогда такое не приходило в голову?

Иногда приходило.

Они лежали в темноте и молчали. Кто-то прошел по двору. Открылась и закрылась дверь.

А ты никогда не совершал ничего паскудного? – спросил Джон-Грейди.

Как-то мы с Ламонтом отвезли грузовик продуктов в Стерлинг-Сити, продали каким-то мексиканцам, а денежки прикарманили.

Это не самое великое преступление.

Ну, было и еще кое-что.

Если тебе охота поговорить, то я выкурю сигаретку.

Нет, я уже заткнулся.

Как знаешь.

Они снова лежали в темноте и молчали.

Ты знаешь, что со мной тогда случилось? – подал голос Джон-Грейди.

В тюремной столовой?

Да.

Знаю.

Джон-Грейди протянул руку к пачке, достал сигарету, закурил и затушил спичку.

Я сам не подозревал, что на такое способен, медленно произнес он, вглядываясь в темноту.

У тебя не было выбора.

Все равно.

А то бы он тебя убил.

Джон-Грейди затянулся и выпустил невидимую в темноте струйку дыма.

Не надо ничего объяснять, не надо утешать меня. Дело все равно уже сделано.

Ролинс помолчал, потом спросил:

А где ты достал нож?

Купил у братьев Баутиста. На последние сорок пять песо.

На деньги Блевинса?

Вот именно.

Ролинс лежал на боку и смотрел туда, где рдел огонек сигареты Джона-Грейди. Когда тот затягивался, красная точка превращалась в пятно, и в этом тусклом свете проступало лицо со швами, похожее на театральную маску, которую кто-то залатал наспех.

Покупая нож, я понимал, для чего он мне понадобится.

Ты все сделал правильно.

Сигарета снова ярко вспыхнула, потом превратилась в алую точку.

Верно. Но ты-то никого не убивал.

Утром снова пошел дождь, и они стояли под навесом у того же кафе и, ковыряя во рту зубочистками, разглядывали площадь. Ролинс посмотрел в витрину на свой перебитый нос.

Знаешь, что мне противно? Отчего с души воротит?

Ну?

Оттого, что придется показаться дома в таком вот виде.

Джон-Грейди посмотрел на него, отвел взгляд, потом сказал:

Я не стал бы тебя осуждать.

Ты на себя-то полюбуйся.

Будет тебе, усмехнулся Джон-Грейди.

В магазинчике на улице Виктории они купили джинсы, куртки и шляпы, переоделись в обновки и под мелким дождем прошли до автостанции, где Ролинс купил себе билет на автобус. Они сидели в кафе при автостанции в новой, негнущейся одежде и пили кофе, положив перевернутые шляпы на соседние стулья. Затем по радио объявили посадку на автобус Ролинса.

Пора, сказал Джон-Грейди.

Они встали, надели шляпы и пошли к автобусу.

Ну, бывай. Еще увидимся, сказал Ролинс.

Береги себя.

И ты тоже.

Ролинс отдал билет водителю, тот прокомпостировал его, вернул, и Ролинс не без труда забрался в автобус. Джон-Грейди стоял и смотрел, как Ролинс идет по проходу. Он думал, что тот сядет у окошка на этой стороне, но Ролинс выбрал противоположную. Тогда Джон-Грейди повернулся, прошел через здание автостанции и медленно побрел под дождем в гостиницу.

В последующие несколько дней Джон-Грейди узнал по именам чуть не всех врачей столицы этой пустынной области, но никак не мог найти того, кто бы сделал то, что ему требовалось. Блуждал по улочкам и закоулкам Сальтильо, пока не выучил их как свои пять пальцев. Наконец своего добился. Сидел на металлическом стуле в приемной хирурга, а тот, напевая себе под нос, снимал швы с лица. Закончив работать ножницами и пинцетом, он сообщил пациенту, что время лучший лекарь и вскоре шрамы не будут такими заметными. Он предупредил Джона-Грейди, чтобы тот не глазел на себя в зеркало и понапрасну не расстраивался, потом наложил повязку, сказал, что Джон-Грейди должен ему пятьдесят песо, и велел зайти через пять дней, чтобы снять швы на животе.

Неделю спустя Джон-Грейди покинул Сальтильо и в кузове грузовика отправился на север. Было пасмурно и прохладно. В кузове цепями был закреплен здоровенный дизель. Пока машина петляла по улочкам города, Джона-Грейди трясло и бросало из стороны в сторону, и он то и дело хватался за борта. Надвинув шляпу на глаза, он встал, уперся руками в кабину и дальше ехал таким манером, словно курьер, который везет важные новости жителям окрестных деревень, или внезапно обретший в горах пылкость веры проповедник, которого везут теперь служить на север, в Монклову.

IV

На развилке за Паредоном они подобрали пятерых работников с фермы, которые забрались в кузов и кивнули ему с какой-то робкой учтивостью. Уже стемнело, шел дождь, и у всех были мокрые лица, блестящие в желтом свете фонарей.

Они сгруппировались возле дизеля, и Джон-Грейди предложил им сигареты. Поблагодарив, они взяли по одной. Потом, заслоняясь ладонями от дождя и ветра, стали прикуривать от его спички и снова благодарили.

*¿De dónde viene?*¹²⁵ – спрашивали мексиканцы.

Техас.

Техас, повторяли они. *¿Y dónde va?*¹²⁶

Джон-Грейди затянулся сигаретой, посмотрел на мексиканцев. Один из них, который был постарше остальных, с интересом изучал его новую одежду.

*El va a ver a su novia*¹²⁷, сказал он.

Все почтительно посмотрели на техасца, и Джон-Грейди сказал, что да, именно так и есть.

Ah, qué bueno, одобрили они.

И потом еще долго Джон-Грейди вспоминал эти улыбки и ту добрую волю, которая рождала их, эта воля обладала свойством даровать и хранить достоинство, а также исцелять душевные раны и вселять чувство уверенности уже после того, как все прочие ресурсы оказываются исчерпанными.

Когда грузовик снова поехал, а Джон-Грейди продолжал стоять в кузове, мексиканцы стали наперебой предлагать ему свои узлы, чтобы он мог сесть, и он, поблагодарив их, так и поступил. Джон-Грейди сидел на каком-то бауле и клевал носом в такт тряске. Он задремал, и тут дождь прекратился, небо прояснилось, и луна стояла над высоко натянутыми вдоль шоссе проводами, словно долгая серебристая музыкальная нота, звучащая в вечном, всепоглощающем мраке. Они ехали мимо полей, от которых после дождя пахло землей, пшеницей, перцем, а иногда и лошадьми. В полночь подъехали к Монклове, и Джон-Грейди попрощался за руку с каждым из своих спутников, а потом слез и, подойдя к кабине, поблагодарил водителя, кивнул еще двоим в кабине и, оставшись один в темном, чужом городе, какое-то время стоял и смотрел вслед удалявшемуся в ночи грузовику с его красным фонариком сзади.

Ночь была теплой, и он переночевал на лавке местной аламеда, а когда проснулся, уже взошло солнце и начался новый день с его обычной суетой. Школьники в синей форме шли по дорожке бульвара. Джон-Грейди встал, перешел улицу. Женщины мыли тротуары перед магазинчиками, а уличные торговцы уже раскладывали на столиках и прилавках товары.

Съев на завтрак сладкую булочку с кофе в маленьком кафе в переулке возле площади, он зашел в аптеку, купил мыло и сунул его в карман, где уже лежали бритва и зубная щетка, после чего зашагал на запад.

Его подвезли до Фронтеры, а потом и до Сан-Буэнавентуры. Днем он искупался в ирригационном канале, побрился, выстирал одежду и лег на солнышке вздремнуть, пока сушатся выстиранные вещи. Чуть ниже по течению была запруда, и, проснувшись, Джон-Грейди увидел, что с плотины прыгают в воду и плещутся голые дети. Он встал, завернулся в куртку и подошел к плотине. Сел неподалеку и стал смотреть на купающихся детей. По берегу прошли две девочки. Они тащили вдвоем прикрытый марлей бачок, а в свободной руке каждая держала еще по ведерку с крышкой. Видимо, несли обед работавшим в поле. Девочки застенчиво

---

¹²⁵ Откуда вы? (исп.)

¹²⁶ А куда? (исп.)

¹²⁷ Он едет к своей возлюбленной (исп.).

улыбнулись полуголому Джону-Грейди, казавшемуся по сравнению с коричневыми мексиканцами неестественно бледным. Эту бледность дополнительно оттеняли ярко-красные шрамы на груди и животе. Он сидел, курил и смотрел на детей в мутной воде.

Потом весь день он, плаваясь от жары, брел по пыльной дороге в направлении Куатро-Сьенагас. Попадавшие ему на пути мексиканцы охотно с ним заговаривали. Джон-Грейди шел мимо полей, где мужчины и женщины рыхлили землю мотыгами. При его приближении они прекращали работу, здоровались, говорили, что погода нынче выдалась хорошая, а он согласно кивал и улыбался. Вечером он поужинал с крестьянами. За столом из длинных жердей, связанных шпагатом, расположилось пять или шесть семей. Над столом был сооружен парусиновый навес, который заходящее солнце окрасило в оранжевый цвет, испещрив лица и одежду ужинавших полосами от швов на парусине. Девочки разносили еду на тарелках с поддончиками из досок от ящиков, чтобы не так мешали неровности стола. Старик, сидевший в дальнем конце, встал и от имени всех ужинавших прочитал молитву. Он попросил Всевышнего не забывать всех тех, кто жил и умер на этой земле, и напомнил собравшимся, что кукуруза и пшеница произрастают исключительно по воле Создателя, и не будь этой самой воли, не было бы ни пшеницы с кукурузой, ни дождей и тепла, а была бы одна лишь тьма кромешная. После этого вступления крестьяне приступили к трапезе.

Мексиканцы уговаривали Джона-Грейди заночевать у них, но он поблагодарил и двинулся дальше по пустой и темной дороге. Вскоре оказался возле рощицы, где и устроился на ночлег. Утром дорогу запрудила отара овец, и грузовик с сельскохозяйственными рабочими никак не мог преодолеть эту живую преграду. Воспользовавшись этим, Джон-Грейди вышел на дорогу и попросил шофера подвезти его. Шофер коротким кивком пригласил его забираться. Джон-Грейди попытался подтянуться на руках и залезть в кузов медленно ползущего грузовика, но это ему не удалось. Видя, в каком он состоянии, мексиканцы повставали с мест и общими усилиями втащили его в кузов. Так на случайном транспорте, а чаще пешком, Джон-Грейди неуклонно продвигался на запад и вскоре оказался в горах за Нададоресом. Оттуда спустился на равнину, миновал Ла-Мадрид и оказался на глинистой дороге, которая вела к хорошо известному ему поселку Ла-Вега. Часа в четыре дня был уже там.

Джон-Грейди зашел в магазинчик, купил бутылку кока-колы, выпил, не отходя от прилавка, и попросил вторую. Девушка-продавщица не без опаски поглядывала на покупателя, который сосредоточенно изучал календарь на стене. Сбившись со счета дней, он спросил у девушки, какое сегодня число, но этот вопрос застал ее врасплох. Джон-Грейди поставил вторую пустую бутылку на прилавок рядом с первой, вышел из магазинчика и зашагал по немощеной дороге в сторону асьенды Ла-Пурисима.

Он отсутствовал почти два месяца, и знакомые места сильно изменились. Лето прошло. На дороге ему никто так и не попался, и на асьенду он пришел уже затемно.

Подойдя к дому геренте, он увидел через дверь, что семья ужинает. Постучал. Вышла женщина и, коротко глянув на Джона-Грейди, пошла за Армандо. Геренте вышел, остановился в дверях и стал ковырять во рту зубочисткой. Зайти в дом Джона-Грейди так и не пригласили. Затем вышел брат геренте Антонио, они сели вдвоем с Джоном-Грейди под навесом и закурили.

*¿Quién está en la casa?*¹²⁸ – спросил Джон-Грейди.

*La dama*¹²⁹.

*¿Y el señor Rocha?*¹³⁰

¹²⁸ Кто из хозяев дома? (исп.)

¹²⁹ Сеньора (исп.).

¹³⁰ А сеньор Роча? (исп.)

*En Mexico*¹³¹.

Джон-Грейди кивнул.

*Se fue él y la hija a Mexico. Por avión*¹³². Антонио рукой изобразил в воздухе полет.

*¿Cuándo regresa?*¹³³

*Quién sabe*¹³⁴.

Посидели, покурили.

*Tus cosas quedan aquí*¹³⁵.

¿Sí?

*Sí. Tu pistola. Todas tus cosas. Y las de tu compadre*¹³⁶.

*Gracias*¹³⁷.

*De nada*¹³⁸.

Сидят, молчат. Антонио бросил взгляд на Джона-Грейди.

*Yo no sé nada, joven*¹³⁹.

*Entiendo*¹⁴⁰.

*En serio*¹⁴¹.

*Esta bien. ¿Puedo dormir en la cuadra?*¹⁴²

Sí.

*¿Cómo están las yeguas?*¹⁴³

Las yeguas, с улыбкой повторил Антонио.

Он принес Джону-Грейди его вещи. Револьвер был разряжен, патроны лежали в вещевом мешке вместе с его бритвенными принадлежностями и отцовским старым охотничьим ножом фирмы Вебстера Марбла. Он поблагодарил Антонио и в потемках пошел на конюшню. Матрас на его кровати был скатан, и там не было ни подушки, ни одеял с простынями. Джон-Грейди расстелил матрас, стащил сапоги и улегся. При его появлении некоторые лошади в денниках стали подниматься. Они фыркали и ворочались, и ему было приятно снова слышать эти звуки и вдыхать запахи. Он заснул умиротворенный.

На рассвете дверь его каморки распахнулась. На пороге стоял старый конюх Эстебан. Он посмотрел на Джона-Грейди, потом снова закрыл дверь. Когда старик ушел, Джон-Грейди встал, взял мыло и бритву и умылся под краном в торце конюшни.

Джон-Грейди шел к хозяйскому дому, а со всех сторон собирались кошки. Они шли от конюшни и из сада, двигались по высокому забору, ждали очереди протиснуться под старыми воротами. Карлос зарезал овцу, и самые проворные кошки уже сидели на кафельных плитках галереи и нежились под лучами раннего солнца, пробивавшимися сквозь гортензии. Карлос в мясницком фартуке выглянул из дверей кладовой в конце галереи. Джон-Грейди поздоровался. Карлос важно кивнул и снова исчез.

---

¹³¹ Он в Мехико (*исп.*).

¹³² Он с дочкой вместе отправились в Мехико. На самолете (*исп.*).

¹³³ Когда вернутся? (*исп.*)

¹³⁴ Никто не знает (*исп.*).

¹³⁵ Твои вещи все здесь (*исп.*).

¹³⁶ Да. Твой пистолет. Все твои вещи. И вещи твоего товарища (*исп.*).

¹³⁷ Спасибо (*исп.*).

¹³⁸ Не за что (*исп.*).

¹³⁹ Я ничего не знаю, парень (*исп.*).

¹⁴⁰ Понимаю (*исп.*).

¹⁴¹ Серьезно (*исп.*).

¹⁴² Хорошо. Можно переночевать на конюшне? (*исп.*)

¹⁴³ Как поживают кобылы? (*исп.*)

Увидев Джона-Грейди, Мария вроде бы даже не удивилась. Угостила его завтраком и выдала обычный утренний отчет. Сеньорита Альфонса еще не вставала, встанет, может быть, через час. В десять ей подадут машину, и она уедет на целый день в гости на виллу «Маргарита», но вернется засветло, потому что не любит ездить в темноте. Возможно, она примет его сегодня вечером.

Джон-Грейди слушал и пил кофе. Потом попросил сигарету. Мария взяла с полки над раковиной пачку своих «торос» и положила на стол перед ним. Она не расспрашивала его о том, что с ним случилось и где он был, но, когда он попытался встать из-за стола, она легким движением надавила ему на плечи и, снова усадив, подлила еще кофе. И велела ему немного подождать здесь, потому как сеньорита скоро встанет.

Вскоре вошел Карлос, бросил ножи в раковину и удалился. В семь часов Мария положила на поднос завтрак, вышла, а вернувшись, сообщила Джону-Грейди, что его ждут к десяти вечера и сеньорита его непременно примет. Он встал, чтобы уйти, потом, поколебавшись, сказал:

*Quisiera un caballo*¹⁴⁴.

¿Caballo?

*Sí. Por el día, no más*¹⁴⁵.

*Momentito*¹⁴⁶, сказала Мария.

Она вышла, потом вернулась.

*Tienes tu caballo. Espérate un momento. Siéntate*¹⁴⁷.

Она собрала ему обед, завернула в бумагу, перевязала шпагатом.

Gracias.

De nada.

Мария взяла со стола сигареты и спички и протянула ему. По ее лицу Джон-Грейди попытался понять, в каком расположении духа находится хозяйка, которую Мария только что посетила. То, что он увидел, не вселило в него радужных надежд. Мария все-таки сунула ему сигареты, которые он долго не брал.

*Ándale pues*¹⁴⁸.

В конюшне появились новые кобылы, и Джон-Грейди остановился на них посмотреть. Потом зашел в седельную, включил свет, взял вальтрап и уздечку, выбрал среди полудюжины седел, как ему показалось, лучшее, снял его, оглядел, сдул пыль, проверил ремни, забросил на плечо и, придерживая за рожок, направился в корраль.

Жеребец увидел его и пошел по загону рысью. Джон-Грейди остановился у ворот и стал наблюдать за конем. Тот бежал, чуть наклонив голову, закатывая глаза и пофыркивая. Потом, узнав Джона-Грейди, повернул к нему. Джон-Грейди открыл ворота, и жеребец, тихо заржав, вскинул голову, фыркнул и уткнулся длинным и гладким носом ему в грудь.

Когда они проезжали мимо барака, Моралес сидел на ступеньках и чистил лук. Он помахал ножом и весело окликнул Джона-Грейди. Тот поблагодарил старика за приветствие, но лишь потом до него дошло: Моралес сказал ему, что конь рад снова видеть его, а насчет себя умолчал. Он еще раз махнул рукой Моралесу, тронул каблуками бока жеребца, и тот забил копытом, загарцевал, словно никак не мог определиться с аллюром, который лучше всего подошел бы к этому дню. И лишь когда выехали на дорогу и дом с конюшней и поваром Моралесом

¹⁴⁴ Хочу взять коня (исп.).

¹⁴⁵ На день, не больше (исп.).

¹⁴⁶ Минуточку (исп.).

¹⁴⁷ Будет у тебя лошадь. Погоди минутку. Сядь (исп.).

¹⁴⁸ Ну, иди (исп.).

скрылся из вида, Джон-Грейди шлепнул ладонью по лоснящемуся, дрожащему крупу, и они понеслись ровным резвым галопом.

Джон-Грейди проехался по столовой горе, выгоняя лошадей из долин и кедровых чащ, где они любят прятаться, а потом провел жеребца рысью по горному лугу, чтобы его немного охладил ветерок. Они спугнули сарычей из лощинки, где те собрались попировать павшим жеребенком. Остановив жеребца, Джон-Грейди какое-то время смотрел на конский труп без глаз и с содранной шкурой в перепачканной кровью траве.

Днем Джон-Грейди сделал привал. Усевшись на большом камне и болтая ногами, он подкрепился холодным цыпленком и хлебом, которые дала ему с собой Мария, а жеребец спокойно пощипывал травку поодаль. Джон-Грейди смотрел на запад, туда, где за холмами и долинами, растворяясь в дымке, высились горы, над которыми собирались грозные облака.

Он выкурил сигарету, затем сделал углубление в тулье шляпы, положил туда камень и, улегшись на траву, прикрыл этой утяжеленной шляпой лицо. И все пытался угадать, какой сон будет к удаче. Представил себе ее на вороном скакуне. Как она ехала с прямой спиной, шляпа сидела на ней ровно, и волосы развевались на ветру, а потом она повернулась и улыбнулась, и еще он запомнил ее взгляд. Потом он подумал о Блевинсе. Вспомнил выражение его лица, когда тот отдавал ему свои песо. Однажды в Сальтильо ему приснилось, что к нему в камеру пришел Блевинс и они рассуждают о том, что такое смерть. Блевинс говорил ему, что в ней нет ничего страшного, и Джон-Грейди соглашался. Джон-Грейди подумал, что если ему опять приснится Блевинс, то потом, может, мальчишка наконец-то оставит его навсегда и заснет вечным сном с такими же, как он, бедолагами. Трава шуршала на ветру, и Джон-Грейди под это шуршание уснул, но никаких снов не видел.

Обратно ехал через пастбища. Из-под деревьев выходили коровы, спасавшиеся там от дневной жары. Проезжая мимо одичавшей яблони, Джон-Грейди сорвал яблоко, надкусил, но оно оказалось зеленым, твердым и горьким. Он спешил и повел коня по бывшему яблоневому саду в поисках падалицы, но ничего не нашел – наверное, все поели коровы. Потом они подъехали к заброшенному дому. Двери там не было, и Джон-Грейди въехал на жеребце внутрь. Часть стропил кто-то снял – видимо, охотники и пастухи пустили их на дрова для костров, которые разводили прямо на полу. К стене была прибита телячья шкура. В окнах не было не только стекол, но и рам, которые тоже, скорее всего, пошли на дрова. Казалось, жизнь, некогда кипевшая в этих стенах, вдруг внезапно и необъяснимо оборвалась. Жеребцу тут явно не нравилось, и Джон-Грейди, тронув его бока каблуками и действуя поводьями, развернул его, и они выехали наружу. Останки дома и сада быстро остались позади и скрылись из вида. Они ехали по заболоченному лугу к дороге. Воздух пьянил, над головами человека и коня ворковали голуби, и Джон-Грейди время от времени пускал в ход поводья, чтобы конь не наступал на собственную тень, – это волновало его.

Джон-Грейди умылся под краном в коррале, сменил рубашку, стер пыль с сапог и пошел к барaku. Уже стемнело. Пастухи отужинали и теперь сидели под навесом, курили.

Джон-Грейди поздоровался, услышав в ответ:

*¿Eres tu, Juan?*¹⁴⁹

*Claro*¹⁵⁰.

Возникла пауза, потом кто-то из мексиканцев сказал ему «добро пожаловать». Джон-Грейди поблагодарил.

Он сидел, курил и рассказывал, что с ним произошло. Пастухи поинтересовались, как поживает Ролинс, который был для них ближе Джона-Грейди. Узнав, что Ролинс сюда больше не вернется, они огорчились, но кто-то резонно заметил, что человек много теряет, когда поки-

¹⁴⁹ Это ты, Хуан? (исп.)

¹⁵⁰ Конечно (исп.).

дает родину. Ведь не случайно ты рождаешься именно в этой стране, а не в какой-то другой. И еще кто-то сказал, что погода, ветра и времена года не только создают поля, холмы, реки, горы, но и влияют на судьбы людей и передают это из поколения в поколение, и с этим нельзя не считаться. Они также поговорили о коровах, лошадях, о молодых кобылах, у которых началась течка, о свадьбе в Ла-Вега и похоронах в Виборе. Никто не упомянул ни хозяина, ни Альфонсу. Никто и словом не обмолвился о хозяйской дочке. В конце концов Джон-Грейди пожелал им доброй ночи и направился к хозяйскому дому. Подошел к двери и постучал. Некоторое время никто не отзывался, тогда он снова постучал. Наконец на пороге появилась Мария, и он понял, что из ее комнаты только что вышел Карлос. Она посмотрела на часы над раковиной.

*¿Ya comiste?*¹⁵¹ – спросила она.

No.

*Siéntate. Hay tiempo*¹⁵².

Он сел за стол, и она поставила разогреваться сковородку с жареной бараниной и подливкой, а несколько минут спустя принесла ему полную тарелку и кофе. Закончив мыть посуду, она вытерла руки фартуком и без нескольких минут десять вышла из кухни. Затем вернулась и остановилась на пороге. Джон-Грейди встал из-за стола.

*Está en la sala*¹⁵³, сказала она.

Джон-Грейди прошел через холл в гостиную. Дуэнья Альфонса стояла с очень официальным видом. Она была одета с элегантностью, от которой веяло холодом. Прошла к столу, села и жестом предложила Джону-Грейди сделать то же самое.

Он медленно прошел по ковру с орнаментом и тоже сел. За ее спиной на стене висел гобелен, на котором изображалась встреча двух всадников на дороге. Над двойными дверями в библиотеку была прикреплена голова быка с одним рогом.

Эктор был уверен, что ты здесь больше не появишься. Я говорила, что он ошибается.

Когда он вернется?

Не скоро. Но так или иначе, вряд ли он захочет тебя видеть.

По-моему, я имею право объясниться.

А по-моему, баланс уже подведен, причем в твою пользу. Ты принес большое разочарование моему племяннику и немалые расходы мне.

Не считите за дерзость, мэм, но я и сам испытал некоторые неудобства.

Когда полицейские приезжали сюда первый раз, мой племянник отправил их назад с пустыми руками. Вознамерился провести собственное расследование. Был уверен, что их версия ошибочна.

Почему же он ничего мне не сказал?

Он дал слово команданте. Иначе тебя забрали бы сразу же. Но он хотел провести собственное расследование. Согласись, что команданте имел все основания не предупреждать заранее тех, кого он намерен арестовать.

Напрасно дон Эктор лишил меня шанса рассказать, что тогда случилось. Глядишь, все вышло бы иначе...

До этого ты уже дважды говорил ему неправду. Он имел основания предположить, что ты способен солгать и в третий раз.

Я никогда не лгал ему.

История об украденной лошади дошла до этих мест еще до вашего прибытия. Было известно, что конокрады – американцы. Когда он спросил тебя об этом, ты сказал, что ничего

---

¹⁵¹ Уже поел? (исп.)

¹⁵² Садись. Время еще есть (исп.).

¹⁵³ Она в гостиной (исп.).

не знаешь. Потом несколько месяцев спустя ваш приятель вернулся в Энкантаду и убил там человека. Государственного служащего. Никто не сможет отрицать этого.

Когда он возвращается?

Он все равно не захочет тебя видеть.

Вы, значит, тоже считаете меня преступником?

Я готова поверить, что против тебя сложились обстоятельства. Но сделанного не воротишь.

Почему вы меня выкупили?

Ты и сам отлично знаешь почему.

Из-за Алехандры?

Да.

А что она обещала взамен?

Думаю, ты и это понимаешь.

Она обещала, что больше никогда со мной не увидится?

Да.

Джон-Грейди откинулся на спинку стула, посмотрел мимо дуэньи Альфонсы на стену. На гобелен. На голубую декоративную вазу на ореховом буфете.

У меня не хватит пальцев на руках, чтобы подсчитать, сколько женщин из нашей семьи пострадали из-за любовных связей с недостойными мужчинами. Разумеется, кого-то из кавалеров увлекли революционные идеи – такие уж были времена... Моя сестра Матильда, например, в двадцать один год уже дважды стала вдовой. Обоих ее мужей застрелили. Двоемужница... Просто какое-то семейное проклятие... Не хочется об этом думать, но такое впечатление, что на нас наложена порча... Нет, Алехандру ты больше никогда не увидишь.

Вы загнали ее в угол.

Я была рада, что появилась хоть какая-то возможность с нею договориться.

Только не говорите, что я должен сказать за это спасибо.

Не буду.

Вы не имели права... Лучше бы я остался в тюрьме.

Ты бы там не выжил.

Ну умер бы. И что?!

Они сидели и молчали. Было слышно, как тикают часы в холле.

Мы хотим дать тебе коня. Его выбором займется Антонио. У тебя есть деньги?

Он посмотрел на нее, потом медленно произнес:

Я-то думал, раз в молодости вы сами хлебнули горя, значит будете добрее к другим.

Ты ошибся.

Наверное.

Мой опыт отнюдь не убедил меня, что пережитые тяготы делают людей добрее.

Это смотря каких людей.

Ты, наверное, думаешь, что видишь меня насквозь. Кто я? Старуха, у которой не сложилась личная жизнь, и потому она озлоблена на весь мир. Завидует счастью других. Типичная история... Но ко мне она отношения не имеет. Я защищала тебя, даже несмотря на скандалы, которые устраивала мать Алехандры. К счастью, ее ты не встречал. Это тебя удивляет?

Удивляет.

Видишь ли, если бы она умела держать язык за зубами, я, может, и не взяла бы на себя роль твоего адвоката. Кроме того, в отличие от меня она очень уж уважает светские приличия... Свет... Общество... У нас в Мексике это машина подавления. В первую очередь женщины. В стране, где женщины лишены права голоса, общественное мнение деспотично... Мексиканцы просто помешались на обществе и на политике, хотя и то и другое у нас – чистый кошмар. Представителей нашей семьи здесь называют сумасбродными гачупинами, но сума-

существование испанцев мало чем отличается от безумства креолов. В тридцатые годы в Испании разыгралась политическая трагедия, но за два десятилетия до этого в Мексике прошла ее генеральная репетиция. Имеющий глаза да увидит... Казалось бы, разница огромна, но, если приглядеться, получается, по сути, одно и то же. Испанец всем сердцем обожает свободу. Но только свою собственную. Он боготворит истину и честь во всех их обличьях. Но ему нравятся именно эти обличья, а не суть. Испанец свято верит, что единственный способ подтвердить реальность кого бы то ни было – это заставить его истекать кровью, будь то девственницы, быки, мужчины... Будь то сам Спаситель. Я смотрю на мою внучатую племянницу и вижу ребенка. Впрочем, я прекрасно помню и себя в ее возрасте. В иных обстоятельствах я, возможно, стала бы солдадерой...¹⁵⁴ Алехандра, быть может, тоже... Но мне не дано понять, что представляет собой ее жизнь. Если в ней и есть некая последовательность, то мои глаза не в состоянии ее разглядеть. Правда, я никогда не могла решить: действительно ли в нашем существовании имеется какая-то направленность, какая-то стройная последовательность, или же мы просто вносим систему в хаос, произвольно толкуя скопище разнообразных фактов. Если это и впрямь так, то тогда мы не представляем собой ровным счетом ничего, как бы нам ни хотелось уверить себя и остальных в обратном. Скажи-ка, ты веришь в судьбу?

Джон-Грейди помолчал, словно тщательно обдумывая вопрос.

Да, мэм, верю, наконец сказал он.

Мой отец верил во взаимосвязь между явлениями. Я, правда, не разделяла этого его убеждения. Он считал, что не бывает такого понятия, как слепой случай, – это все равно следствие тех или иных решений человека, пусть в далеком прошлом. Он любил приводить в пример принятие решения с помощью монеты, которая является и кусочком металла, и результатом выбора чеканщика, который когда-то взял этот кусочек и поместил в штамп именно той, а не другой стороной. Это и оказало воздействие на наше решение с помощью монетки. Орел или решка... Сначала принимал решение чеканщик, а потом, спустя много лет, настает наш черед.

Дуэнья Альфонса улыбнулась. Коротко. Мимолетно.

Наивный пример. Но образ этого безымянного чеканщика навсегда врезался мне в память. Если бы речь шла о роке, фатуме, который властвует над нашей фамилией, то с ним можно было бы постараться договориться... Забобрить, умиловить... Но чеканщик – это уже нечто иное. Он смотрит своими подслеповатыми глазами в очках на кусочки металла – и принимает решения. Порой, возможно, не без колебаний. А пока он колеблется, на волоске висят судьбы целых грядущих поколений. Судьбы миров... Моему отцу это позволяло увидеть первопричины, но я смотрела на вещи иначе. Мне наш мир скорее напоминал кукольный театр. Если заглянуть за ширму, то видишь нитки, которые уходят от марионеток вверх. Однако оказывается, что за них дергают не кукловоды, но другие марионетки, которыми управляют новые куклы, и так до бесконечности. Я имела возможность убедиться, что эти уходящие в бесконечность нитки способны погубить великих мира сего, весь мир утопить в крови и безумии. Погубить нацию. Я могу рассказать тебе, какой была Мексика. Какой была и, возможно, снова будет. Тогда ты поймешь, что те самые вещи, которые сначала расположили меня к тебе, в конечном счете заставили сказать «нет».

Она помолчала, затем продолжила:

Когда я была девочкой, в Мексике царила страшная нищета. То, что ты видишь сегодня, не идет ни в какое сравнение с тогдашним кошмаром. У меня от этого разрывалось сердце. В городах были лавки, где крестьяне, которые приезжали продавать фрукты и овощи, могли взять напрокат одежду. Они брали ее на день, а вечером возвращались по домам, завернувшись в одеяла или опять надев свои жалкие лохмотья. У них не было за душой ни гроша. Каждый отложенный сентаво предназначался на похороны. В обычной крестьянской семье только ножи

¹⁵⁴ Воительница (исп.).

были фабричного производства. Все остальное – самодельное и домотканое. Ни булавки, ни тарелки, ни пуговицы... Ничего и никогда. На городских рынках сплошь и рядом пытались продать предметы, которые не имели никакой ценности. Болты от грузовиков, детали каких-то машин. Крестьяне не могли найти этим вещам применения, но свято верили, что эти предметы кому-то пригодятся, что рано или поздно появится человек, который понимает в них толк. Главное, чтобы поскорее появился тот, кто сумеет распознать в этих жалких железках потаенную ценность. Никакие разочарования не могли поколебать это наивное убеждение. Но с другой стороны, что еще имелось у этих несчастных? Во имя чего следовало поступаться этой верой? Индустриальный мир оставался для них чужим, и те, кто населял его, представлялись им марсианами. Причем эти люди вовсе не были глупыми от природы. Это я видела по их детям. Обладавшим природной смекалкой. И свободой, о которой мы не могли и мечтать. Для них не существовало наших запретов, на них не возлагались великие родительские надежды. Но потом, лет в одиннадцать-двенадцать, дети переставали быть детьми. Они утрачивали детство в одночасье – и юности у них уже не было. Они делались невероятно серьезными, словно им открывалась какая-то ужасная истина. Словно они видели то, чего не замечаем мы. Они внезапно трезвели, и это меня озадачивало. Но как я ни билась, мне так и не удалось понять, что же именно они видели, о чем догадывались.

Наступила еще одна пауза, потом дуэнья Альфонса заговорила опять:

К шестнадцати годам я прочитала множество книг и отличалась большим вольнодумством. Так, я решительно отказывалась поверить в существование Бога – слишком страшным и жестоким выглядел мир, который он якобы сотворил. Я была идеалисткой и самым недвусмысленным образом высказывала все, что думала. Родители были в ужасе. Но затем летом, когда мне вот-вот должно было исполниться семнадцать, моя жизнь резко изменилась.

В семье Франсиско Мадеро было тринадцать детей, и со многими я очень дружила. Рафаэла, например, была моей ровесницей – между нами разница всего в три дня, и она была мне гораздо ближе, чем дочери семейства Карранца. *Teníamos compadrazgo con su familia*¹⁵⁵. Ты меня понял? Это не переведешь. Мое пятнадцатилетие отпраздновали в Росарио. Тогда же дон Эваристо Мадеро собрал юных дочерей владельцев асьенд из-под Парраса и Торреона и повез всех в Калифорнию. Ему и тогда уже было очень много лет, и с его стороны, разумеется, это был отважный поступок. Удивительный человек был этот дон Эваристо... Очень богатый... В свое время он был губернатором нашего штата... И он очень любил меня, несмотря на все мои радикальные идеи. Я обожала бывать в Росарио. В те годы светская жизнь на асьендах была ключом. Там устраивались чудесные приемы с шампанским и оркестрами... Приезжали гости из Европы... Нередко такие праздники длились по несколько дней. Тогда я не могла пожаловаться на отсутствие внимания к своей особе со стороны молодых людей, что поначалу меня удивляло, и я, возможно, быстро излечилась бы от своей сверхсовестливости, если бы не два события. Прежде всего, это возвращение двух старших сыновей Мадеро – Франсиско и Густаво.

Они пять лет учились во Франции. А перед этим в Соединенных Штатах. В Калифорнии и Балтиморе. Когда я увидела их по возвращении из Франции, это была встреча добрых знакомых, почти родственников. С другой стороны, у меня сохранились о них лишь детские воспоминания, да и для братьев я была существом загадочным... Франсиско как старший сын занимал в семье особое положение. На открытой террасе стоял стол, где он любил посидеть с друзьями. Осенью того года меня часто приглашали к ним в дом, и там я впервые услышала от других полный свод идей, столь близких моему сердцу. Я начала понимать, как именно должен быть устроен мир, в котором мне хотелось бы жить.

¹⁵⁵ С этим семейством нас связывают родственные узы (исп.).

Франсиско открыл школы для детей местных бедняков. Распределял лекарства. На его кухне раздавали еду сотням голодных. Тем, кто живет сейчас, наверное, трудно понять, что означали для меня эти нововведения. Люди тянулись к Франсиско, радовались, что находятся в его обществе. Тогда он и не помышлял о политической карьере. Просто ему хотелось воплотить в жизнь те идеи, которые он открыл для себя в Европе, увидеть реальные плоды своих усилий. К нему приезжали из Мехико. Густаво поддерживал все начинания брата.

Я не уверена, что тебе понятно то, о чем я веду речь. Мне, семнадцатилетней, Мексика казалась дорогой старинной вазой, попавшей в руки ребенка. В воздухе пахло грозой. Могло случиться все, что угодно. Тогда я думала, что таких, как мы, тысячи. Как Густаво, как Франсиско. Выяснилось, что много меньше. А потом и вовсе стало казаться, что таких в этом мире больше нет.

В детстве Густаво потерял глаз и носил протез. Но это не уменьшало для меня его привлекательности. Скорее даже наоборот. Общение с ним я не променяла бы ни на какое, пусть самое изысканное светское времяпрепровождение. Густаво давал мне читать разные книги. Мы говорили часами. В отличие от Франсиско он был гораздо практичнее. Например, он совершенно равнодушно относился к оккультизму... Густаво всегда говорил об очень серьезных вещах. Потом, осенью, я отправилась с отцом и дядей на асьенду возле Сан-Луис-Потоси, где и произошел тот несчастный случай с ружьем, о котором я тебе рассказывала.

Даже для юноши это стало бы серьезным ударом, но для девушки оказалось самой настоящей катастрофой. Я не выходила из дому, не желала показываться на людях. Мне казалось, что даже отец изменил ко мне отношение и видит во мне лишь калеку, урод. Я не сомневалась, что родные и близкие решили, что теперь я никогда не смогу удачно выйти замуж, — и, скорее всего, я не ошибалась. Что ни говори, но я лишилась того самого пальца, на который надевают кольцо... В доме меня окружали заботой, относились с повышенным вниманием, но мне от этого делалось еще хуже — именно так обращаются с членом семьи, который вернулся из психиатрической лечебницы. Я жалела всем сердцем, что не родилась среди бедняков. Там к подобным вещам относятся не в пример спокойнее... Вот в таком кошмаре я и существовала, не ожидая от жизни ничего хорошего, готовясь к старости и смерти. Прошло несколько месяцев, и вдруг перед Рождеством в нашем доме появился Густаво. Он пришел ко мне с визитом. Помню, какой ужас тогда охватил меня. Я попросила сестру, чтобы та уговорила его уйти, но Густаво не желал ничего слушать. В тот вечер отец вернулся очень поздно и, к своему немалому удивлению, увидел в гостиной Густаво. Тот сидел в одиночестве и держал на коленях шляпу. Отец поднялся вверх, подошел к двери моей комнаты, начал что-то говорить, но я зажала уши. Не помню, что произошло потом, но Густаво так и остался в гостиной со шляпой на коленях. Он провел там всю ночь, как слуга... В этом самом доме.

На следующий день отец устроил мне страшный скандал. Не стану описывать эту сцену. Мои крики, вопли боли и ярости достигли, конечно же, ушей Густаво. Я, конечно, не могла пойти наперекор воле отца. И в конце концов спустилась в гостиную. Как сейчас помню, одетая весьма элегантно. Я научилась держать в левой руке платочек, чтобы прикрывать увечье. Увидев меня, Густаво встал со стула и улыбнулся. Мы пошли в сад, за которым, кстати, в те дни ухаживали куда лучше, чем теперь. Густаво рассказывал мне о своих планах, о работе. Он говорил о Франсиско и о Рафаэле. О наших друзьях. Он держался со мной, как и прежде. Потом он рассказал о том, как в детстве потерял глаз и как беспощадно дразнили его сверстники в школе. Густаво рассказывал о себе такое, о чем не знал даже Франсиско. Он делал это, потому что надеялся: я смогу его понять.

Густаво говорил и обо всем том, что мы так любили обсуждать в Росарио, засиживаясь допоздна. По его словам, те, кто испытал страдания, отличаются от всех остальных. В этом их сила, но, с другой стороны, им необходимо заставить себя найти дорогу назад, в повседневность. Иначе ни они, ни общество не смогут нормально существовать. Густаво говорил очень

серьезно, но мягко, и в свете фонаря я вдруг увидела на его глазах слезы. Он оплакивал мои муки. До этого мне никогда не оказывали подобную честь. Мужчина впервые поставил себя на мое место. Я не знала, что и сказать. В тот вечер я много размышляла о том, что меня ожидает. Мне очень хотелось стать личностью, но я задавалась вопросом: возможно ли это, если то, что делает тебя ею – дух, душа и все прочее, – подверглось такому страшному надругательству? Вдруг твой внутренний мир претерпевает от этого необратимые изменения? Если человек хочет стать личностью, это самое личностное, неповторимое начало нельзя отдавать на откуп игре случая. Оно должно оставаться неизменным, как бы ни складывались обстоятельства. Еще не забрезжил рассвет, как я поняла: мне уже известно все, что я пытаюсь понять. Мужество – это постоянство. Трус бежит в первую очередь от самого себя. После этого все прочие измены и предательства даются легко.

Я понимала, что одним мужественный поступок дается легче, чем другим, но я также понимала, что если поставить себе целью проявить мужество, то желание обязательно исполнится. Главное, было бы это желание... Порой само желание добиться цели равняется ее достижению. Впрочем, многое, конечно, зависит от удачи. Только потом до меня дошло, каких душевных мук стоил Густаво тот разговор со мной. Шутка ли – явиться в дом моего отца, не боясь отказа, не опасаясь, что тебя поднимут на смех. Но главный подарок, который сделал мне Густаво, состоял не в словах. Слова не могли передать то, что он хотел сказать. Именно с того дня я полюбила его – человека, который пришел ко мне и передал это нечто, не поддающееся воплощению в слова. Больше сорока лет уже его нет в живых, но мои чувства к нему не изменились.

Дуэнья Альфонса достала из рукава платок и осторожно дотронулась им до нижних век, потом посмотрела на Джона-Грейди.

Спасибо, что ты так терпеливо слушал. Остальное нетрудно вообразить, коль скоро основные факты известны. В последующие недели мой революционный пыл разгорелся с новой силой. Деятельность Франсиско стала приобретать отчетливо политический характер. Враги воспринимали его уже всерьез, и слухи о нем достигли диктатора Диаса. Франсиско заставили продать земли в Австралии, которые приносили ему средства, необходимые для его начинаний. Затем его арестовали, но ему удалось бежать в Соединенные Штаты. Его решимость идти до конца осталась непоколебимой, но в те дни мало кто мог предположить, что он станет президентом Мексики. Вернувшись, Франсиско и Густаво возглавили армию. Началась революция. Меня же отправили в Европу, где я и задержалась. Мой отец всегда открыто заявлял о том, что на землевладельцах лежит большая ответственность, но революцию он принять не мог. Он не разрешал мне вернуться в Мексику, пока я не дам обещания, что впредь не буду иметь ничего общего с братьями Мадеро, а на это я не соглашалась. Мы с Густаво так и не были помолвлены. Его письма приходили ко мне все реже и реже, а потом и вовсе перестали. Вскоре я узнала, что он женился. Я не осуждала его тогда и тем более не осуждаю теперь. В те годы революция порой финансировалась исключительно из его кармана. Все – до последнего патрона, до буханки хлеба – покупалось на его деньги. Наконец Диас бежал, и состоялись свободные выборы. Франсиско стал первым мексиканским президентом, избранным всенародно. Первым и последним... О Мексике можно говорить без конца. Я хочу рассказать тебе, что стало с этими честными, храбрыми и достойными людьми. Тогда я была учительницей в Лондоне. Моя сестра приехала ко мне погостить и осталась до лета. Она умоляла меня вернуться с ней домой, но я проявила непреклонность. Я была очень гордой и очень упрямой. Я никак не могла простить моему отцу ни его политической близорукости, ни того, как он обошелся со мной.

С первых же дней своего президентства Франсиско попал в окружение мошенников и интриганов. Он упрямо верил в изначальную добродетельность человеческой природы, и это стало причиной катастрофы. Однажды Густаво притащил к нему под дулом пистолета генерала

Уэрту и назвал изменником, но Франсиско не поверил брату и отпустил генерала с миром. Уэрта... Подлый убийца... Низкое животное... Мятеж случился в феврале тринадцатого года. Разумеется, среди заговорщиков был и генерал Уэрта. Когда он убедился, что у мятежников сильные позиции, то преспокойно капитулировал перед ними, а затем уже повел их войска против правительства. Сначала арестовали Густаво. Потом Франсиско и Пино Суареса. Густаво отдали на расправу толпе во дворе крепости. Вокруг него бесновались подонки с факелами. Они оскорбляли и мучили его, дразнили, называя *Ojo Parado*¹⁵⁶. Когда Густаво попросил, чтобы ему сохранили жизнь ради жены и детей, его называли трусом. Это он, Густаво, трус!.. Его толкали, били. Жгли факелами. Когда он снова попросил оставить его в покое, из толпы выскочил какой-то храбрец с ломом и выбил ему здоровый глаз. Густаво пошатнулся, застонал и больше не проронил ни слова. Затем кто-то приставил к его голове револьвер и выстрелил, но рука дрогнула, и пуля снесла Густаво челюсть. Он упал у подножья статуи Морелоса. Наконец по нему дали залп из винтовок и оповестили толпу, что он убит. Тогда выскочил какой-то пьяный и выстрелил в Густаво еще раз. Его труп топтали, на него плевали. Кто-то вытащил из его глазницы искусственный глаз, и он пошел по рукам.

В гостиной повисло тяжелое молчание. Было слышно, как в холле тикают часы. Потом дуэнья Альфонса посмотрела на Джона-Грейди и заговорила снова:

Так расправились с Густаво те, ради кого он был готов на все. Ради кого этот красивый, храбрый молодой человек отдал все, что у него было.

А что стало с Франсиско?

Его и Пино Суареса вывели за пределы тюрьмы и расстреляли. У этих мерзавцев хватило наглости заявить, что Мадеро и Суареса убили при попытке к бегству. Мать Франсиско направила телеграмму президенту Соединенных Штатов Тафту с просьбой вмешаться и спасти жизнь ее сына. Сара передала текст лично в руки послу Америки в Мексике. Но, скорее всего, телеграмма так и не была отправлена. Семья Мадеро оказалась в изгнании. Сначала Куба, потом Соединенные Штаты, потом Франция... Поползли слухи, что в их роду есть еврейская кровь. Возможно, так оно и было... У них было развито интеллектуальное начало, и судьба уготовила им трагические испытания. Современная диаспора. Мученичество. Преследование. Изгнание... Сара живет сейчас в Колония Рома. У нее есть внуки. Мы видимся редко, но между нами существует невысказанное родство... В тот вечер в саду Густаво говорил, что познавшие страдание связаны друг с другом особыми узами, и он оказался прав. Узы печали – из самых прочных. Нет более тесной общности, чем общее горе... В Мексику я вернулась, только когда умер мой отец. Теперь я жалею, что тогда не постаралась лучше понять его. У меня создалось впечатление, что он плохо подходил для той жизни, которую для себя избрал. Впрочем, наверное, это относится ко всем нам. Отец штудировал книги по садоводству. И это в нашей пустыне! Он первым начал разводить хлопок и теперь был бы рад увидеть, что его старания не пропали зря. Позже я стала понимать, как много общего у него с Густаво, который, кстати, не был рожден, чтобы воевать. Они оба, по-моему, хорошо понимали Мексику. Как и мой отец, Густаво не переносил насилия, кровопролития. Хотя, возможно, недостаточно ненавидел то и другое. Из всех них наиболее далеким от реальности оказался Франсиско. Он не был готов стать президентом Мексики. Из него вообще получился никудышный мексиканец. Мы все рано или поздно избавляемся от сантиментов. Одних исцеляет жизнь, других – смерть. Жизнь безжалостно отделяет сон от яви, иллюзии от фактов. А вот мы сами порой на это не способны. Между желанием и его осуществлением лежит бесконечность. Я много думала о моей жизни и о моей стране. Как мало понимаем мы и в том и в другом. Моей семье еще сильно повезло. Другие оказались не такими счастливыми, о чем, впрочем, нам теперь без усталости напоминают.

¹⁵⁶ Глаз-алмаз. (Букв. «стоячий глаз».) (исп.)

Дуэнья Альфонса помолчала, потом заговорила опять:

В школе, на уроках биологии, я узнала, что ученые, желая подтвердить научную теорию, выделяют специальную экспериментальную группу – будь то бактерии, мыши или люди – и подвергают ее воздействию определенных условий. Потом они сравнивают ее со второй, так называемой контрольной, где бактерии, мыши или люди не подвергались экспериментам. Это помогает лучше понять, что случилось с первой группой. Но в истории цивилизации нет таких контрольных групп. Никто не в состоянии сказать, что случилось бы, если бы не сработали те или иные факторы. Мы твердим «вот если бы», но в природе никогда не было и не будет никаких «если». Говорят, что тот, кто не усвоил уроков истории, обречен на повторение пройденного. Я не верю в спасительность знания. В истории постоянны лишь человеческая глупость, алчность и страсть к кровопролитию, и даже сам Господь Бог тут бессилён.

Мой отец похоронен примерно в двухстах шагах от того места, где мы с тобой сидим. Я часто хожу на его могилу и разговариваю с ним. Я говорю с ним так, как никогда не говорила при жизни. Он сделал меня изгнанницей в моей же стране, хотя это вовсе не входило в его намерения. Когда я родилась в этом доме, наша библиотека была набита книгами на пяти языках, и как только я поняла, что для меня как женщины мексиканское общество во многом закрыто, я с жадностью ухватилась за вторую, вымышленную жизнь. В пять лет я уже выучилась читать, и никто с той поры в этом доме не отбирал у меня книг. Никто и никогда! Отец послал меня учиться в лучшие школы Европы. И несмотря на свою властность и строгость, он оказался в этом отношении самым опасным вольнодумцем. Ты говорил о моих разочарованиях. Да, они были, и это только сделало меня более безрассудной. Моя внучатая племянница – мое единственное будущее, и там, где речь заходит о ее счастье и благополучии, я готова поставить на карту все. Не исключено, что жизни, которой я желаю для нее, уже не существует, но все же мне известно то, о чем она не подозревает. Я знаю, например, что нам нечего терять. В январе мне исполнится семьдесят три. Я знала очень многих людей, но лишь считанные единицы вели жизнь, которая бы их удовлетворяла. Я очень хотела бы, чтобы моя племянница имела возможность вступить совсем не в такой брак, которого от нее ждет – и требует – ее окружение. В ее случае я не смирюсь с традиционным мексиканским браком. Опять же, я знаю то, о чем она не подозревает. А именно – в этой жизни нам нечего терять. Не могу предсказать, в каком мире она будет жить, и у меня нет твердых представлений насчет того, как именно надлежит жить, но очевидно одно: если она не научится ценить истинное больше, чем выгодное, то очень скоро окажется, что ей все равно, живет она или нет. Причем учти, под истинным я вовсе не имею в виду добродетельное. Наверное, ты решил, что я не одобрила ваш роман, потому что ты слишком юн, необразован и из другой страны? Ничего подобного! Я не жалела усилий, чтобы открыть Алехандре глаза на пустоту и самодовольство многих ее воздыхателей, и мы с ней давно вынашивали мечту, что рано или поздно ей выпадет шанс избавиться от всех этих тщеславных пустозвонов, претендующих на ее руку и сердце. Мы не знали, какое обличье примет этот шанс, но верили в него. Впрочем, я говорила тебе об упрямстве и своеволии, присущих женщинам нашего рода. Я прекрасно понимала, что все это свойственно Алехандре, и должна была проявить особую предусмотрительность. И вдруг на сцене появился ты. Мне следовало повнимательнее к тебе присмотреться. Я сделала это только теперь. Но, наверное, лучше поздно, чем никогда...

Вы не даете мне возможности сказать ни слова в свое оправдание, перебил ее Джон-Грейди.

Я и так все прекрасно понимаю. Твое единственное оправдание, как я уже сказала, состоит в том, что против тебя сложились обстоятельства, над которыми ты оказался не властен.

Может быть.

Не может быть, а точно! Но это плохое оправдание. Те, против кого то и дело складываются обстоятельства, не вызывают у меня сочувствия. Можно, конечно, говорить о невезении, но все равно неспособность быть хозяином самого себя не говорит в их пользу.

Я все равно хочу увидеть Алехандру.

По-твоему, это меня удивляет? К твоему сведению, я даже готова была бы дать свое разрешение, но ты и не подумал его спросить. Но Алехандра дала мне слово и не нарушит его. Ты в этом и сам убедишься.

Я понимаю, мэм... Поживем – увидим.

Дуэнья Альфонса встала, протянула ему руку. Джон-Грейди тоже встал и ощутил легкое прикосновение ее тонких и холодных пальцев.

Мне даже жаль, что мы больше не увидимся. Я потратила столько времени на рассказ о себе, потому что нам не мешает знать, кто наши истинные враги. Я знала людей, которые всю жизнь ненавидели призраков. Поверь мне, они не были счастливы.

По-вашему, я вас ненавижу?

Возненавидишь.

Посмотрим.

Вот именно. Посмотрим, что уготовано нам судьбой.

Но вы ведь не верите в судьбу...

Не в этом дело. Просто я не готова безропотно выполнять ее предписания. Если судьба – это закон, то возникает вопрос: не подчинена ли она сама какому-то более могучему закону? Есть моменты, когда мы не можем уйти от ответственности. Иногда мы очень напоминаем того самого подслеповатого чеканщика, который берет заготовки монет и закладывает их под пресс. Мы так увлекаемся этой работой, что, кажется, готовы даже хаос сделать рукотворным.

Наутро Джон-Грейди пришел в барак, позавтракал с пастухами, а потом стал прощаться. После этого он отправился в дом геренте, вызвал Антонио, и они пошли на конюшню, поседлали лошадей и проехали по загону, разглядывая недавно обьежженных новичков. Джон-Грейди быстро выбрал себе коня – того самого мышастого, на которого когда-то показал Ролинс. Почувствовав к себе повышенное внимание, жеребец зафыркал, повернулся и стал уходить легкой рысью. Они быстро заарканили его, отвели в корраль, и к середине дня он сделался как шелковый. Джон-Грейди, закончив урок езды, слез с мышастого и, обойдя его вокруг, оставил на время в покое. Несколько недель на этом жеребце никто не ездил, на нем не было следов от подпруги, и он не умел есть зерно из торбы. Джон-Грейди попрощался с Марией, она дала ему в дорогу еды и вручила розовый конверт с эмблемой асьенды Ла-Пури-сима. Выйдя из дома, Джон-Грейди вынул из конверта деньги, сунул, не считая, в джинсы, а конверт сложил пополам и положил в карман рубашки. Затем он прошел к дому геренте, где его уже ждал Антонио с лошадьми. Они молча обнялись, Джон-Грейди сел в седло и направил коня к воротам усадьбы.

Ла-Вегу миновал без остановки. Мышастый пугливо озирался, фыркал и закатывал глаза. Когда сзади заурчал мотор грузовика, мышастый испуганно заржал и попытался повернуться и удрать, но Джон-Грейди резко осадил его, отчего бедняга присел на задние ноги. Джон-Грейди гладил его и уговаривал не волноваться, пока грузовик не проехал мимо и можно было продолжить путь. Вскоре поселок остался позади. Джон-Грейди съехал с дороги и направил мышастого по котловине, через высохшее озеро. Соляная корка похрустывала под копытами коня и трескалась, словно слюда. Затем они удалились в известняковые холмы, поросшие чахлыми финиковыми пальмами. Они ехали по углублению, напоминавшему большой желоб, и под ногами у коня оказывались гипсовые цветы, словно в известняковой пещере, которую вдруг залило солнечным светом. Вдалеке в зыбком утреннем воздухе темнели купы деревьев и кустов на пастбищах. У мышастого оказался неплохой природный аллюр, и Джон-Грейди

время от времени заговаривал с ним, рассказывая ему о том, что знал по опыту, и делился ранее не высказанными соображениями, словно проверял их истинность на слух. Он объяснял мышастому, почему остановил свой выбор на нем, и уверял его, что не допустит, чтобы с ним случилась беда.

К полудню они выехали на проселочную дорогу, вдоль которой тянулись оросительные рвы. Джон-Грейди слез с коня, напоил его и стал водить туда-сюда в тени тополей, чтобы немного остудить его разгоряченное тело. Он перекусил вместе с детьми, которые оказались тут как тут. Кое-кто из них в жизни не ел хлеба из дрожжевого теста, и они с опаской смотрели на мальчика постарше, ожидая от него указаний. Они сидели в ряд – пятеро, включая Джона-Грейди, и он раздавал сэндвичи с ветчиной налево и направо, а когда все было съедено, стал резать ножом еще теплый пирог с яблоками и гуавой.

*¿Donde vive?*¹⁵⁷ – спросил мальчик постарше.

Джон-Грейди ответил не сразу. Дети молчали и ждали, что он скажет.

Когда-то я жил на большой асьенде, но теперь мне жить негде.

Дети сочувственно смотрели на него. Они предложили ему остаться с ними, но он поблагодарил и сказал, что едет в другой город, где живет его девушка, и он хочет наконец сделать ей предложение.

Его спросили, красивая ли у него девушка, и он ответил, что очень. Он сказал, что у нее синие глаза, во что дети никак не могли поверить. Еще он добавил, что ее отец – богатый асьендадо, а сам он бедняк, и дети очень за него огорчились, решив, что из его затеи с женитьбой ничего не выйдет. Старшая девочка сказала, что если его невеста действительно любит его, то непременно выйдет за него замуж, но мальчик не разделял ее оптимизма и заметил, что даже в богатых семьях девушка не может пойти против воли отца. Тогда девочка посоветовала непременно заручиться содействием бабушки, а для этого надо сделать ей хорошие подарки – ведь без ее участия толку не будет. Она добавила, что это знают все.

Джон-Грейди покивал, соглашаясь с народной мудростью, но признался, что успел огорчить бабушку и теперь вряд ли может рассчитывать на ее заступничество. Тут дети перестали есть, загрустили и устали в землю.

*Es una problema*¹⁵⁸, сказал мальчик.

*De acuerdo*¹⁵⁹, кивнул Джон-Грейди.

*¿Qué ofensa le dio a la abuelita?*¹⁶⁰ – поинтересовалась младшая девочка.

*Es una historia larga*¹⁶¹, махнул рукой Джон-Грейди.

*Hay tiempo*¹⁶².

Джон-Грейди с улыбкой посмотрел на детей и, поскольку торопиться и впрямь было некуда, стал рассказывать все по порядку. Он рассказал, как с товарищем приехал верхом из другой страны, как в пути они повстречали третьего, совсем мальчика, у которого не было ни денег, ни еды, ни приличной одежды. Они позволили ему поехать с ними и делились всем, что у них было. У мальчика был очень красивый гнедой конь, но мальчик очень боялся молнии и во время грозы потерял своего прекрасного коня. Потом Джон-Грейди рассказал историю пропажи и находки коня в Энкантаде и как этот мальчик вернулся в Энкантаду и застрелил человека, как конные полицейские явились на асьенду и арестовали его с товарищем. Бабушка выкупила их из тюрьмы, но запретила его возлюбленной встречаться с ним.

¹⁵⁷ Где вы живете? (исп.)

¹⁵⁸ Да, дела! (исп.)

¹⁵⁹ Вот именно! (исп.)

¹⁶⁰ Чем же ты огорчил бабушку? (исп.)

¹⁶¹ Это долгая история (исп.).

¹⁶² Нам торопиться некуда (исп.).

Когда Джон-Грейди закончил, воцарилось молчание. Потом старшая девочка сказала, что он обязательно должен привести этого третьего к бабушке – пусть признается во всем. Но Джон-Грейди сказал, что это невозможно, потому что того мальчика нет в живых. При этих словах дети стали креститься и целовать кончики пальцев. Затем мальчик постарше сказал, что положение, конечно, трудное, но он обязательно должен попросить кого-нибудь поговорить с бабушкой от его имени и убедить ее, что он вовсе не виноват. Старшая девочка напомнила ему: ведь дело осложняется еще и тем, что девушка из богатой семьи, а ее возлюбленный беден. На это мальчик заметил, что раз у жениха есть лошадь, то он не так уж и беден. Тут все взоры устремились на Джона-Грейди. От него ждали разъяснений, и он сказал, что лошадь он получил от бабушки своей возлюбленной, а у него самого нет за душой ни гроша. Тогда старшая девочка сказала, что ему надо непременно обратиться к какому-нибудь знающему, мудрому человеку, который научил бы его, как себя вести, а младшая девочка посоветовала молиться Господу.

Уже поздно вечером Джон-Грейди въехал в Торреон. Стреножив коня, он привязал его возле гостиницы, вошел в нее и спросил у портье, где тут платная конюшня, но тот понятия не имел, что это такое. Он посмотрел в окно, увидел лошадь и сказал Джону-Грейди:

*Puede dejarlo atrás*¹⁶³.

*¿Atras?*¹⁶⁴

*Sí. Afuera*¹⁶⁵. Он показал рукой на задний двор.

*¿Por dónde?*¹⁶⁶ – спросил Джон-Грейди, поворачиваясь туда, куда показал портье.

Тот пожал плечами. Потом показал рукой в сторону холла.

*Por aquí*¹⁶⁷, сказал он.

В холле на диване сидел старик и смотрел в окно. Когда Джон-Грейди подошел к нему, тот посмотрел на него и сказал, ты, мол, не беспокойся: через холл этой гостиницы проходили существа и похуже лошадей. Тогда Джон-Грейди посмотрел еще раз на портье, вышел, отвязал коня и вошел с ним в гостиницу. Портье показал ему, куда пройти, и Джон-Грейди провел мышастого по коридору и вывел через распахнутые портье двери на задний двор. Напоил коня из корыта, потом насыпал купленного в Тлоуолило овса в крышку от мусорного бака и дал ему. После этого смочил в корыте мешок из-под овса и протер коня. Расседлал его, унес седло в помещение, пошел к себе в номер и лег спать.

Проснулся около полудня, проспав двенадцать часов. Встал, подошел к окну, выглянул в маленький дворик. Конь послушно топтался по замкнутому пространству, а трое ребятишек сидели на нем верхом. Один вел его под уздцы, и еще один ухватился за хвост.

На переговорном пункте Джон-Грейди выстоял длинную очередь, но, когда наконец его соединили с заказанным номером, Алехандры не оказалось дома. Когда он подошел к конторке, девушка взглянула на его лицо и со вздохом выразила надежду, что после обеда ему повезет больше. Так и случилось. К телефону подошла какая-то женщина и пообещала позвать Алехандру. Взяв трубку, Алехандра сказала, что сразу догадалась, кто ее спрашивает.

Я должен тебя увидеть, сказал Джон-Грейди.

Я не могу.

Это необходимо. Я приеду.

Нет. Нельзя.

Я уезжаю утром. Сейчас я в Торреоне.

Ты говорил с тетей?

¹⁶³ Можно поставить коня сзади (исп.).

¹⁶⁴ Сзади? (исп.)

¹⁶⁵ Да. Сзади (исп.).

¹⁶⁶ А как туда попасть? (исп.)

¹⁶⁷ Да прямо так, по коридору (исп.).

Да.

В трубке воцарилось молчание.

Мы не сможем с тобой увидеться, наконец сказала она.

Это неправда.

Меня здесь не будет. Через два дня я еду на асьенду.

Я встречу тебя на станции.

Нельзя. К поезду приедет Антонио.

Джон-Грейди зажал трубку, стиснул изо всех сил трубку и сказал, что она не имела права давать им такое обещание, даже если бы ему угрожала смерть. Он добавил, что все равно увидит ее, пускай в последний раз. Алехандра долго молчала, потом сказала, что поедет на день раньше – скажет в школе, что у нее заболела тетка. Завтра утром она сядет на поезд и встретится с ним в Сакатекасе. С этими словами она положила трубку.

Джон-Грейди оставил мышастого в платной конюшне в предместье Торреона, к югу от железной дороги. Хозяину велел обращаться с жеребцом поосторожнее, потому что он совсем недавно обьезжен. Хозяин покивал и позвал коридорного. Джону-Грейди, впрочем, показалось, что эти люди будут своим умом доходить до того, как вести себя с лошадьми. Он отнес седло в седельную, которую коридорный запер потом на ключ, и вернулся к хозяину. Он был готов заплатить вперед, но хозяин замахал руками, и Джон-Грейди попрощался, вышел на улицу, дождался автобуса и поехал в центр города.

Он купил себе новую сумку, две рубашки и пару сапог. Потом отправился на вокзал, купил билет до Сакатекаса и пошел в кафе перекусить. Немного прогулялся, чтобы освоиться в новых сапогах, потом вернулся в гостиницу. Нож и револьвер закатал в скатку и вручил портье с просьбой убрать до его возвращения. Потом попросил разбудить его в шесть утра и отправился к себе в номер. Еще не стемнело, но он лег спать.

Когда утром он вышел из гостиницы, было пасмурно и прохладно, а едва сел в поезд, по стеклу побежали первые капли дождя. Напротив него сидели парень и девушка, брат с сестрой, и, когда поезд тронулся, парень спросил Джона-Грейди, откуда он и куда собрался. Джон-Грейди сказал, что родом он из Техаса. Попутчики не удивились. Вскоре прошел проводник, оповещая пассажиров, что можно позавтракать. Джон-Грейди предложил им поесть вместе, но молодой человек застенчиво отказался. Джон-Грейди, впрочем, и сам был порядком смущен. Он сидел в вагоне-ресторане, ел яичницу и запивал кофе. Смотрел на серые поля, проплывавшие за мокрым стеклом, и вдруг почувствовал себя в новой одежде и сапогах так здорово, как давно уже не чувствовал. У него вдруг будто камень с души свалился, и ему вспомнились слова отца: трус не может выиграть, а тот, у кого в сердце тревога, не в состоянии любить. Вокруг простиралась унылая равнина, поросшая чольей, потом стали попадаться карликовые пальмы. Джон-Грейди достал сигареты, купленные на станции, закурил и стал пускать дым в стекло, словно пытаясь отгородиться от этих мест дымовой завесой.

В Сакатекас поезд прибыл уже после полудня. Выйдя из здания вокзала, Джон-Грейди прошел под каменной аркой акведука, потом направился к центру города. Дождь пришел за ним с севера: узкие каменные улочки потемнели и заблестели от дождя, магазинчики закрылись. Он прошел по улице Идальго, мимо собора, к Пласа-де-Армас и снял номер в гостинице «Рейна Кристина». Это было старинное здание в колониальном стиле. От мраморных плит вестибюля веяло прохладой. Попугай ара, сидевший в клетке, с любопытством косился на тех, кто проходил мимо. В ресторане, куда вела дверь из вестибюля, было весьма оживленно. Джон-Грейди взял ключ от номера и стал подниматься к себе. Портье с его сумкой шел следом. Номер оказался просторным, с высоким потолком. На кровати шелковое покрывало, на столе хрустальный графин с водой. Портье раздвинул шторы и зашел в ванную проверить, все ли там в порядке. Джон-Грейди подошел к окну, которое выходило на двор. Там старик ухаживал за белой и красной геранью в горшках, напевая под нос какую-то песенку.

Джон-Грейди дал портье на чай, запер дверь, положил шляпу на стол, растянулся на кровати и какое-то время разглядывал лепные украшения на потолке. Затем встал, снова надел шляпу и спустился купить сэндвич.

Он гулял по узким извилистым улочкам Сакатекаса, разглядывал старинные здания, выходил на маленькие замкнутые площади. Местные жители одевались неплохо, порой даже элегантно. Джон-Грейди присел на скамейку на одной из площадей, и ему почистили сапоги. Дождь прекратился, повеяло свежестью. Джон-Грейди шел и заглядывал в витрины магазинчиков. Ему хотелось купить подарок Алехандре. Наконец он выбрал простое серебряное ожерелье, заплатил не торгуясь, и хозяйка магазина упаковала покупку в бумагу, перевязав ленточкой. Джон-Грейди положил сверток в карман и вернулся в гостиницу.

Согласно расписанию, поезд из Мехико и Сан-Луис-Потоси прибывал в восемь вечера. В половине восьмого Джон-Грейди уже был на вокзале. Поезд опоздал на час. Джон-Грейди стоял в толпе на платформе и смотрел на выходивших из вагонов пассажиров. Алехандре он даже не сразу узнал. На ней было длинное голубое платье и голубая шляпа с широкими полями, и ни Джон-Грейди, ни другим мужчинам на платформе эта девушка не казалась школьницей. Когда она спускалась по ступенькам из вагона, проводник взял у нее кожаный чемоданчик, потом вернул и приложил руку к фуражке. По тому, как она уверенно повернулась и двинулась туда, где стоял Джон-Грейди, он понял, что она заметила его еще из вагона. Ее красота показалась ему поистине неземной. Красота удивительная и даже неуместная на этой пыльной платформе, да и в любом другом месте на этой земле тоже... Алехандра подошла к Джон-Грейди, печально улыбнулась, коснулась пальцем шрама на его щеке и поцеловала этот шрам, а Джон-Грейди поцеловал ее в щеку и взял у нее чемоданчик.

Как ты исхудал, сказала она, а он посмотрел в ее синие бездонные глаза так, словно надеялся увидеть там предвечный образ вселенной.

Он с трудом заставил себя заговорить и сказал, что она очень красива, а она улыбнулась, и в ее глазах снова появилась та самая печаль, которую он заметил, когда она впервые пришла к нему. Он понимал, что, хотя печаль эта имела к нему самое прямое отношение, дело было не только в нем одном.

С тобой все в порядке? – спросила она.

Да, со мной все в порядке.

А что с Лейси?

С ним тоже все в порядке. Он поехал домой.

Они прошли через маленькое здание вокзала, и Алехандра взяла его под руку.

Поедем в такси, предложил Джон-Грейди.

Лучше пойдем пешком.

Хорошо.

Улицы были полны народа, а на Пласа-де-Армас перед резиденцией губернатора плотники устанавливали помост, где через два дня по случаю Дня независимости собирались выступать ораторы. Он взял ее за руку, они перешли через улицу и подошли к гостинице. По тому, как она держала его руку, он пытался понять, что у нее на сердце, но у него не получалось.

Обедали в ресторане гостиницы. Он впервые появился с ней на людях и оказался не готов к тем взглядам, которые открыто бросали на нее сидевшие невдалеке мужчины постарше, и к тому спокойному достоинству, с которым она выдерживала их. Он купил пачку американских сигарет и, когда официант принес кофе, закурил, потом положил сигарету в пепельницу и сказал, что должен все объяснить.

Он рассказал ей о Блевинсе, о тюрьме Кастелар, о том, что произошло с Ролинсом, и, наконец, о кучильеро, который умер от его руки со сломанным ножом в сердце. Он ничего не утаил. Какое-то время они сидели и молчали. Когда Алехандра подняла голову, он увидел, что она плачет.

Скажи мне, что с тобой? – сказал он.

Не могу.

Скажи, скажи, повторял он.

Откуда я знаю, кто ты? Откуда я знаю, что ты за человек? Откуда я знаю, что за человек мой отец? Я не знаю, пьешь ли ты виски, ходишь ли к шлюхам... Я не знаю, делает ли это он. Я не знаю, что представляют собой мужчины. Я не знаю ровным счетом ничего.

Я рассказал тебе то, что никогда никому бы не рассказал. Я рассказал тебе все, что только мог.

Что толку? К чему это?

Не знаю. Просто я должен был тебе это рассказать...

Наступило долгое молчание. Потом она подняла на него взгляд.

Я ведь сказала ему, что мы любовники, произнесла она.

Внезапно его пронзило холодом. Вокруг сделалось очень тихо. Она произнесла эту фразу еле слышно, и он вдруг почувствовал, как возле него сгустилось безмолвие.

Зачем? – проговорил он убито.

Она грозилась все ему рассказать. Моя тетка... Она потребовала, чтобы мы прекратили встречаться, иначе она ему все расскажет.

Она бы этого не сделала.

Не знаю. Но я не могла допустить, чтобы она получила надо мной такую власть. Потому-то я и рассказала ему все сама.

Но зачем?

Не знаю.

Это правда? Ты рассказала про нас отцу?

Рассказала...

Он откинулся назад, закрыл руками лицо, потом снова посмотрел на нее:

Откуда она узнала?

Трудно сказать. Кто-то мог нас увидеть. Может, Эстебан... Она слышала, как я уходила из дома. Слышала, как возвращалась.

Ты ничего не отрицала?

Нет.

Ну и что сказал твой отец?

Ничего. Ровным счетом ничего.

Почему ты не сказала об этом мне?

Ты был на горе. Я обязательно все рассказала бы. Но когда ты вернулся, тебя сразу арестовали.

Это он устроил?

Он...

Как ты могла ему в этом признаться?!

Не знаю... Я повела себя глупо. Но ее высокомерие... Я заявила ей, что не дам себя шантажировать. Я была в бешенстве.

Ты ее ненавидишь?

Нет, вовсе нет. Но она постоянно твердит мне, что я должна принадлежать только себе, и в то же время старается подчинить своей воле... Нет, я не испытываю к ней ненависти. Просто она не в силах удержаться от соблазна... Но я разбила сердце отца... Я разбила его сердце.

Он так ничего тебе и не сказал?

Нет.

А что он сделал?

Встал из-за стола. И ушел к себе.

Ты рассказала ему все, когда вы сидели за столом?

Да.

При ней?

Да. Он встал, ушел к себе, а на следующий день до рассвета уехал. Поседлал коня и уехал... Взял собак и отправился в горы. Я думала, он хочет найти тебя и убить...

Она заплакала. Люди за другими столиками бросали на них удивленные взгляды. Она сидела, опустив голову, и беззвучно рыдала. Только чуть вздрагивали ее плечи и по щекам катились слезы.

Не плачь, Алехандра... Не надо.

Она покачала головой:

Я все разрушила... Я хотела умереть.

Не плачь. Я все исправлю.

У тебя ничего не выйдет, возразила она и посмотрела на Джона-Грейди.

До этого он не знал, что такое отчаяние. И только теперь понял, что это такое.

Он отправился на гору? Так почему же он не убил меня?

Не знаю. Может, опасался, что тогда я покончу с собой.

Ты бы это сделала?

Не знаю.

Я все исправлю. Ты должна мне позволить...

Она покачала головой:

Ты ничего не понимаешь.

О чем ты?

Я не подозревала, что он может перестать любить меня. Я думала, что он на такое не способен. Но теперь вижу, что ошибалась.

Она вынула из сумочки платок.

Извини... На нас смотрят...

Ночью шел дождь, ветер вносил шторы в комнату, и было слышно, как струи воды с шумом падают на каменные плиты дворика. Он крепко прижимал к себе ее нагое бледное тело, а она плакала и говорила, что любит его. Он предложил ей стать его женой, говорил, что может зарабатывать на жизнь, что они уедут к нему на родину, будут жить там и ничего плохого с ними не случится. Она так и не смогла заснуть, а когда он проснулся поутру, увидел, что она стоит у окна в его рубашке.

*Viene la madrugada*¹⁶⁸, сказала она.

Да.

Алехандра подошла к кровати, села на краешек:

Я видела тебя во сне. Мне приснилось, что ты умер.

Вчера?

Нет, давно. Еще до всего этого... *Hice una manda*...¹⁶⁹

Чтобы сохранить мне жизнь?

Да. Тебя пронесли по улицам города, в котором я никогда не бывала. На рассвете. Дети молились... *Lloraba tu madre... Con más razón tu puta*¹⁷⁰.

Он прижал ладонь к ее рту:

Не надо говорить такое...

---

¹⁶⁸ Вот и рассвет (*исп.*).

¹⁶⁹ Я дала обещание... (*исп.*)

¹⁷⁰ И мать твоя плакала... А может, твоя шлюха (*исп.*).

Они вышли в город спозаранку, слонялись там по улицам без цели. Заговаривали с подметальщиками, с женщинами, которые мыли ступеньки своих магазинчиков. Позавтракали в кафе, а потом пошли бродить по переулкам, где старые торговки местными сладостями – конфетами из патоки *мелкоча*, медовым хворостом *чарамуска* и тому подобным – раскладывали на выставленных прямо на булыжную мостовую лотках свой товар. Джон-Грейди купил клубники у мальчишки, который взвесил ягоды на медных балансирных весах и положил в кулек. Потом они зашли в парк Независимости, где на высоком пьедестале стоял белый каменный ангел со сломанным крылом. С его запястий свисали разорванные оковы. Джон-Грейди отсчитывал про себя часы, оставшиеся до прихода поезда с юга, который увезет – или, может, все же не увезет – ее. Он сказал ей, что если она доверит свою жизнь ему, то он никогда не подведет ее и не обидит и будет любить до самой смерти, и она сказала, что верит ему.

Ближе к полудню на пути в гостиницу Алехандра взяла его за руку и повела через улицу. Пойдем, я что-то тебе покажу, сказала она.

Они прошли вдоль стены собора, а потом, пройдя сквозь арочные ворота, вышли на другую улицу.

Куда ты меня ведешь?

В одно место.

Они шли по узкой извилистой улочке, миновали кожевную мастерскую, лавку жестянщика, потом оказались на маленькой площади.

Здесь погиб мой дед. Отец мамы.

Где?

Вот здесь, на площади Пласуэла-де-Гвадалахарита.

Во время революции?

Да. В четырнадцатом году. Двадцать третьего июня. Он сражался под началом Рауля Мадеро. В бригаде из Сарагосы. Ему было двадцать четыре года. Они пришли сюда с севера. Дальше тогда уже никакого города не было... Он умер в чужом, незнакомом месте. Эскина де-ла-Калье-дель-Десео и эль-Кальехон-дель-Пенсатор-Мехикано¹⁷¹. И матери не оказалось рядом, чтобы оплакать сына. Все как на корридах. И птичка не вспорхнула... Только кровь. Кровь на камнях. Ну вот, я показала тебе, что хотела. Пошли.

Кто такой Мексиканский Мыслитель?

Поэт. Хоакин Фернандес де Лисарди. Он прожил тяжелую жизнь и умер совсем молодым. Ну а что касается улицы Желаний, то, как и улица Печальной Ночи, это все названия, типичные для Мексики. Ну, пойдем.

Когда они пришли в номер, там убирала горничная, но тотчас удалилась, и они, задернув шторы, легли в постель. Они любили друг друга и заснули, обнявшись. Когда проснулись, был уже вечер. Алехандра вышла из душа, завернутая в полотенце, села на край постели, взяла его за руку.

Я не могу сделать то, о чем ты просишь. Я люблю тебя, но я не могу.

Джон-Грейди вдруг ясно увидел, как всю свою жизнь шел к этому моменту, а дальше идти уже некуда. В него вселилось что-то холодное и бездушное. Какое-то чужое существо. Ему даже показалось, что оно злобно ухмыляется, и трудно было поверить, что это чудовище когда-нибудь его покинет. Когда Алехандра снова вышла из ванной, она была уже полностью одета, и он опять усадил ее на кровать, взял обе руки в свои и начал говорить, но она только качала головой и отворачивала заплаканное лицо. А потом сказала, что ей пора и что она не имеет права опоздать на поезд.

Они шли к вокзалу, она держала его за руку, а он нес ее чемоданчик. Прошли по аллее над старой ареной, где устраивались бои быков, спустились по ступенькам мимо каменной,

---

¹⁷¹ Угол улицы Желаний и переулка Мексиканского Мыслителя.

украшенной резьбой эстрады для оркестра. Дул сухой ветер с юга, шуршал листьями эвкалиптов. Солнце уже село, парк погружался в голубые сумерки, а по стенам акведука и на аллеях загорались желтые уличные фонари.

На платформе она прижалась к нему, уткнувшись в плечо. Он говорил, говорил, но она молчала. Потом с юга появился поезд. Выпуская клубы дыма и пара и громко пыхтя и отдуваясь, мимо них прошел паровоз, потом остановился, отчего по всему составу, от головы к хвосту, прокатился грохот. Изгибаясь вдоль перрона, вагоны уходили в темноту, и лишь их окна тихо светились. Джон-Грейди вспомнил, как двадцать четыре часа назад такой же поезд подошел к этой платформе. Алехандра коснулась пальцами серебряного ожерелья на шее, наклонилась, чтобы взять свой коричневый чемоданчик, поцеловала Джона-Грейди, прижалась к нему мокрым лицом, потом направилась к вагону и скрылась в нем. Джон-Грейди смотрел ей вслед и думал, что все это сон. Вокруг родные и близкие здоровались и прощались друг с другом. Джон-Грейди бросил взгляд на мужчину с девочкой на руках, которая весело смеялась, но вдруг увидела лицо Джона-Грейди, и ее веселье как ветром сдуло. Джон-Грейди стоял и удивлялся, как у него хватает сил дожидаться отхода поезда. Но он выдержал до конца и, когда поезд растворился в сумерках, повернулся и зашагал прочь.

Расплатившись в гостинице и забрав свою сумку, Джон-Грейди отправился в бар в ближайшем переулке, из открытой двери которого доносилась веселая американская музыка. Там он страшно напился, ввязался в драку и проснулся на железной кровати в незнакомой комнате с зелеными обоями и бумажными занавесками. За окном серел рассвет и пели петухи.

Джон-Грейди осмотрел свое лицо в тусклом зеркале. Челюсть распухла, виднелся огромный синяк. Лицо в зеркале делалось относительно симметричным, только если чуть повернуть голову. Попытки приоткрыть рот отзывались резкой болью. Рубашка порвана и запачкана кровью, сумка исчезла. Мало-помалу в его памяти начали возникать фрагменты ночи, весьма похожей на дурной сон. Джон-Грейди вспомнил силуэт человека на улице, стоявшего вдалеке, как тогда Ролинс на автостанции – вполоборота, накиннув на плечо куртку, словно желая бросить прощальный взгляд. Как человек, который уходит, не осквернив чужого дома, не посягнув на дочь хозяина... Джон-Грейди вспомнил свет в дверном проеме складского помещения с крышей из рифленого железа, куда никто не заходил и не выходил оттуда... Городской пустырь под дождем. В тусклом свете фонаря из какого-то ящика выбралась бездомная собака, до которой никому не было дела, постояла и побрела дальше среди куч мусора и камней, а потом скрылась за темными домами.

Джон-Грейди вышел на улицу. Стал снова накрапывать дождь. Не зная, где находится, Джон-Грейди попытался найти дорогу к центру, но быстро заблудился в лабиринте узких улочек. Спросил у какой-то женщины, как пройти к центру, та показала рукой направление, а потом долго смотрела ему вслед. Наконец вышел на улицу Идальго. Навстречу бежала собачья свора. Когда собаки оказались рядом, одна из них вдруг поскользнулась на мокрых камнях и упала. Другие, скаля зубы и угрожающе рыча, обернулись к незадачливой псине, но та успела вскочить на лапы, не дав возможности остальным на нее наброситься. Затем свора как ни в чем не бывало удалилась.

Джон-Грейди дошел до северной окраины Сакатекаса и вышел на шоссе. Когда появлялась машина, он поднимал руку. Деньги были на исходе, а путь предстоял неблизкий.

Весь день он ехал в старом фаэтоне «ла-саль». Водитель в белом костюме с гордостью поведал пассажиру, что это единственный автомобиль такой марки во всей Мексике. Он рассказал Джону-Грейди, что в молодости странствовал по всему белому свету и учился вокальному искусству в Милане и Буэнос-Айресе. Водитель исполнил несколько арий, энергично при этом жестикулируя.

К середине следующего дня Джон-Грейди добрался на попутках до Торреона. Забрал свои одеяла в гостинице, потом отправился за конем. Джон-Грейди был небрит, немыв и в

той самой порванной и запачканной кровью рубашке, в которой покинул Сакатекас. Увидев его, хозяин конюшни сочувственно покачал головой, но ничего не сказал. Джон-Грейди вывел своего мышастого, сел в седло и влился в оживленный поток уличного движения. Конь сильно нервничал, пугался, то и дело принимался гарцевать и лягаться. Однажды, осерчав на автобус, он лягнул его и проделал в борту вмятину, к большому удовольствию пассажиров, которые, чувствуя себя в безопасности, весело поощряли его на новые подвиги.

На улице Дегольадо Джон-Грейди заметил оружейную лавку, остановил коня, спешился, привязал его к фонарному столбу и вошел внутрь. Там он купил коробку патронов для кольта сорок пятого калибра. Вторую остановку сделал на окраине у продуктового магазинчика, где приобрел несколько банок фасоли, тортильи и сыр, затем доверху наполнил водой фляжку. Уложив все это добро в скатку, он привязал ее сзади к седлу, сел на коня и поехал на север. Недавние дожди заметно освежили окрестности: у самой дороги весело зеленела трава, луга были усеяны цветами. Ночь Джон-Грейди провел в чистом поле, вдали от всякого жилья. Костер разводить не стал, перекусил наскоро и, улегшись на одеяло, слушал, как хрумкает травой его конь и шумит ветер. Джон-Грейди лежал, смотрел на звездное небо и испытывал такое чувство, будто в сердце ему вбили кол. Всю боль в этом мире он представлял себе в виде бесформенного существа-паразита, любящего погреться теплом человеческих душ и потому норовящего украдкой в них заползать и там поселиться. Раньше Джон-Грейди думал, что понимает, когда и как человек делается незащищен перед такими вторжениями. Но он не учитывал того, что существо-то безмозглое, поэтому откуда ему знать, в какую душу можно, а в какую нельзя соваться. Впрочем, Джон-Грейди втайне опасался, что никаких преград для этого существа вообще не существует.

К середине следующего дня он очутился в большой котловине, потом потянулись холмы и предгорья. Конь был плохо подготовлен к столь тяжелому переходу, поэтому они часто делали остановки. Джон-Грейди ехал по ночам, чтобы копыта мышастого отдыхали на влажной ночной почве – или, по крайней мере, не такой нагретой, как днем. Вдалеке мелькали огоньки деревень, и Джону-Грейди чудилось, что жизнь там течет какая-то особая, загадочная. Пять дней спустя вечером он подъехал к большой развилке у безымянного поселка. Остановив коня на перекрестке, он стал читать при свете луны названия городов и поселков, выжженные по дереву раскаленным железом: Сан-Херонимо, Лос-Пинтос, Ла-Росита. На нижнем указателе значилось: Энкантада. У этого указателя Джон-Грейди простоял довольно долго, время от времени наклоняясь и сплевывая. Затем устоялся на запад, в темноту.

К черту! Не оставлять же им коня, пробормотал он.

Он ехал всю ночь и, когда забрезжил рассвет, вывел сильно притомившегося жеребца на холм, с которого хорошо просматривались очертания Энкантады. В старых глинобитных домиках желтели первые утренние огни, из труб совершенно вертикально поднимались столбы дыма, отчего казалось, что городок висит на нитях, уходящих ввысь, в темноту.

Джон-Грейди спешился, развернул скатку, достал коробку с патронами, половину высыпал в карман, проверил, все ли шесть патронов в барабане кольта, закрыл дверцу барабана, заткнул за пояс, потом опять скатал одеяла, приладил за седлом и отправился в Энкантаду.

На улицах не было ни души. Привязав коня у магазина, Джон-Грейди двинулся к зданию бывшей школы, поднялся по ступенькам, заглянул в окошко, подергал дверь. Убедившись, что она заперта, он зашел с тыла, осторожно выдал стекло в задней двери и, просунув руку в отверстие, поднял задвижку. Вошел, держа в руке кольт, и, оказавшись в классной комнате, выглянул из окна на улицу. Подойдя к столу капитана, выдвинул верхний ящик, извлек наручники и положил на стол. Потом сел и закинул ноги на серую столешницу.

Час спустя появилась уборщица, открывшая дверь своим ключом. Увидев за столом незнакомого человека, женщина испуганно вздрогнула.

Pásale, pásale, сказал Джон-Грейди. *Está bien*¹⁷².

Уборщица собиралась пройти через классную комнату и скрыться за дверью, но Джон-Грейди велел ей остаться и сесть на один из металлических стульев у стены. Она подчинилась, не задавая никаких вопросов. Сидят, ждут.

Капитана Джон-Грейди увидел, когда тот переходил улицу. Вскоре послышались шаги за стеной, и в комнату вошел капитан с чашкой кофе в правой руке и связкой ключей в левой. Под мышкой капитан зажимал письма и газету. Он резко остановился, увидев Джона-Грейди, который наставил на него револьвер, уперев рукоятку в столешницу.

*Sierra la puerta*¹⁷³, распорядился Джон-Грейди.

Капитан покосился на дверь. Джон-Грейди встал и взвел курок. В общем безмолвии щелчок показался особенно зловещим. Уборщица зажмурилась и зажала уши руками. Капитан толкнул дверь локтем, и она закрылась.

Что тебе надо?

Я пришел за конем.

За конем?

Да.

У меня его нет.

Советую тебе вспомнить, где он.

Капитан посмотрел на уборщицу. Она по-прежнему сидела, зажав уши, но уже открыла глаза и смотрела на них.

Подойди сюда и положи все это на стол, приказал Джон-Грейди.

Капитан послушно подошел к столу, положил почту, поставил чашку, но с ключами расставаться не спешил.

Положи ключи.

Капитан подчинился.

Повернись.

Ты накличешь на себя беду, предупредил капитан.

Я знаю про беду такое, что тебе отродясь не снилось. Повернись, кому говорят.

Капитан повернулся. Джон-Грейди нагнулся к нему, отстегнул кобуру, вытащил пистолет, поставил на предохранитель и сунул себе за ремень.

Повернись, снова приказал он.

Капитан опять подчинился. Хотя Джон-Грейди не велел ему поднять руки вверх, капитан на всякий случай вскинул их повыше. Джон-Грейди взял со стола наручники и тоже сунул за ремень.

Куда денем уборщицу?

¿Mande?

Ладно, пошли.

Джон-Грейди взял ключи, вышел из-за стола и толкнул капитана вперед. Кивнул в сторону женщины.

Vámonos, сказал он.

Задняя дверь оставалась распахнутой, и они вышли из здания и двинулись по дорожке к тюрьме. Джон-Грейди отомкнул замок, открыл дверь. В бледном треугольнике света он увидел старика. Тот сидел и шурился.

¿Ya estas, viejo?¹⁷⁴

---

¹⁷² Проходите, проходите. Все в порядке (исп.).

¹⁷³ Закрой дверь (исп.).

¹⁷⁴ Ты тут, старик? (исп.)

*Sí, cómo no*¹⁷⁵.

*Ven aquí*¹⁷⁶.

Старик долго поднимался с пола. Потом, держась рукой за стену, заковылял к выходу. Джон-Грейди сказал старику, что тот свободен и волен идти куда хочет. Потом жестом велел уборщице войти. Он извинился, что причиняет ей такие неудобства, но она ответила, что он может не беспокоиться. Тогда он закрыл дверь и снова навесил замок.

Когда он обернулся, старик по-прежнему стоял у двери. Джон-Грейди сказал, чтобы он отправлялся домой. Старик вопросительно посмотрел на капитана.

*No lo mire a él*¹⁷⁷, сказал Джон-Грейди. *Te lo digo yo. Ándale*.¹⁷⁸

Старик схватил его руку и хотел было поцеловать, но Джон-Грейди резко убрал ее.

Проваливай отсюда. И не пялся на него. Ну, вперед!

Старик шаркающей походкой двинулся к воротам, открыл засов, вышел на улицу и аккуратно закрыл их за собой.

Когда Джон-Грейди с капитаном появились на улице, капитан шел, ведя коня под уздцы, а Джон-Грейди сидел в седле. На его руках виднелись наручники, а оба пистолета были заткнуты за ремень, так что под курткой их было не заметно. Свернули на улицу к голубому дому, в котором жил чарро, и капитан постучал в дверь. Вышла женщина, посмотрела на капитана, снова скрылась в доме, и вскоре появился чарро. Он кивнул капитану и застыл на месте, ковыряя в зубах. Посмотрел на Джона-Грейди, потом на капитана. Потом снова на Джона-Грейди.

*Tenemos una problema*¹⁷⁹, сказал капитан.

Тот продолжал работать зубочисткой. Револьвера под курткой Джона-Грейди он не замечал, и никак не мог понять, почему так странно ведет себя капитан.

Ven aquí, сказал Джон-Грейди. *Cierra la puerta*¹⁸⁰.

Когда мексиканец глянул в револьверное дуло, Джон-Грейди прямо воочию увидел, как в голове у него завертелись колесики и все встало на свои места. Чарро протянул руку и закрыл дверь. Потом посмотрел на американца на лошади. Солнце било ему в глаза, и он сделал шаг в сторону и чуть наклонил голову.

*Quiero mi caballo*¹⁸¹, сказал Джон-Грейди.

Чарро бросил взгляд на капитана, но тот только пожал плечами. Тогда он посмотрел на американца, покосился вправо, потом уставился в землю. Джону-Грейди сверху были видны через забор глинобитные сараи, а также ржавая железная крыша строения побольше. Он спрыгнул с лошади, и наручники повисли на одном запястье.

Vámonos, сказал он.

Конь Ролинса стоял в глинобитном сарае за домом. Джон-Грейди заговорил с жеребцом, тот поднял голову, узнал его и тихо заржал. Джон-Грейди велел чарро принести уздечку и, пока тот надевал на Малыша оголовье, держал его под прицелом, а затем взял у него поводья. Чарро судорожно сглотнул и покосился на капитана. Джон-Грейди взял одной рукой капитана за шиворот, другой приставил револьвер к его затылку и сообщил чарро, что если он еще хоть раз посмотрит на капитана, тот получит пулю в голову. Чарро уставился в землю. Джон-Грейди сообщил ему, что лично у него кончилось терпение и времени в обрез, что капитанова песенка спета, но чарро еще может спасти свою шкуру. Он также сообщил, что Блевинс был ему братом и что он пообещал не возвращаться в отчий дом без головы капитана. Потом добавил,

---

¹⁷⁵ Да, почему ж нет-то (исп.).

¹⁷⁶ Иди сюда (исп.).

¹⁷⁷ Не смотри на него (исп.).

¹⁷⁸ Я тебе говорю. Иди (исп.).

¹⁷⁹ Есть проблема (исп.).

¹⁸⁰ Иди сюда. Закрой дверь (исп.).

¹⁸¹ Хочу моего коня (исп.).

что в их семье есть еще братья и если ему не удастся выполнить задуманное, то остальные ждут не дождутся, когда настанет их черед. Тут чарро не справился со своими чувствами и снова посмотрел на капитана, затем поспешно отвел глаза в сторону и закрыл их ладонью. Джон-Грейди теперь сам бросил взгляд на капитана и заметил, что тот впервые за это время помрачнел. Капитан попытался что-то сказать чарро, но Джон-Грейди потряс его за шиворот и пригрозил, что если тот хоть пикнет, он пристрелит его на месте.

Tú, обратился он к чарро. *¿Dónde están los otros caballos?*¹⁸²

Чарро посмотрел на сарай. Он очень напоминал статиста, который произносит положенные реплики в спектакле.

*En la hacienda de Don Rafael*¹⁸³, сказал он.

Они поехали по городу – впереди, на лошади Ролинса, капитан и чарро, без седла, а сзади Джон-Грейди, по-прежнему как бы в наручниках. Через плечо у него была перекинута еще одна уздечка. Старухи, с утра пораньше подметавшие улицы, смотрели им вслед.

До асьенды, о которой шла речь, было километров десять, и они оказались там через час. Проехав в открытые ворота, направились мимо дома к конюшням в сопровождении целой стаи собак, которые лаяли, вставали на задние лапы, забегали вперед.

У корраля Джон-Грейди остановил своего коня, убрал в карман наручники и вытащил из-за пояса револьвер. Затем он спешился, открыл ворота и знаком велел им проезжать. Под уздцы ввел своего жеребца, закрыл ворота и велел мексиканцам спешиться и идти к конюшне.

Это было новое строение из саманного кирпича с железной крышей. Противоположный выход был закрыт, денники тоже. В проходе было темно. Подталкивая стволом револьвера то капитана, то чарро, Джон-Грейди слышал, как в денниках возились лошади, а где-то под крышей ворковали голуби.

Редбо! – крикнул он.

Из дальнего конца конюшни послышалось ржание.

Vámonos, сказал он, подталкивая пленников.

В этот момент сзади появился человек и застыл в дверном проеме.

*¿Quién está?*¹⁸⁴ – спросил он.

Джон-Грейди подошел к чарро и ткнул его револьвером в ребра.

*¡Respóndele!*¹⁸⁵

Луис, сказал чарро.

Луис?

Sí.

*¿Quién más?*¹⁸⁶

Рауль. *El capitán.*

Человек в нерешительности переминался с ноги на ногу. Джон-Грейди подошел к капитану сзади.

*Tenemos un preso*¹⁸⁷, прошепел он ему.

Tenemos un preso, послушно повторил капитан.

*Un ladrón*¹⁸⁸, прошептал Джон-Грейди.

Un ladrón...

¹⁸² Ты! Где остальные кони? (исп.)

¹⁸³ На асьенде дона Рафаэля (исп.).

¹⁸⁴ Кто там? (исп.)

¹⁸⁵ Отвечай! (исп.)

¹⁸⁶ А кто еще? (исп.)

¹⁸⁷ У нас арестованный (исп.).

¹⁸⁸ Конокрад (исп.).

*Tenemos que ver un caballo*¹⁸⁹.

Tenemos que ver un caballo, повторил капитан.

*¿Cúal caballo?*¹⁹⁰

*Un caballo americano*¹⁹¹.

Человек постоял, потом убрался из прохода. Больше никто ничего не говорил.

*¿Qué pasó, hombre?*¹⁹² – вновь подал голос тот человек.

Никто ему не ответил. Джон-Грейди посмотрел на залитое солнцем пространство у конюшни. Сначала на нем виднелась тень того, кто стоял у входа сбоку. Потом тень пропала. Джон-Грейди прислушался и подтолкнул своих пленников вглубь конюшни.

Vámonos, сказал он.

Он еще раз окликнул Редбо и отыскал его денник. Открыв дверь, вывел Редбо в проход. Тот уткнулся носом в грудь Джону-Грейди, и он ласково заговорил с конем. Редбо заржал и двинулся к выходу и солнцу сам, без уздечки и поводьев. Заметив движение в проходе, еще два коня высунули из денников морды. Одним из них оказался гнедой Блевинса.

Джон-Грейди остановился, посмотрел на гнедого, потом окликнул чарро, снял с плеча уздечку, вручил ему и велел взнуздать жеребца. Он, впрочем, тут же подумал, что человек, возникший на пороге конюшни и, конечно же, увидевший в коррале двух чужих лошадей, причем одну непоседланную, наверное, побежал в дом за винтовкой и успеет вернуться до того, как чарро взнуздает гнедого. Как вскоре выяснилось, Джон-Грейди не ошибся. Человек снова появился на пороге конюшни, окликнул капитана. Тот посмотрел на Джона-Грейди. Чарро держал в одной руке уздечку, другой поддерживал снизу голову гнедого.

Ándale, сказал Джон-Грейди.

Рауль! – крикнул тот, что стоял на пороге.

Чарро перебросил оголовье уздечки через уши гнедого, затем застыл у входа в денник, держа в руке поводья.

Vámonos, сказал Джон-Грейди.

У самого входа на столбе висели мотки веревки, уздечки и прочие необходимые предметы. Джон-Грейди взял уздечку, передал ее чарро и велел привязать один конец к подшейку упряжи лошади Блевинса. Он понимал, что нет необходимости проверять, все ли правильно сделает этот человек, поскольку тот вряд ли может позволить себе роскошь ошибиться. Жеребец Джона-Грейди стоял в дверях и оглядывался. Джон-Грейди посмотрел на человека, стоявшего у стены конюшни снаружи.

*¿Quién está contigo?*¹⁹³ – спросил тот.

Джон-Грейди вынул наручники из кармана и велел капитану повернуться и завести руки за спину. Капитан замешкался и бросил взгляд в сторону выхода. Джон-Грейди поднял револьвер.

Bien, bien, подал голос капитан.

Джон-Грейди защелкнул наручники на его запястьях и, толкнув его вперед, подал знак чарро выводить лошадь. В дверях стояла возник конь Ролинса и стал тыкаться головой в шею Редбо. Оказавшись на границе полутьмы и света, попадавшего в гараж, Джон-Грейди забрал веревку из рук чарро.

*Espera aquí*¹⁹⁴, сказал он.

---

¹⁸⁹ Мы должны взглянуть на лошадь (исп.).

¹⁹⁰ На какую? (исп.)

¹⁹¹ Американскую (исп.).

¹⁹² Что происходит, приятель? (исп.)

¹⁹³ Кто с тобой? (исп.)

¹⁹⁴ Подожди здесь (исп.).

Sí.

Он подтолкнул капитана вперед.

Quiero mis caballos, сказал он. *Nada más*¹⁹⁵.

Никто ему не ответил.

Он уронил повод, шлепнул коня по крупу, и тот, чуть склонив голову набок, словно опасаясь наступить на волоочащийся чумбур, рысью выбежал из конюшни. Затем конь повернулся и, ткнув лбом в шею коня Ролинса, посмотрел на человека, присевшего у стены. Тот, судя по всему, махнул рукой, потому что конь дернул головой, заморгал, но не отошел. Джон-Грейди подобрал волочившиеся поводья, продел их между скованных рук капитана, потом привязал свободный конец к балке у двери. Потом вышел из конюшни и наставил револьвер в лоб тому, кто сидел у стены.

Тот уронил винтовку, которую держал на уровне пояса, и поднял вверх руки. В этот же момент Джон-Грейди показалось, что его ударили палкой по ноге, и он как подкошенный упал на землю. Он даже не услышал выстрела – в отличие от гнедого Блевинса, который встал на дыбы, прыгнул, задел веревку и, завалившись набок, тяжело грохнулся оземь. Тотчас же стайка голубей выпорхнула из-под крыши конюшни и взмыла в утреннее небо. Две другие лошади побежали рысью вдоль забора. Джон-Грейди крепко сжал в руке револьвер и попытался подняться. Теперь он понял, что в него стреляли, и очень хотел понять, где прячется стрелок. Тот, что сидел у стены, попробовал поднять винтовку, но Джон-Грейди увидел это и, бросившись на него, успел завладеть ею. Затем он перекатился на другой бок и придержал рукой голову гнедого, по-прежнему лежавшего на земле, чтобы тот не мог подняться. Лишь после этого осторожно приподнял голову и стал озиаться по сторонам.

*Ne tire el caballo*¹⁹⁶, крикнул человек за его спиной.

Тут наконец Джон-Грейди увидел того, кто в него стрелял. Примерно в сотне ярдов от конюшни в кузове грузовика стоял человек с винтовкой, ствол которой лежал на крыше кабины. Джон-Грейди навел на стрелка револьвер, и тот присел за кабиной, наблюдая за противником через заднее и лобовое стекла кабины. Джон-Грейди взвел курок, прицелился и выстрелил. В лобовом стекле появилась дырочка. Затем Джон-Грейди повернулся и навел револьвер на того, кто стоял за ним на коленях. Гнедой тревожно заржал. Он дышал ровно и глубоко, и живот его мерно вздымался и опускался. Человек поднял руки и сказал: «No me mate» – «Не убивай». Джон-Грейди перевел взгляд на грузовик. Теперь стрелок выскочил из кузова, его сапоги виднелись за задней осью. Джон-Грейди улегся за гнедым, прицелился и снова выстрелил. Человек отступил, спрятавшись за заднее колесо. Джон-Грейди снова выстрелил, прострелив шину. Стрелок опрометью бросился от грузовика к сараю. Шина спустила со свистом, особенно громким в общей тишине, и грузовик осел назад и набок.

Редбо и Малыш стояли у стены конюшни и дрожали, закатывая глаза. Джон-Грейди навел револьвер на человека у стены и окликнул чарро. Тот не отозвался, тогда Джон-Грейди, снова окликнув его, велел принести седло и уздечку для второй лошади, а также веревку и пригрозил в случае непослушания пристрелить того, кто сидел у стены. Несколько минут спустя чарро появился в дверях конюшни. Прежде чем выйти, он громко назвал свое имя, словно произнося заклинание от беды.

Джон-Грейди велел ему выходить, пообещав не стрелять.

Пока чарро седлал и взнуздывал Редбо, Джон-Грейди разговаривал с конем. Гнедой Блевинса лежал, и бока его по-прежнему мерно вздымались и опускались, у Джона-Грейди даже рубашка взмокла от жаркого конского дыхания. Он вдруг понял, что дышит в такт гнедому,

---

¹⁹⁵ Мне нужны мои лошади. Больше ничего (*исп.*).

¹⁹⁶ Не застрели коня (*исп.*).

словно часть лошади дышала внутри его самого, но потом он почувствовал, что есть и более глубокое сродство, которое, впрочем, ощущалось смутно.

Он посмотрел на ногу. Штанина потемнела от крови, кровь была и на земле. Его охватило странное оцепенение, но боли он не чувствовал. Чарро подвел поседланного Редбо. Джон-Грейди чуть приподнялся и посмотрел на гнедого. Тот покосился на него, потом устоялся в голубую бездонную высь. Джон-Грейди оперся о винтовку и попробовал встать. Тут же правую половину тела пронзила жгучая боль, и он судорожно, со всхлипом втянул в себя воздух. Гнедой Блевинса тоже стал подниматься и резко потянул веревку. Тогда из конюшни раздался вопль, и, шатаясь, появился капитан. Руки его были заведены за спину, и он согнулся пополам. Он напоминал дикое животное, которое охотники вытаскивают из норы. Капитан потерял фуражку, черные волосы висели длинными патлами, лицо посерело. Когда гнедой дернулся от выстрела, веревка рванула капитана, вывихнув ему плечо, и теперь он мучился от боли. Джон-Грейди отвязал эту веревку от подшейника гнедого, взял другую, ту, что принес чарро, закрепил один конец на упряжи, а второй сунул чарро в руки и велел привязать к рожку седла Редбо, а потом вывести двух остальных коней. Потом он посмотрел на капитана. Тот сидел на земле скособочившись, со скованными за спиной руками. Незнакомый мексиканец по-прежнему стоял у стены на коленях, поднимая руки вверх. Когда Джон-Грейди посмотрел на него, тот покачал головой.

*Está loco*¹⁹⁷, сказал он.

*Tiene razón*¹⁹⁸, отозвался Джон-Грейди.

Джон-Грейди велел ему вызвать из сарая стрелка, мексиканец послушно окликнул того раз, другой, но тот не показывался. Джон-Грейди прекрасно понимал, что, во-первых, стрелок в сарае не даст им спокойно уехать, а во-вторых, надо что-то делать с перепуганным гнедым. Он велел чарро посадить капитана на мышастого, а сам оперся о гнедого и со вздохом посмотрел на раненую ногу. Когда он снова обернулся к чарро, тот уже стоял с мышастым возле капитана, который, однако, не выказывал ни малейшего желания садиться в седло. Джон-Грейди уже было нацелил револьвер, чтобы выстрелить капитану под ноги, но вовремя вспомнил про гнедого. Затем он еще раз покосился на стоявшего на коленях и, пользуясь винтовкой как костылем, подобрал поводья Редбо, волочившиеся по земле, сунул револьвер за ремень, поставил здоровую ногу в стремя и, собравшись с духом, перекинул раненую ногу через спину коня. Сел в седло. На это он затратил больше сил, чем требовалось, потому что понимал: если с первого раза не получится, на вторую попытку сил не останется. Но ему сопутствовала удача, хотя он и вскрикнул от боли. Затем он отцепил веревку от седельного рожка и подал лошадь задом к капитану. Он не выпускал из рук винтовки и приглядывал за сараем, где затаился стрелок. Он чуть было не наехал на капитана, – впрочем, если бы это случилось, не стал бы особенно переживать. Затем Джон-Грейди крикнул чарро, чтобы тот отвязал веревку от столба у двери и передал ему конец. Он уже успел заметить, что между чарро и капитаном пробежала кошка. Когда чарро подошел с веревкой, он велел привязать конец к капитановым наручникам, и чарро беспрекословно выполнил распоряжение, после чего отошел в сторону.

Gracias, сказал Джон-Грейди, смотал веревку, обвязал ее серединой вокруг седельного рожка и двинул коня вперед.

Поняв, в каком положении он очутился, капитан поднялся на ноги.

¡Momento! – крикнул он.

Джон-Грейди поехал, по-прежнему держа в поле зрения сарай. Капитан, увидев, как волочится по земле веревка, побежал за ним.

¡Momento! – снова крикнул он.

¹⁹⁷ Сумасшедший (исп.).

¹⁹⁸ Твоя правда (исп.).

Когда они выехали из ворот, капитан уже сидел на Редбо, а Джон-Грейди расположился сзади, обхватив его руками. Гнедой Блевинса следовал за ними на веревке, а два других коня бежали впереди. Джон-Грейди вознамерился вывести всех четырех лошадей с усадьбы любой ценой, но что делать потом, он пока сам не знал. Нога одеревенела, кровоточила и казалась тяжелой, как мешок с мукой. Сапог наполнялся кровью. Когда Джон-Грейди поравнялся с воротами, чарро подал ему его шляпу, и Джон-Грейди, наклонясь, взял ее и кивнул.

¡Adiós! – сказал он.

Чарро отступил назад и тоже кивнул. Джон-Грейди подал своего коня вперед, и они двинулись по аллее. Он держался за капитана и сидел чуть вполоборота, не опуская винтовки. Чарро застыл у ворот, но тех двоих видно не было. От капитана разлило потом, немывтым телом. Он расстегнул несколько пуговиц на форменной рубашке и сунул за пазуху больную руку, чтобы не так сотрясалась. Пока проезжали дом, оттуда никто не появился, но, когда уже выехали на дорогу, из-за угла им вслед смотрело с полдюжины женщин и девушек.

По дороге двигались в том же порядке – впереди Малыш и мышастый, а Джон-Грейди на Редбо вел на веревке гнедого Блевинса. Они ехали рысью в направлении Энкантады. Джон-Грейди подозревал, что мышастый может по пути сбежать, и пожалел, что не поседлал Малыша, но теперь заниматься этим было уже некогда. Капитан жаловался на боль в плече, потом заявил, что ему нужен доктор, и еще потребовал, чтобы его отпустили помочиться. Джон-Грейди оглянулся и сказал капитану:

Потерпишь. А нет, так тоже ничего. Все равно от тебя несет, как из парашаи.

Только минут десять спустя Джон-Грейди увидел погоню – четверо всадников догоняли их галопом. Они скакали, пригнувшись к шеем лошадей, каждый с винтовкой в руке. Джон-Грейди отпустил поводья, развернулся и, передернув затвором винтовки, выстрелил. Гнедой Блевинса тут же исполнил какой-то странный танец, словно цирковая лошадь, а капитан, похоже, резко натянул поводья, потому что их конь встал как вкопанный, и Джон-Грейди врезался в капитана, чуть не сбросив того на землю. Догонявшие тем временем осадили лошадей и теперь кружили на дороге. Джон-Грейди дослал новый патрон в ствол винтовки и снова выстрелил. Редбо развернулся, отчего веревка натянулась, и гнедой совсем разнервничался. Тогда Джон-Грейди стукнул стволом винтовки по руке капитана, чтобы тот отпустил поводья, перехватил их и, снова повернув Редбо, подал его вперед. Когда он обернулся, всадников на дороге уже не было. Джон-Грейди успел лишь заметить, как последняя лошадь преследователей скрылась в зарослях. Что ж, теперь он знал, откуда ждать опасности. С этой мыслью он нагнулся, взял веревку, обмотанную вокруг седельного рожка, и стал подтягивать к себе перепуганного гнедого, потом снова закрепил ее и пришпорил Редбо. Когда они наконец поравнялись с ушедшими вперед другими лошадьми, Джон-Грейди увел свой табун с дороги, и они стали обходить Энкантаду с запада по сильно пересеченной, поросшей кустарником местности. Капитан попытался обернуться и обратиться с очередной жалобой, но Джон-Грейди крепко стиснул его в объятьях, и тот погрузился в оцепенение, сражаясь со своей болью. Со стороны он походил на манекен из витрины магазина, который шутки ради захватили на верховую прогулку.

Оказавшись в довольно широком арройо, Джон-Грейди пустил Редбо размашистой рысью. Ногу пронзала острая пульсирующая боль. Капитан снова забубнил, чтобы его отпустили. Судя по положению солнца, арройо шло на восток и вскоре начало сужаться, а дно сделалось слишком неровным и усыпанным большими камнями, отчего бежавшие впереди кони сбавили ход, то и дело озираясь на обступающие склоны. Решив не рисковать, Джон-Грейди продолжал двигаться в том же направлении, и кони вскоре перешли на шаг, осторожно пробираясь среди каменных завалов. Потом они все же забрались по северному склону и двинулись по голому, лишенному признаков растительности косогору. Джон-Грейди снова крепко обхватил капитана и обернулся. Преследователи отставали примерно на милю, и теперь Джон-

Грейди насчитал уже не четверых, а шестерых конников. Когда они в очередной раз скрылись из вида, спустившись в лощинку, Джон-Грейди отвязал от седельного рожка веревку, на которой вел за собой гнедого, чуть потравил ее и снова привязал к рожку.

Ты, видать, денежки задолжал этим поганцам, с усмешкой сказал он капитану.

Пришпорив коня, он вскоре поравнялся с двумя другими, которые остановились в сотне футов дальше по гребню и нерешительно озирались. Дальше по оврагу было не пройти, а на открытой местности негде спрятаться. И нужно-то всего минут пятнадцать, но их у него как раз и нет. Тогда он неловко сполз с седла на землю и запрыгал кое-как на одной ноге к мышастому жеребцу, который подозрительно на него косился и нервно переминался. Джон-Грейди отвязал поводья от седельного рожка, поставил здоровую ногу в стремя, потом, охнув от боли, забрался в седло и посмотрел на капитана.

Поедешь следом за мной. Я догадываюсь, что у тебя на уме. Но если ты думаешь, что я тебя не догоню, то сильно ошибаешься. И учти, если мне придется играть с тобой в догонялки, я выпорю тебя хлыстом, как нашкодившего пса. ¿*Me entiende?*¹⁹⁹

Капитан промолчал. На его губах появилась ироническая улыбка. Джон-Грейди кивнул:

Правильно, улыбайся. Но заруби себе на носу: если я умру, то и ты меня не переживешь.

Он развернул коня и снова съехал в арройо. Капитан не отставал. Возле оползня Джон-Грейди спешился, привязал коня, закурил сигарету, взял винтовку и запрыгал на одной ноге, обходя камни и обломки скал. Отыскав укромное местечко среди камней, он остановился, вытащил из-за ремня капитанов пистолет и положил на землю. Потом вынул нож, отрезал полосу от рубашки и свернул ее в жгут, который разрезал надвое. Одним обмотал спусковой крючок, оттянув его назад. На рукоять жгут наматывал плотно, чтобы нажатым оказался и предохранитель. Потом отломал кусок сухой ветки и привязал к ней один конец второго жгута, а другой – к курку. Ветку придавил большим камнем, потянул пистолет, чтобы жгут взвел курок, и положил пистолет на землю, а на него накатила еще один камень, после чего осторожно убрал руку, чтобы проверить, как все держится... Как следует затянулся сигаретой, чтобы она лучше разгорелась, и приложил ее к жгуту. Потом сделал шаг назад, поднял винтовку и, опираясь на нее, запрыгал к коням.

Снял с мышастого фляги с водой, потом уздечку. Погладил ему подбородок.

Извини, что бросаю тебя, старина. Ничего не поделаешь... Но ты был молодчиной...

Он передал фляги капитану, повесил уздечку себе на плечо и протянул капитану руку. Тот мрачно посмотрел на Джона-Грейди, но после секундного замешательства ухватил его своей здоровой рукой и помог взобраться на коня. Снова расположившись у капитана за спиной, Джон-Грейди взял поводья, развернул коня и выехал опять на гребень. Поравнявшись с двумя остальными лошадьми, Джон-Грейди погнал их вниз, на равнину. Земля там была выстлана обломками вулканической породы, и разглядеть на них следы конских копыт было бы трудно, хотя при желании все-таки возможно. Джон-Грейди прибавил ходу. Впереди, милях в двух, виднелась столовая гора, поросшая лесом, – похоже, там будет где спрятаться. Они не проехали и мили, как сзади, из арройо, раздался хлопок – это выстрелил пистолет, чего Джон-Грейди и дожидался.

Ну вот, капитан, ты только что стрельнул ради простого человека, провозгласил он.

Деревья, которые Джон-Грейди приметил издали, окаймляли берега высохшей речушки. Продравшись сквозь кустарник, Джон-Грейди оказался у тополиной рощицы. Развернув коня, он стал смотреть назад, туда, откуда они приехали. Всадников на равнине видно не было. Тогда он бросил взгляд на солнце и решил, что до захода еще часа четыре. Редбо был разгорячен и в мыле. Посмотрев по сторонам, Джон-Грейди направился туда, где выше по руслу, у зарослей ивняка, две другие лошади утоляли жажду из какого-то бочага. Подъехав

---

¹⁹⁹ Понял? (исп.)

к ним, Джон-Грейди, морщась от боли, соскользнул с Редбо, поймал Малыша, снял с плеча уздечку и медленно стал его взнуздывать. Потом махнул винтовкой капитану, чтобы и тот спешился, а сам расстегнул подпругу, стащил с Редбо седло и вальтрап на землю, потом взял вальтрап, накинул на Малыша и оперся на него, чтобы перевести дух. Нога болела уже просто адски. Прислонив винтовку к Малышу, он поднял седло, начал его прилаживать, потом привел в порядок ремни подпруги. Какое-то время и человек, и конь, тяжело дыша, стояли неподвижно. Улучив момент, когда конь выдохнет, Джон-Грейди окончательно затянул подпругу, застегнул ее, взял винтовку и обернулся к капитану:

Если хочешь пить, давай пей, пока есть время.

Поддерживая здоровой рукой поврежденную, капитан прошел мимо лошадей, опустился на колени у воды и начал пить, а потом, зачерпывая воду здоровой рукой, стал окатывать себе лицо и шею. Поднявшись на ноги, угрюмо посмотрел на Джона-Грейди.

Почему бы тебе не оставить меня здесь? – сказал он.

Еще не хватало! Ты заложник.

¿Mande?

Ладно, поехали.

Капитан нерешительно топтался на месте.

Зачем ты вернулся? – спросил он.

За своим конем. Поехали.

Капитан кивнул на раненую ногу Джона-Грейди. Вся штанина уже потемнела от крови, и кровотечение, судя по всему, продолжалось.

Ты ведь умрешь, сказал капитан.

Это решать Всевышнему. Поехали.

Ты что, Бога не боишься?

У меня нет причин бояться Бога. У нас с ним вообще особые отношения.

Побойся Бога. Ты не представитель закона. Ты не обладаешь властью.

Джон-Грейди стоял, опершись на винтовку. Он коротко сплюнул, посмотрел на капитана и сказал, кивнув на Малыша:

Залезай вон на того коня. Поедешь спереди. Попробуешь вильнуть в сторону, я застрелю тебя без разговоров, понял?

Ночь застала их в предгорьях Сьерра-де-Энкантада. Они двигались по высохшему руслу реки, в узком ущелье, преодолевая завалы из камней, нанесенных потоками в сезон дождей, потом спустились в каменную тинаху²⁰⁰, в центре которой оказался совершенно круглый и совершенно черный водоем, на поверхности которого в совершенной неподвижности лежали ночные звезды. Осторожно ступая по некрутому каменному склону, две незаседланные лошади спустились к воде, подули на воду и стали пить.

Джон-Грейди и капитан спешили, прошли к дальнему концу тинахи, легли на камни, еще сохранившие дневное тепло, и тоже стали пить прохладную, сладостную и черную как бархат воду, а потом принялись обливаться лицо и шею. Посмотрели, как пьют лошади, и снова стали пить сами.

Джон-Грейди оставил капитана у воды, а сам, не расставаясь с винтовкой, похромал дальше по арройо и вскоре вернулся с сухими ветками и сучьями, занесенными сюда паводком. Он развел костер у водоема, раздувая огонь шляпой и подкладывая новые и новые ветки. В свете костра, отраженного в черной воде, лошади, покрытые подсыхающим потом, казались блеклыми расплывчатыми призраками. Переминаясь с ноги на ногу, они моргали красными глазами. Джон-Грейди посмотрел на капитана. Тот лежал на боку в ложбинке, словно пытался добраться до воды, но не сумел, лишь выбился из сил.

---

²⁰⁰ Впадину (исп.).

Джон-Грейди прохромал к лошадям, взял веревку, разрезал ее, чтобы сделать путы, и стреножил всех четырех. Вынув из винтовки все патроны, положил их в карман, потом взял флягу и пошел к костру.

Еще помахав шляпой, чтобы посильнее раздуть пламя, он вынул из-за пояса револьвер и вытащил ось барабана, которую вместе с выпавшим снаряженным барабаном тоже положил в карман к винтовочным патронам. Потом он вынул нож и отвинтил им винт, скрепляющий накладные пластины рукоятки, которые вместе с винтом убрал в другой карман. Снова помахал шляпой, чтобы угли в костре накалились докрасна, сгреб их в кучку и сунул туда ствол револьвера.

Следивший за его действиями капитан даже приподнялся.

Тебя найдут. Возьмут прямо здесь.

Мы здесь не задержимся.

Я больше не способен ехать верхом.

Ты ахнешь, когда узнаешь, на что еще ты способен.

Джон-Грейди снял рубашку, намочил в воде, вернулся к костру, снова помахал шляпой над углями, а затем стащил сапоги, расстегнул ремень и стал снимать штаны.

Пуля вошла в мякоть бедра довольно высоко с внешней стороны, а затем, чуть сместившись, вышла с внутренней, так что, вывернув ногу Джон-Грейди мог видеть оба отверстия. Он взял мокрую рубашку и стал протирать бедро, пока обе дырочки не сделались четкими, словно прорези на маске. Вокруг ран кожа приобрела странный желтоватый оттенок, переходивший у самых отверстий в мертвенную синеву. Джон-Грейди наклонился к костру, пошевелил палочкой угли, подцепил раму револьвера, извлек из костра, осмотрел и положил обратно. Капитан сидел молча и, положив больную руку на колени, следил за его манипуляциями.

Сейчас здесь станет шумно. Смотри, как бы на тебя не наступила лошадка, сказал Джон-Грейди.

Капитан промолчал. Он продолжал следить за Джоном-Грейди, который опять стал раздувать шляпой костер. Когда он снова вытащил револьвер из костра, конец ствола раскалился докрасна. Джон-Грейди положил его на камни, потом, обмотав руку влажной рубашкой, взял револьвер и прижал конец ствола к отверстию в бедре.

То ли капитан до этого не понимал, что задумал Джон-Грейди, то ли не верил в твердость его намерения, но, так или иначе, он попытался подняться на ноги, потерял равновесие, упал навзничь и чуть было не съехал в воду. Джон-Грейди завопил еще до того, как раскаленный металл зашипел, впиваясь в плоть. Этот вопль мгновенно заглушил все те звуки и шумы, которые исходили от прочих живых существ вокруг, и кони в ужасе стали подниматься на дыбы, словно пытаясь передними ногами сбить с неба звездочку-другую. Джон-Грейди перевел дух, а потом, опять истошно завопив, прижег раскаленным железом вторую рану. На этот раз он прижимал ствол к ране дольше, компенсируя то, что револьвер успел немного остыть. Затем он бессильно повалился на бок, револьвер выпал у него из руки и, звякая о камни, покатился к воде, скользнул в нее и, напоследок пшикнув, исчез в черноте.

Джон-Грейди сунул в рот большой палец, прикусил его и сидел, раскачиваясь от жуткой боли. Другой рукой он нашарил на камне незакупоренную флягу с водой и стал поливать ногу; при этом снова слышалось шипение, словно вода лилась на раскаленную плиту. Судорожно выдохнув, Джон-Грейди отбросил флягу, затем приподнялся и тихо окликнул своего коня по имени, повернув голову туда, где тот бился и падал, стреноженный, в темноте вместе с остальными своими собратьями. Джон-Грейди позвал Редбо в надежде хоть как-то помочь ему преодолеть тот ужас, который наполнил его конское сердце.

Когда Джон-Грейди снова потянулся за флягой, лежавшей на боку и истекавшей водой, капитан ударил по ней сапогом, и она отлетела в сторону. Джон-Грейди поднял голову. Над ним стоял капитан с винтовкой, приклад которой он зажал под мышкой.

Встань, скомандовал он, поведя стволом.

Джон-Грейди чуть приподнялся и посмотрел через водоем туда, где были лошади. Теперь он мог разглядеть только двух, – третья, похоже, ушла по арройо вниз, и, хотя отсюда нельзя было понять, какая именно, Джон-Грейди все же решил, что удрать решил гнедой Блевинса. Он взялся за ремень и с трудом натянул штаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.